

Августин

Ангелов

Печальный

таплицер

книга

2

Annotation

Военный пенсионер, оказавшийся в теле молодого рыцаря-тамплиера меняет историю, пытаясь защитить королевство христиан Леванта. Действие происходит на альтернативной Святой земле, где присутствует магия.

Выполняя указания командора, Григорий Родимцев поспешил к кастеляну. Гриша совершенно не имел ни малейшего понятия, как его найти, потому пришлось расспрашивать сержанта, стоящего на посту у входа в башню донжона. В конце концов, Родимцеву пришлось подняться по винтовой лестнице на средний уровень этой башни, где и размещались покои кастеляна. А покои командора, как поведал словоохотливый сержант, находились еще выше, под самой дозорной площадкой. Впрочем, с командором Григорий уже пообщался внизу. И теперь его интересовал кастелян, который должен был выдать новое обмундирование.

Кастеляном оказался сухонький морщинистый старичок, которого звали Бернар Бертье. Когда Григорий передал приказ командора выдать ему новые плащ и сюрко, этот Бернар достал из-под своего стола самую настоящую книгу учета и начал искать запись, когда Грегору Рокбюрну выдавалась одежда, сильно напоминая въедливого бухгалтера. Потом он нашел записи и проскрипел:

— Ну вот, совсем недавно вам, молодой человек, уже выдавалась одежда. Вы ее изгваздали всего за три месяца. Это никуда не годится. Непорядок нужно пресекать. А потому, советую вам молиться усерднее, думая, при этом, об аккуратности. И я обязательно доложу командору о том, что вы слишком быстро привели форму в негодность. Вот, возьмите эти бирки и идите на склад. Там все и выдадут.

Кастелян протянул большую бирку, вырезанную из кожи в форме креста, и еще одну, поменьше. На складе, который оказался в подвале башни, Григорию сержант выдал чистые плащ и орденский сюрко, а грязные забрал. Потом все обитатели крепости засуетились и побежали в замковую церковь на молитву. После чего в трапезной всех накормили ужином. Потом следовало еще идти и молиться на ночь. После этого нужно было идти спать. Но, Григорий вспомнил о своем оруженосце и пошел проверять, как устроился Мансур. Оказалось, что вполне неплохо. Все видели крест, нарисованный на его железной шляпе. И никто даже не спросил, крещенный он или нет. Только старший сержант отругал, что одет не по форме. Мансура записали в книгу сержантов и выдали ему форму: плащ и орденский сюрко оруженосца.

Братья-рыцари спали не в казарме, а в кельях, как в настоящей монашеской обители. Размещались они в каменном двухэтажном здании, пристроенном к донжону цитадели. Правда, кельи эти не имели дверей и располагались вдоль длинной открытой галереи, так что уединиться тут особенно не получалось. Тем более, что по галерее мимо кельи все время кто-нибудь проходил в отхожее место и обратно. Но, Григорию кое-как удалось заснуть на чистом белье, постеленном заботливыми сержантами-слугами поверх соломенного тюфяка. Монахи-рыцари жили в кельях по двое, но на этот раз Грише повезло, что ему не подселили никакого соседа. Из-за потерь личного состава, да и по причине того, что отряд Рене Дюрфора отбыл из крепости к Тамбурону, половина келий пустовала.

Проснулся он, к счастью, как только в хозяйственном дворе внешней крепости заголосили петухи, иначе рисковал бы не успеть на утреннюю молитву. Слова командора о том, что нужно молиться всю ночь перед походом, Григорий благополучно пропустил мимо ушей. Впрочем, никто и не спросил, молился он ночью, или нет. Похоже, многие тут только делали вид фанатично верующих, а на самом деле являлись самыми обыкновенными

людьми. Правда, были и такие, которые на самом деле бесконечно бормотали молитвы и падали на колени, неистово крестясь. Но у этих, как решил для себя Родимцев, понаблюдав за ними, скорее всего, немного поехала крыша от долгой службы и затворничества.

Как бы там ни было, а ему надлежало принимать командование отрядом. Во время утренней трапезы сержант принес ему список бойцов, с которыми предстояло идти на выручку Рене Дюрфору и его людям. Пока все не разошлось по кельям после завтрака досыпать, Григорий вышел на середину трапезной и огласил список, осмотрев свое маленькое войско, занятое едой, и повелев всем бойцам собраться за пределами цитадели, во дворе замка.

Все братья-рыцари из списка, который написал сам командор, оказались настоящими ветеранами. Самым младшим было лет сорок, а самым старшим — под шестьдесят. Командор не зря говорил о том, что в замке остались только пожилые рыцари. Скорее всего, Грегор Рокбюрн хорошо знал этих людей, но для Григория Родимцева, нечаянно оказавшегося на месте этого молодого парня, каждый из них казался загадкой. Имена их ничего не говорили ему. Во всяком случае, он не знал, признают ли седые ветераны в нем своего командира? Пойдут ли за ним? Будут ли выполнять команды в бою? Пока Родимцев при помощи Мансура облачался в свой кольчужный доспех, он думал о том, что на сплочение отряда времени уже и не будет. А ведь от взаимодействия бойцов в отряде во многом зависит успех их похода.

Командор тоже пришел на место сбора. Он дал приказ, и сержанты затрубили в рога, сзывая всех тех, кому надлежало ехать к построению. Все ветераны были извещены, но готовились медленно. Родимцеву показалось, что они нарочито никуда не торопятся. Возможно, они просто все еще сильно хотели спать, зевая на ходу, потому что рассвет еще только начинал просветлять небо лучами встающего солнца. Наконец, братья-рыцари стали строиться во дворе со своим походным снаряжением, с оруженосцами и с запасными конями.

Сам Родимцев стоял рядом со своим конем Антонием, стараниями Мансура, накормленным и ухоженным. После того, как Адельгейду он отвел в монастырь, пегая лошадь девочки досталась ему в качестве запасной. Григорий облачился в новенький добротный форменный плащ и в чистый орденский сюрко с большим красным лапчатым крестом. Чувствуя себя среди других тамплиеров вполне уверенно, он готов был оказаться наедине со своим отрядом. Он пристально вглядывался в суровые и покрытые шрамами бородатые лица братьев-рыцарей. Некоторые были выше его самого, а какие-то превосходили Григория в ширине плеч. Тем не менее, никто из них не роптал и не возмущался, что им назначили командиром именно Грегора Рокбюрна. Из чего Григорий сделал вывод, что кое-какой авторитет в обители храмовников у парня, то есть у него самого, имелся.

Все эти воины служили в ордене во имя Христа. Так они говорили. Но, по их лицам было понятно, что, на самом деле, они жили войной. И война давала им смысл жизни и стала уже за долгие годы служения их образом существования. Война сделалась неотъемлемой частью их натуры. Она была для них и печалью, и радостью. Она была их работой и их досугом. На войне они мужали и на войне умирали. А когда войны не было, эти люди проводили все свое время в подготовке к ней. И сейчас, в предвкушении нового военного похода, эти братья-рыцари готовились к предстоящей экспедиции со всей тщательностью.

Они отличались от простых солдат, которых Родимцев за время службы повидал немало в своей прошлой жизни военного. Эти не говорили нарочито громко, они не переговаривались возбужденно и не отпускали грубые шутки, а только опускали на свои лица выражения суровости и деловитости. Они готовились умереть за христианскую веру, если такое потребуется, и в этом решении собирались идти до конца. И они не выказывали и тени сомнения ни в выборе командира отряда командором, ни в целесообразности самого похода. В отличие от сержантов, дисциплина в братьях-рыцарях сидела крепко. И вскоре отряд выехал за ворота замка Кайфас.

Глава 1

Утро выдалось вполне добрым. Легкий ветерок с моря откуда-то даже пригнал несколько бледненьких облачков на безупречно-голубую гладь летнего левантийского неба. Тамплиеры ехали на помощь братьям своего ордена, да не одни, потому что рыцари графа Ибелина собирались присоединиться к ним. И это радовало Григория. Они выезжали из замка в спешке, и Родимцев даже не успел толком познакомиться со всеми своими бойцами.

Впрочем, от воинства Рене Дюрфора этот отряд, так неожиданно отданный под командование Грегору Рокбюрну, по составу отличался не сильно. Помимо десяти рыцарей, Родимцеву в подчинение дали двадцать сержантов, которые в походе должны были выполнять обязанности оруженосцев, ухаживая за лошадьми и помогая рыцарям в бою. Кроме того, у нескольких братьев-рыцарей имелись и персональные оруженосцы. А больше трех десятков человек — это уже полноценный кавалерийский взвод. Небольшая, конечно, боевая единица, но вполне боеспособная. Дали им и запасных лошадей, которые везли палатки, щиты, копыя и провизию.

Вскоре отряд подъехал к тому месту на дороге, где дожидались их рыцари графа и он сам. Оказалось, что к ночи его отряд вернулся из замка Кайфас. Ночевать в командорстве храмовников Ибелин не остался. Наверное, из гордости. Когда храмовники под командованием Григория подъехали к перекрестку, пленных сарацин там уже не было. За это время граф отослал их под конвоем пехотинцев в Акру.

У перекрестка, после того, как к отряду тамплиеров присоединились ратники Ибелина, получился настоящий эскадрон тяжелой кавалерии. Четыре десятка рыцарей, у каждого из которых имелось по два или даже по три оруженосца. А еще были и конные лучники-туркополы, наемники из местных, составляющие отдельный полуэскадрон. Так что войско выглядело достаточно большим, хотя и поменьше того, которое Григорий видел у барона Монфора. Например, никаких пехотинцев Ибелин с собой не взял, по-видимому для того, чтобы не замедлять скорость передвижения своего войска.

Бертран де Луарк, проспавшись после пьянки, тоже присоединился к ним, а дон Карлос сам не поехал, но обещал патрулировать окрестности собственного манора, а также выделил в помощь графу двух своих рыцарей и четверых оруженосцев. Не теряя времени, все они двинулись в сторону замка Тарбурон. За разграбленной деревней отряд свернул направо, и всадники поскакали через поля на восток, потом взяли севернее, преодолели невысокие холмы и вышли в ту долину, где Родимцев уже побывал. Как выяснилось, эта дорога была короче, чем та, по которой добирался Григорий, везя в монастырь Адельгейду. К обеду всадники прибыли к той часовне, где Родимцев с монахом Иннокентием ночью гоняли зомби-вампиров. А теперь Иннокентий ухаживал за ранеными, оставшись в маноре у дона Карлоса.

Забуть такой неприятный эпизод своей новой жизни Родимцев не мог. Он терялся в догадках, что собой эти вампиры представляют. Вроде бы, они казались вполне материальными. Но, почему-то быстро и полностью сгорали в солнечных лучах. Да и монах говорил, что какой-то некромант направляет их. А еще Григория сильно заинтересовало странное свечение внутри черепов этих зомби. Он даже подумал, что, возможно, это и не магия в привычном понимании, а какая-то древняя технология? Момент гибели вампиров от его кинжала очень уж напоминал короткое замыкание неких энергетических контуров.

Интересно было бы найти этого некроманта и посмотреть, как он поднимает мертвых, делая из них зомби-вампиров. А такой шанс имелся, ведь этот колдун, если верить слухам, должен находиться вместе с войском шейха Халеда или где-то с ним рядом.

Граф со своими рыцарями ехал в авангарде. Родимцев же возглавлял отряд тамплиеров, следующий за основными силами. Рядом с ним ехал Бертран на запасной трофейной лошадке, а своего рыцарского коня он берег, ведя за длинную уздечку за собой. По дороге они почти не разговаривали, потому что Бертран чувствовал себя очень плохо после вчерашней попойки и склонности к диалогу не проявлял. Оруженосец Мансур ехал рядом тоже молча. Но, несколько молодых сержантов, следующих за ними в голове отряда тамплиеров, впереди пожилых рыцарей, один из которых держал черно-белое знамя «Босеан», все же начали негромко переговариваться.

— Нас ведут на убой, я слышал, что людей Бейбарса там тысячи, — подал голос кто-то из них.

— Наверное, мы все погибнем, — поддержал ратника еще один голос.

— А представляете, братья, сколько они по нам выпустят стрел! — воскликнул кто-то другой.

— Да, наши потери будут немалыми, а возможно, мы все поляжем. Но, потому мы и носим свои орденские плащи. Мы — воины Господа. И меч, который принес Господь — это наш меч. Так не посрамям же веру, братья! — громко сказал им пожилой знаменосец, тоже слышавший этот разговор.

Возле часовни войско сделало привал. Сначала хотели остановиться в оливковой роще у старой маслодавильни, но там все вокруг оказалось изгажено людьми и лошадьми барона Монфора. А у часовни пространство пока сохранило чистоту. Отряд тамплиеров тоже расположился на отдых. Сержанты и оруженосцы поили лошадей из ручья. Пожилой капеллан Жиром де Шане призвал братьев-рыцарей к молитве. И Родимцев опустился на колени вместе со всеми. Сначала старик высоко поднял свой длинный меч и провозгласил:

— Да светит нам Свет Господа вечно!

И этот клич подхватили все братья, откликнувшись:

— Не нам, не нам, но Имени Твоему, Господь, слава!

Потом Жиром де Шане воткнул меч в землю, сделав из него крест, тоже опустился на колени и начал читать молитвы на латыни. А все братья-рыцари повторяли слова за ним.

Когда молитва закончилась, и воины приступили к трапезе, расположившись в тени высокой часовни, граф Ибелин неожиданно подошел к Григорию и, отведя его в сторону, сказал:

— Итак, мессир Рокбюрн, если я правильно понимаю, вы пытались отговорить меня от удара на Тибериаду. Возможно, вместо этого вы можете предложить для нас цель получше?

Родимцев удивился, что граф уже даже советуется с ним, и произнес:

— Да, монсеньор, я бы лучше последовал тактике восстановления связности земель, укрепления сократившихся границ и установления мира и порядка внутри страны. А Тверию отвоюем позже, как и другие города, когда обзаведемся огнестрельным оружием и построим новую армию. Сейчас сил для атак у королевства христиан просто нет. Нужно сперва покончить с мародерствующими отрядами и небольшими войсками местных сарацин, вроде шейха Халеда, да и распри внутри королевства надо бы прекратить прежде, чем выступать против весьма значительной армии Бейбарса.

— Что же, в таком случае, я постараюсь убедить Монфора пока ограничиться

освобождением замка Тарбурон. Думаю, что силы для того, чтобы разгромить армию Халеда у нас имеются. И да, вы были правы, молодой человек, гонец принес мне известия, что замок Библ мы действительно потеряли, как и Торон.

Родимцев понял причину доверия со стороны графа. Его маленькое «предсказание» сбылось. Переговорив с Ибелином он вернулся к трапезе с хорошим настроением. Раз граф все больше доверял ему, значит надежда на перемены к лучшему появлялась. Привал не затянулся надолго. Ибелин торопился встретиться с Монфором. Оказывается, передовые разьезды легких конных лучников, посланные графом заранее разведать дорогу, уже заметили знамена Монфора впереди на том самом перевале, где находился постоянный двор убитого людоеда.

Направление казалось Григорию вполне подходящим, потому что оно выводило к замку Тарбурон. Дорога все круче поднималась в гору. В конце концов, всадникам пришлось спешиться и вести коней какое-то время за собой. Лошадей всегда нужно беречь. Рыцарские кони в Леванте ценились больше, чем все остальное снаряжение рыцаря, вместе взятое. Здешние франки даже шутили, что хороший конь лучше, чем плохой рыцарь.

Мансур вел своего конька следом, шага на три позади Антония, коня Грегора Рокбюрна. А сзади, привязанная уздечкой к седлу оруженосца, плелась пегая лошадка, на которой раньше ехала Адельгейда в монастырь кармелиток. Теперь ее лошадь везла пару длинных рыцарских копей, предназначенных для кавалерийской атаки и привязанных к седлу каждое со своей стороны продольно и с наклоном, таким образом, чтобы наконечники торчали вверх над головой животного, не мешая движению.

А большой щит с красным крестом на белом поле, предназначенный для Грегора, был приторочен к седлу низкорослого гнедого жеребца, на котором ездил Мансур. Эти невысокие сарацинские кони считались довольно быстрыми и привычными к жаре. На таких коньках, обычно, скакали сельджукские стрелки и левантийские наемники-туркополы, вооруженные лишь луком и легкой саблей. Но, иногда ездили на них и небогатые витязи, каким недавно и был сам Мансур, ставший перебежчиком, каких, впрочем, в этих краях имелось немало. Бежали как христиане к сарацинам, так и сарацины к христианам. Чтобы щит не смещал седло своим весом, седельные сумки были переброшены на противоположную сторону. На поясе у Мансура теперь, кроме булавы, был подвешен и большой широкий кинжал, который ему выдали в замке Кайфас вместе с сержантским орденом плащом. Это оружие могло бы сойти в бою и за настоящий короткий меч.

Смугловатое лицо Мансура покрылось дорожной пылью и выглядело грязным. Но, он почти не потел — чувствовалась порода отца, настоящего сарацина. Хотя и черты матери, пленной француженки, в его внешности тоже просматривались. Парень был полукровкой, пуленом, как таких называли в Леванте. Он вырос вполне симпатичным — его серые глаза смотрели твердо, и их взгляд был полон решимости. Его рано продали в боевые рабы-мамелюки, и с тех пор вся жизнь Мансура проходила на военной службе.

Мансур был невысоким, но крепким и достаточно широким в плечах парнем. И Родимцев лелеял надежду, что оруженосец из него получится отличный, тем более, что он уже прекрасно проявил себя во время сражения за манор дона Карлоса. Парень делал успехи и в языке франков, стараясь получше строить фразы. Особенно ценными были знания сарацинских обычаев и языка, которыми Мансур обладал. Единственное, что еще необходимо было сделать, так это Мансура покрестить. Хотя хитрый пулен соврал тамплиерам, что уже крещен, а когда его официально записывали в списки оруженосцев

замка Кайфас, он назвался Мишелем. Впрочем, для настоящей церемонии крещения случай пока не представился. А то, что Мансур искренне желает принять христианство, не вызывало сомнений у Гриши.

Между тем, отряд поднимался по дороге все выше. Ветки кедрового леса, покрывающего склоны, совсем не шевелились, потому что никакого ветерка не чувствовалось даже на этой достаточно высокой тропе, по которой отряд приближался к перевалу. В горячем воздухе ощущалось дыхание пустыни. И горизонт к югу, который далеко просматривался с дороги поверх кедровых верхушек, выглядел серо-желтым.

Двигались они не слишком быстро. И только к вечеру вышли к перевалу. Ибелин по-прежнему ехал во главе своего отряда рыцарей, а Грегор Рокбюрн вел за собой отряд тамплиеров. Наконец, впереди показался тот самый постоялый двор, где Бертран убил людоеда. После привала возле часовни и обеда рыцарь с берегов Луары почувствовал себя лучше и начал рассказывать о жизни во Франции, а потом перевел тему на то, что кони в Леванте совсем не такие выносливые, как в Европе, а стоят сильно дороже. Родимцев слушал его, лишь изредка вставляя какие-то реплики. Ведь сам он пока мало понимал в здешних лошадиных породах, нечаянно оказавшись в этом времени на месте Рокбюрна.

Сзади сержанты и оруженосцы болтали о том, кто каких разбойников встречал в Святой земле на дорогах. Они сходились во мнениях, что, по большей части, в разбойники шли бедуины, но попадались среди левантийских лихих людей и турки-сельджуки, и сирийцы, и египетские арабы, и эфиопские мавры, и, даже, христиане, не желающие соблюдать законы. Все они отличались жестокостью и свирепым нравом. И особенно много их появилось после нашествия Бейбарса, потому что многие замки, поселения и опорные пункты христиан стояли разрушенными, и некому стало поддерживать порядок.

Постоялый двор оказался заполнен войском барона Монфора. Строение на перевале располагалось таким образом, что дорогу, ведущую снизу от замка Тарбурон, перекрыть не составляло труда. Почему-то тут до сих пор не построили настоящий замок, хотя место весьма неплохо подходило для обороны. Постоялый двор располагался на неширокой площадке возле скалы, которая надежно прикрывала его с севера. С юга находился крутой склон, почти вертикальный, образуя небольшую пропасть, из которой внизу торчали верхушки кедров. Оттуда врагам забраться наверх представлялось затруднительным. С запада подходила дорога, по которой они приехали, а к востоку спускался путь к Тарбурону. Имелся здесь и свой источник воды, родник, который бил из скалы, тек вдоль западной дороги и уходил куда-то в расщелину, теряясь между камней в паре сотен метров ниже своего истока. Для сбора этой воды в камнях скальной площадки был выбит глубокий и достаточно широкий колодец.

Укрепиться вокруг постоялого двора можно было довольно легко. Что барон Монфор и сделал, повелев своим пехотинцам срочно возводить каменную стену поперек восточной дороги. Выполняя его приказ, солдаты начали разбирать на блоки сам постоялый двор. Все говорило о том, что атаковать шейха Халеда рыцари Монфора пока не собирались. Впрочем, помощи барон тоже, наверное, не ожидал. Потому его ратники сильно удивились, увидев целое войско христиан, приближающееся с запада.

Встречать графа Жана де Ибелина выехал сам Филипп де Монфор, потому что ему доложили, кто едет. Несмотря на все распри, сеньора Яффы сеньор Тира, если и не уважал, то, во всяком случае, признавал равным себе. Впрочем, они и были равны по своему положению, хоть Ибелина и именовали графом Яффы, титул этот никем утвержден не был,

также, как никем не был утвержден и графский титул Монфора. Раздавать такие важные титулы мог только настоящий король, но его, в сущности, у королевства не имелось. Пока где-то в далекой Европе был жив Конрадин Гогенштауфен, внук Фридриха II, никто в Иерусалимском королевстве утверждать графские титулы права не имел.

В сущности, что Ибелин, что Монфор, оба оставались баронами, хотя и предпочитали, чтобы окружающие называли их графами. Тем не менее, каждый из них являлся выдающейся личностью христианского королевства, и за каждым стояли реальная сила и власть. Сидя на своих огромных конях в высоких седлах, украшенных золотом и драгоценными камнями, поравнявшись, они пожали друг другу руки. Оба были без шлемов и выглядели по-разному.

Филипп был немолод и имел удлинненное лицо с прямым носом, холодными глазами стального цвета под кустистыми бровями и тяжелым волевым подбородком. А его жесткий рот с опущенными углами губ чем-то напоминал бульдожью пасть. Волосы его полностью поседели, но в свои пятьдесят восемь он еще сохранял хорошую физическую форму. Привыкший сражаться всю свою жизнь, Монфор считался доблестным рыцарем, суровым воином, который лично возглавлял многие атаки и побеждал в сражениях.

Жан Ибелин был на восемь лет младше сеньора Тира, но прославился больше не в сражениях, хотя в них тоже участвовал, а как политик, правовед и отличный переговорщик, мастер компромиссов. Внешность его совсем не была угрожающей. Его волосы седина тоже затронула, но все же кое-где они еще сохраняли черный цвет. Карие глаза из-под тонких бровей смотрели вдумчиво, а нос с небольшой горбинкой выдавал восточные корни его бабки Марии Комниной, гречанки из ромейской императорской династии. Он не выглядел высокомерным грозным рыцарем, но казался умным и надежным человеком, которому можно доверять.

Глава 2

— Удивительно, что дороги привели вас сюда, в мой лагерь, мессир, — холодные стальные глаза Монфора впились в лицо Ибелина без всякого намека на дружелюбие.

— У меня есть письмо к вам от нашего короля, — сказал Ибелин, протягивая собеседнику пергамент, сложенный и запечатанный большой восковой печатью с оттиском королевского штемпеля дома Лузиньянов.

— Письмо от малолетнего короля Кипра Гуго Второго, вы хотите сказать? — проговорил Монфор.

— Именно. Вы весьма проницательны, мессир, — заметил сеньор Яффы.

Монфор взял письмо и долго вертел его в руках, рассматривая печать. Потом пробормотал:

— Печать напоминает настоящую.

После чего сломал эту печать, развернул пергаментный лист и начал читать.

Пока происходила встреча командиров, отряд остановился прямо на дороге. Все ждали дальнейших указаний. Григорий проехал вперед и смотрел, как Монфор изучает написанное. Выражение его лица оставалось суровым, а рыцари, сопровождающие его, были напряжены. Все говорило в их позах о том, что оружие они могли в любой момент обратить и против тех христиан, которых привел с собой Ибелин. Наконец, барон Монфор произнес:

— Малолетний король повелевает мне подчиняться вам, Жан. Но, это, разумеется, очередная бессмыслица, которую выдумал мальчишка. Потому что настоящий мой король Конрадин Гогенштауфен, а вовсе не малолетний Лузиньян. Да и полномочия бальи королевства Иерусалимского сейчас у Генриха Антиохийского, а не у вас, мессир. И я не обязан подчиняться вам ради прихоти малолетки.

На что Ибелин сказал ему спокойно, без всякого вызова в голосе:

— Давайте, Филипп, не будем спорить из-за пустяков и формальностей. Я вовсе не требую вашего подчинения, и даже не прошу, а прибыл сюда с войском лишь для того, чтобы объединить силы христиан перед опасностью, исходящей для всех нас от войск Бейбарса.

Монфор поднял глаза от письма и внимательно взглянул на сеньора Яффы. Затем расправил плечи, почесал свой мощный подбородок и процедил сквозь зубы:

— Я тоже полагаю, что следует использовать все возможности для объединения наших сил. Но, я не собираюсь выполнять волю малолетнего Лузиньяна. А потому не стану ни при каких обстоятельствах подчиняться вам ни в чем.

— Обязуюсь не принуждать вас, мессир, — улыбнулся Ибелин. И добавил:

— Все христиане королевства нуждаются в вас, Филипп. Сарацины, разбойники и мародеры свирепствуют по всему государству. И необходимо срочно наводить порядок твердой рукой. Все силы сейчас потребуются для восстановления положения.

— И кто же, по-вашему, виноват в столь бедственном положении, Жан? — спросил Монфор.

— Виноваты все мы, первые люди королевства, раз допустили такой произвол. Потому что именно на сильных людей Господь возложил бремя защищать всех тех христиан, кто слабее. И сейчас все простые люди в государстве надеются на нас с вами и на таких, как мы. И не оправдать их надежды для нас означает уронить собственную честь. Так я полагаю, мессир, — ответил Ибелин. И добавил:

— Потому я и предлагаю вам союз ради победы и наведения порядка. Давайте забудем на время наши ссоры и разногласия.

Глаза Монфора недобро сверкнули, и он произнес:

— Ну уж нет. Забыть все наши разногласия для меня не представляется возможным. Но, согласовывать с вами действия против сарацин я, пожалуй, соглашусь. Я тоже понимаю, что если мы сейчас не остановим врагов и не наведем порядок у себя во владениях, то чести нам это не прибавит. И здесь вы правы, мессир. Но, я полагаю, что боец лично вы неважный.

Последняя фраза прозвучала, как завуалированное оскорбление. Но, Ибелин улыбнулся. Он сделал вид, что ничего не заметил, переведя сказанное в шутку:

— Я не слишком люблю битвы, а предпочитаю спокойствие, удобные письменные столы и хороший пергамент любым самым породистым лошадям и клинкам из лучшей стали. Потому что письменные столы и принадлежности не потеют и не воняют, и ими трудно порезаться.

— Вот здесь позволю себе с вами не согласиться, Жан. Иногда написанное на пергаменте создает не только кучи дерьма, но и кучи трупов, — проговорил Монфор. Все-таки он тоже заулыбался и добавил:

— Можете располагать свой лагерь прямо на этой площадке возле дороги. Надеюсь, что палатки у вас в обозе найдутся. Сам постоялый двор полностью занят моими людьми, потому туда не приглашаю ваших рыцарей. Но, лично вас и командиров ваших отрядов жду у себя к ужину.

После чего Монфор развернул своего огромного гнедого коня и поехал к собственным войскам, заполонившим все пространство вокруг постоянного двора и внутри него. Напряжение момента прошло, и все ратники, увидев, что командиры поладили между собой, тоже немного расслабились и вернулись к собственным заботам. Рыцари Ибелина давали указания оруженосцам, где следует расставлять палатки. Родимцев тоже распорядился, чтобы сержанты ставили палатки вдоль дороги поближе к скалам.

Бертран де Луарк сказал ему:

— Этот Монфор просто какой-то напыщенный индюк. У него было такое выражение лица, словно он и самого Ибелина за человека не считает.

— Мне тоже этот барон не по сердцу, но союз с ним, все же, всем нам необходим, — высказал свое мнение Григорий.

Впрочем, на разговоры у него времени почти не имелось. Как командиру отряда, ему надлежало лично проверить все детали размещения их лагеря. Грише пришлось даже покрикивать на некоторых нерадивых сержантов, которые почему-то пытались расставлять палатки посередине дороги. Григорий остался со своими тамплиерами, Бертран же ушел в компанию к светским рыцарям. Пока одна часть сержантов ставила палатки, другая расседлывала лошадей.

Капеллан заставил всех братьев-рыцарей молиться с дороги. Через некоторое время после молитвы один из оруженосцев Ибелина пришел за Родимцевым, чтобы передать приглашение отправиться на ужин к Монфору. Как сказал сам Ибелин, собрав в свою компанию, помимо Григория, еще двух собственных командиров отрядов, за ужином у Монфора должен был состояться военный совет.

Они проследовали за молодым рыцарем, специально отправленным Монфором, чтобы проводить их к нему. По дороге они протискивались сквозь толпу воинов барона, расположившихся на привал. Несмотря на вечернее время, со стороны восточной дороги

продолжали стучать молотки. Там все еще работали строители-каменотесы, продолжая строительство оборонительной стены, которой Монфор дал указание перегородить дорогу. Наконец, они прошли внутрь довольно большого двухэтажного дома, пристроенного одной из стен к постоялому двору, а другой — прямо к скале. Очевидно, что в этом доме раньше жил хозяин постоялого двора, тот самый людоед, убитый Бертраном. Их провели на второй этаж, с широкой веранды которого открывался вид на соседние невысокие горы, поросшие кедрами.

Сначала их накормили ужином. Не слишком обильным, скорее, походным. Впрочем, подали довольно вкусное мясное рагу, приготовленное со специями и овощами. Монфор, выпил с ними, провозгласив тост за победу, после чего почему-то сразу куда-то ушел. Наверное, показывал таким жестом свое пренебрежение к подобным гостям. Впрочем, его оруженосцы продолжали прислуживать за столом, как полагалось.

Когда гости закончили есть, небо уже потемнело, и над Левантом опустилась ночь. Потому их проводили внутрь второго этажа дома, в небольшой зал, освещенный факелами. Пока они ужинали, здесь уже давно совещались военачальники Монфора. Посередине стоял стол, на котором лежала карта, и Монфор вместе со своими главными рыцарями рассматривал ее и что-то обсуждал. Едва кивнув в сторону гостей, он даже не поинтересовался, довольны ли они угощением, а сразу спросил Ибелина:

— Сколько рыцарей пришли с тобой, Жан?

— Четыре десятка. Но, вместе с оруженосцами и туркополами в моем отряде почти двести бойцов. И с нами еще прибыли тамплиеры из замка Кайфас. Их ведет мессир Грегор Рокбюрн, — проинформировал Ибелин.

— Кажется, мы уже встречались с вами, молодой человек? — обратился барон к Григорию.

— Так точно, монсеньор. Недавно мы разговаривали возле старой маслодавильни, — напомнил Родимцев.

Монфор кивнул и бросил небрежно:

— Ах да, кажется, я вспомнил. Вы в тот раз мне дерзили, молодой человек, пытались заступиться за какого-то мародера. Мне уже доложили, что представляет из себя ваш отряд. Сборище стариканов, из которых уже песок сыплется. Лучше, конечно, чем совсем ничего, но только не знаю, какой от таких бойцов будет прок в бою? Не понимаю, зачем храмовники вас прислали? Похоже на то, что с бойцами у тамплиеров нынче совсем неважно, раз выставили они одних стариков, да еще под командованием юнца. Наверное, в ордене решили таким образом избавиться от лишних нахлебников.

— Нам командор поставил задачу пробиться на выручку к нашим братьям, попавшим в ловушку, устроенную шейхом Халедом возле Тарбурона, — сказал Григорий.

Глядя на него снисходительно, словно на несмышленьша, Монфор проговорил:

— У Халеда почти три тысячи воинов. Ваша атака будет самоубийственной и только раззадорит сарацин. Насколько я знаю, у орденских вояк, засевших в Тарбуроне, дела плоховато идут. Они уже потеряли половину людей и больше не атакуют, прячась в развалинах замка, если верить моим лазутчикам. А врать им не имеет смысла.

— Атаковать Халеда вместе с тамплиерами собирается и мое войско, — неожиданно поддержал Григория Ибелин.

— Вы тоже не сможете их опрокинуть, мессир. Даже я не рискую атаковать Халеда, хотя мой отряд вдвое больше вашего, — сказал сеньор Тира. Потом ткнул пальцем в карту и

добавил:

— Вот, мы находимся здесь. Я предлагаю заткнуть эту брешь в пограничной обороне, построив тут поперек дороги в узком месте стену со сторожевой башней и оставив возле нее небольшой отряд, но не совсем маленький, а достаточно сильный, такой, который, учитывая выгодное расположение этого места, сможет сковать и удержать здесь перед перевалом силы того же Халеда. А пока этот шейх отвлечен тем, что осаждает тамплиеров в Тарбуроне, я думаю вернуться к Акре, объединиться там с остальными войсками королевства и с госпитальерами, а затем двинуться по северной дороге на Тибериаду. В этом городе находятся главные силы наместника Бейбарса в Галилее. И нам нужно разгромить их.

Ибелин возразил:

— Знаете, мессир, когда я слышу о походе на Тибериаду, то сразу вспоминаю про неудачную попытку наших дедов отвести опасность от Иерусалима. Если помните, тогда на Саладина вышли тоже из Акры, где собрались войска, а двигались именно маршем по направлению к Тибериаде. В тот раз лучшие люди королевства тоже приняли решение, подобное тому, которое предлагаете сейчас вы. Но, все мы помним, как плачевно тот поход закончился для христиан разгромом при Хаттине. А потому я не считаю, что нам стоит повторять ту досадную ошибку. Не лучше ли сначала устранить более мелкие угрозы, вроде того же Халеда, а потом уже думать о том, как отбивать у сарацин наши города обратно? Да и почему именно Тибериада? Не лучше ли тогда пойти на Кесарию? Или отбить обратно Библ?

— Все очень просто, Жан. Тибериада не разграблена, а наши города, те же Кесария и Библ, лежат в руинах. И мои люди жаждут мести. Кроме того, им нужно восполнить свои ресурсы за счет противника, а для этого нужно разграбить какой-нибудь город, — цинично объяснил барон.

На что Ибелин произнес твердо:

— Я понимаю, Филипп, что наемные воины хотят наживы. Но, истинные христианские рыцари не могут руководствоваться такими неблагородными целями. А потому ставлю вас в известность, что на рассвете мы с тамплиерами атакуем войско Халеда. Если вы не хотите участвовать в этой атаке, то и не участвуйте. Если вы опасаетесь погибнуть в этом бою, то дело ваше.

Кем Монфор не был, так это трусом. Ибелину удалось задеть его самолюбие. Глаза его сверкнули при свете факелов, развешанных по стенам. И он проговорил:

— Вы не за того меня принимаете, Жан. Я не боюсь погибнуть в бою, а опасаясь того, что сарацины перебьют всех вас. И вы глупо погибните, не принеся государству никакой пользы.

— Ну, тогда помогите нам. Если мы ударим вместе, то Халед не устоит. Все его три тысячи бойцов не стоят и одной нашей неполной тысячи. Большая часть его войска сразу кинется врассыпную, — сказал Ибелин.

— Я так не думаю. Сарацины в последнее время набрались храбрости, — проговорил Монфор.

— Вы правы. Чем больше враги видят нашу слабость и разобщение, тем больше храбрости они набираются. А потому нужно показать им, что мы по-прежнему едины и сильны, чтобы они снова начали нас бояться, — сказал Ибелин.

Монфор на минуту задумался, склонившись над картой. Потом произнес:

— Вот что, Жан. В ваших словах есть правда. И я все-же завтра выделю для вас часть

своих бойцов. Туркополов и пехоту. Но, основное мое войско в бессмысленной атаке я терять не намерен. А потому мои рыцари останутся держать перевал и вступят в дело только в том случае, если я увижу, что Халед дает слабинку.

— Спасибо и на том, — быстро проговорил Ибелин, пока Монфор не передумал. Они пожали друг другу руки, скрепив достигнутое решение.

— Если хотите, мессир, можете расположиться на ночь в этом доме. Тут есть свободные комнаты, — предложил Монфор.

— Благодарю, Филипп, но я лучше заночую в палатке на свежем воздухе. А то здесь немного душно, — отказался от предложения Ибелин. И вся их делегация отправилась обратно в расположение собственных войск.

Когда Григорий добрался до своей командирской палатки, его уже ждали знаменосец отряда и капеллан. Родимцев вспомнил, что знаменосца, кажется, звали Симон де Буланже, а капеллана — Жиром де Шане. И возраст каждого из них приближался к шестому десятку. Но, они совсем не были немощными стариками. Эти люди всю жизнь жили войной. Их лица, помимо морщин, прочерчивали многочисленные шрамы. И они напоминали, скорее, старых опасных волков, нежели тщедушных старичков-пенсионеров. Оба, несмотря на свой возраст, сохранили гордую осанку настоящих рыцарей. Под тяжестью лет их спины пока не согнулись, плечи по-прежнему были широкими, а руки оставались достаточно сильными, чтобы держать оружие. Они тут же накинулись на молодого командира с расспросами о том, что решили сеньоры Яффы и Тира.

Родимцев пересказал все то, что услышал из беседы Ибелина с Монфором.

— Стало быть, Ибелин все же смог Монфора убедить. Всем известно, что Жан хитрый лис, в своего дядю пошел, — сказал де Шане.

— Он не столько хитрый, сколько умный, — вставил де Буланже.

Капеллан согласился:

— И умный тоже. Но и хитер, конечно, как же без этого такому влиятельному человеку.

— Завтра нам будет противостоять довольно большая армия. Впрочем, нам не в первый раз атаковать сарацин малыми силами, — сказал знаменосец.

Капеллан проговорил:

— Тут важен расчет, как и когда ударить. А мы даже еще не провели разведку вражеского лагеря. Ты не забыл выслать разведчиков, Грегор?

Вопрос застал Родимцева врасплох. Потому что он, действительно, о разведке накануне боя почему-то не подумал. И теперь положение предстояло срочно как-то исправлять.

— Я сам сейчас собираюсь в разведку пойти вместе со своим оруженосцем, — выкрутился Григорий.

— Так, темно уже. Что вы там увидите? — удивился капеллан.

— Если всего и не увидим, так услышим, незаметно подползем и подслушаем, о чем сарадины говорят, — сказал Гриша.

— Да ты хоть знаешь сарацинский язык, Рокбюрн? — усмехнулся знаменосец.

— Я не знаю. Зато вражеский язык хорошо знает мой оруженосец, — сказал Родимцев, имея в виду Мансура.

— Ну, тогда мы не смеем задерживать тебя, командир. Не теряй времени. С Богом! — сказал капеллан, перекрестив Григория на дорогу.

Солнце давно опустилось за горизонт. И над Левантом быстро наступила южная ночь. Крупные звезды зажглись на небе, а в душном воздухе не чувствовалось ни единого дуновения. Родимцев с Мансуром в этой темной духоте прошли вперед по дороге вдоль скал от постоянного двора до следующей скальной площадки, откуда начиналась тропинка, спускающаяся с крутого склона. Ее Родимцев заметил внимательным взглядом разведчика, когда проезжал этой дорогой с Адельгейдой.

Перед тем, как уйти в ночь, они оставили свои белые орденские плащи в лагере, надев вместо них черные монашеские плащи с капюшонами, чтобы не выделяться в ночи, и теперь, потев в этой жаркой одежде, осторожно пробирались сквозь молодую поросль кедрового леса, растущего в распадке между гор. При свете полной луны Григорий и Мансур двигались в ту сторону, где за ручьем возле водопоя расположил свои войска лагерем шейх Халед. Разведчикам нужно было спешить. Потому что всю ночь провести в разведке накануне сражения было бы глупо. Ведь хорошо бы еще и выспаться, чтобы силы после трудного дня восстановились перед боем.

Оруженосец предложил Григорию:

— Может, не пойдем прямо, а повернем в обход? Путь будет длиннее, но безопаснее.

Парень очень быстро делал успехи в языке франков, выговаривая фразы и отдельные слова заметно старательнее.

— Как ты считаешь, так и пойдем. Веди нас, — согласился Гриша.

Мансур был значительно более опытным в деле общения с сарацинами. У Родимцева, напротив, опыта общения с ними и вовсе не имелось. Потому что Мансур прожил среди них всю жизнь, а Грегор Рокбюрн, на месте которого нечаянно оказался Григорий, встречался с сарацинами только в бою. Поэтому Родимцев и полагался на мнение оруженосца. Мансур же приехал к тому месту, где сдался в плен, именно из этого лагеря шейха Халеда. Следовательно, парень знал подходы к расположению противника гораздо лучше Григория.

Вообще-то разведка сарацинских позиций представлялась Грише делом опасным, потому что за любым поворотом их могли подстергать вражеские засады. Родимцев решил для себя, что тогда уж лучше смерть, чем позорный плен. В любом случае, узнать точное расположение врага прежде, чем атаковать, им было необходимо. И, конечно, Григорий ругал себя, что не выслал разведку засветло, а теперь приходилось разведывать расположение противника самому. Но и ночь сулила определенные преимущества. Темнота достаточно надежно скрывала лазутчиков. В то же время, луна давала достаточно света, чтобы разглядеть сарацинский лагерь.

Григорий старался ступать осторожно вслед за Мансуром. Он почему-то доверял этому парню, хотя, при здравом рассуждении, Мансур был перебежчиком, а значит, мог совершить еще одно предательство, заведя христианского рыцаря, да еще и командира отряда тамплиеров, во вражескую ловушку. Вот только Григорий нутром чувствовал, что парень не сделает этого. Похоже, соплеменники насолили ему больше, нежели христиане. Впрочем, мама у этого полукровки тоже христианкой была. Может, все дело в этом, и парень просто решил отомстить за мать? Не зря же он в орденскую книгу сержантов Мишелем записался, как его назвала мама? Как бы там ни было, а Родимцев чувствовал, что оруженосец его не подведет.

— Если пройдем вокруг леса, то сможем выйти в тыл Халеду, — сказал Мансур.

— Ладно, пошли вокруг, — кивнул Григорий.

Если от скальной площадки на дороге, откуда они спустились, до водооя расстояние по прямой не превышало километра, то путь вокруг горной котловины, заросшей лесом, оказался значительно длиннее. Они блуждали не меньше часа, пока не вышли к ручью значительно ниже водооя. От этого места они начали красться вдоль потока в направлении против его течения, не переходя ручей и оставаясь в лесу. Стараясь, чтобы их не заметили с дороги.

Вскоре они добрались до вражеского лагеря, который расположился между противоположным берегом ручья и дорогой. Сарацины не особо скрывались. Они запросто жгли костры недалеко от своих палаток и жарили на огне шашлыки. Запах паленой баранины наполнял воздух над всей округой. Вокруг лагеря ходили часовые с саблями наголо. А на дороге патрулировали конные разъезды. Подобраться к палаткам незамеченными было невозможно.

Впрочем, когда конные ускакали по дороге в восточном направлении, а пешие караульщики с саблями отошли подальше, перед ними образовалась брешь в охране, которой тут же воспользовался Мансур.

— Узнаю, где Халед, — проговорил оруженосец и исчез в ночи, а Григорий остался сидеть за елкой и наблюдать.

Но, ничего не происходило. Только часовые время от времени проходили мимо, да проезжали иногда всадники. Родимцев уже начал нервничать, куда же подевался оруженосец, когда Мансур неожиданно появился. Парень рассказал, что все-таки нашел палатку самого Халеда. Она, действительно, располагалась с этой стороны лагеря через пять палаток. И, если незаметно подойти с отрядом с этого направления, то шейха можно попробовать захватить в его шатре без большого кровопролития.

Разведанное Мансуром, конечно, казалось весьма ценной информацией. Вот только с кручи по тому пути, которым они с оруженосцем пришли, боевых коней не провести. Лошади просто не пройдут по такому крутому спуску, упадут и сломают ноги. Если только самим вместе с бойцами подойти пешими. Но, тогда потом будет не оторваться от преследователей. Быстро обратно на крутой склон не заберешься. Так что задуманное представлялось весьма рискованным делом. И, в то же время, весьма заманчивым. Потому что без предводителя вражеское войско потеряет управление и не сможет сражаться.

Впрочем, просто наступать со стороны узкой дороги, спускающейся от перевала, тоже казалось не вполне разумным, потому что Мансур разведал там мощный сарацинский заслон. Чувствуя опасность с той стороны, враги перегородили дорогу целой баррикадой из стволов деревьев и камней, посадив там в засады арбалетчиков и выставив целую роту копейщиков. И потому, чтобы атаковать лагерь Халеда с той стороны, этот заслон надо будет сначала с дороги сбить. А это тоже совсем непросто сделать и вряд ли при наличии заграждения удастся эффектный удар тяжелой кавалерии. Если убрать преграду и получится, то только с большими потерями. Так что, возможно, атаковать пешими вокруг, а не конными прямо и с наскока, смысл имелся.

Но, если так, то нужно не дожидаться утра, а напасть на вражеский лагерь прямо сейчас, ночью. Пока светит луна, и неприятеля можно застать врасплох. Ведь большинство врагов спят, а кони их расседланы. Только Родимцев сомневался, пойдут ли на это его бойцы? Тамплиеры, конечно, привыкли рубиться при свете дня, а вовсе не были

диверсантами, способными к внезапным ночным атакам. С другой стороны, если он хотел создать здесь армию нового типа, то нужно было с чего-то начинать. Почему бы и нет? И Григорий решил, что воспользуется шансом.

Пока они шли назад через ночной лес, Родимцев тихонько расспрашивал Мансура про расположение противника, уточняя множество деталей, которые успел заметить парень. А он оказался достаточно наблюдательным, да и слышал там много чего, пока ползал между палаток. Например, выяснил, что Халеда охраняют четверо телохранителей-нубийцев, один из которых всегда на посту.

Когда они вернулись к своему лагерю, Григорий намеревался разбудить знаменосца и капеллана, чтобы сообщить им результаты разведки и поделиться идеей внезапной атаки. Но, старые вояки не спали. Они преподнесли сюрприз. Пока Гриша с Мансуром ходили на разведку, тамплиеры поймали вражеского лазутчика в своем лагере и теперь допрашивали его возле костра. Это оказался сержант-перебежчик. Тоже из пуленов, как и Мансур. Только этот, наоборот, перебежал к мусульманам. Его поймали караульные и привели к командирам.

— Ну что, предатель, ты будешь говорить, или тебе поможет палач? — спросил знаменосец, при свете костра угрожающе глядя в лицо пойманного пулена.

— Не надо палача! Я все расскажу, только не мучайте меня! — с дрожью в голосе промямлил пойманный.

— Так говори же, вероотступник и клятвопреступник! Кто ты такой и что здесь делаешь? — приказал де Буланже.

— Я Эдгар из Рамлы, бывший сержант ордена Храма. Я сдался сарацинам в Сафед и попал в рабство. Шейх Халед выкупил меня, чтобы я для него шпионил. Вот меня и послали в ваш лагерь на разведку. Шейх знает, что войско христиан подходит по этой дороге. Внизу дорога перекрыта. Там баррикада, за которой копейщики и арбалетчики. Но Халед не знал, какими силами христиане располагают. Вот и послал меня разведать, — сказал пойманный.

Знаменосец едва сдерживал гнев, но в его голосе отчетливо слышалась ярость:

— Так значит, Халед уже знает, что мы здесь? Быстро же он сообразил, что больше нам подойти к Тарбуруну неоткуда. И как он только сумел так скоро узнать, что мы тут? Ты, наверное, врешь, мерзкий шпион.

— Я говорю правду, — произнес лазутчик. И добавил:

— У шейха в ваших рядах есть доносчики. Я сам видел, как приезжал какой-то гонец с донесением. После этого Халед и распорядился перекрыть дорогу. А еще и к востоку он поставил заслон на всякий случай. Там в развалинах старой крепости тоже устроена засада.

— Может быть, ты знаешь планы шейха и его настроение? — поинтересовался капеллан.

Пленный охотно ответил:

— Халед удручен, что никак не может отбить замок Тарбурун. Он приказал завтра снова идти на приступ. Вчера штурм уже провалился. Потери оказались большими. Оставшиеся тамплиеры там крепко держатся.

— И сколько человек уже потерял Халед в противостоянии с гарнизоном Тарбуруна? — продолжил допрос знаменосец.

— Уже почти три сотни убитыми, — сказал перебежчик.

— И что шейх, снова собирается штурмовать в лоб? — спросил капеллан.

— Нет. Он просто пытается измотать тамплиеров штурмами, а сам он хочет выиграть

время, потому что дожидается прибытия катапульта, которые разнесут остатки укреплений Тарбурона. Тамплиеры там окружены и обречены. Им некуда деться. И шейх собирается покончить с ними. Их там уже меньше половины отряда осталось. Остальные погибли в контратаках и при обороне во время двух прошлых штурмов. А еще шейх ждет подхода сотни всадников и трех сотен пехотинцев из Тибериады, куда он послал гонца, — сказал Эдгар из Рамлы.

— Что еще ты знаешь? — спросил знаменосец.

Но, пленный в ответ лишь проямлил:

— Больше я ничего не знаю. Мне никто ничего не сообщает о решениях Халеда. Все что я рассказал вам, так это только мои собственные наблюдения. То, что я видел, слышал и сопоставлял. Меня отправили в разведку, я поднялся сюда на холм, и меня схватили сержанты. Вот и вся моя история.

Капеллан и знаменосец смотрели на командира отряда и ждали его решения. Родимцев приказал увести пленного, потом, когда того двое дюжих сержантов поволокли в темноту ночи, сказал:

— Вы все слышали, не так ли? Он только подтверждает те сведения, которые я добыл в разведке вместе со своим оруженосцем. Потому у нас остается единственный шанс атаковать прямо сейчас лагерь Халеда. И не с дороги тяжелой кавалерией, а со стороны леса, откуда шейх атаки совсем не ожидает, потому что знает, что кавалерии там не пройти, а христиане без кавалерии не атакуют. Потому нам надо шейха удивить. Не кавалерией его лагерь атаковать, а пехотой. Надеть черные плащи, чтобы не увидели нас враги в темноте, подойти ночью из леса с тыла, стремительно напасть на палатку самого шейха и захватить его. В этом наш единственный шанс победить, — сказал Григорий братьям-рыцарям.

— Мы никогда так не делали, — проговорил капеллан.

— Так все когда-то бывает впервые. Если не попробуешь, то и не узнаешь, — сказал Родимцев пожилому тамплиеру.

— Рокбюрн истину глаголет, хотя это все и вопреки традициям нашего ордена, — неожиданно поддержал Гришу капеллан.

Родимцев воодушевился и приказал:

— Будите всех. Одевайтесь в черные монашеские плащи и спускайтесь за мной по склону. Но делайте все тихо, чтобы внизу слышно не было. Медлить дольше нельзя. Иначе на рассвете кавалерия попадет в ловушку. И немедленно обо всем доложите графу Ибелину. Хорошо, если его люди тоже присоединятся к нашей вылазке.

Знаменосец лично пошел будить Ибелина и вскоре вернулся с ним к костру. Сеньор Яффы тер спросонья глаза и зевал.

— Что вы намерены делать, мессир? — спросил он.

— Напасть на сарацин в ночи, что же еще? И немедленно, пока к ним на подмогу никто еще не подошел из Тибериады. Халед не ожидает удара прямо сейчас, да еще и с этой стороны. И у нас будет преимущество во внезапности, — сказал Григорий.

— Но, у них огромное преимущество в людях. И там много лучников, — произнес граф.

— Тем более, нужно напасть на них немедленно, пока преимущество сарацин в людях не увеличилось еще больше. Пока на небе полная луна, нам нужно ударить с тыла пехотой, захватить Халеда и убрать баррикаду с дороги. Тогда наша кавалерия сомнет остатки их войска, которое без Халеда быстро запаникует. Что же касается преимущества в количестве лучников, то в темноте метко не постреляешь. А если прямо сейчас не предпримем атаку, то

с рассветом наши шансы на победу сильно уменьшатся, — сказал Грегор Рокбюрн.

Жан Ибелин по-прежнему тер глаза, и хотел спать, но соображал уже лучше. Он что-то прикинул в уме, потом еще раз зевнул и проговорил:

— В ваших словах, молодой человек, есть смысл. Но, традиции войны таковы, что сражаются, обычно, днем, а ночью войска спят.

На что Родимцев возразил:

— Если мы хотим создать армию нового типа, то традиции нужно ломать. Собирайте своих людей, монсеньор. И мы вырежем врагов в ночи.

— И где только вы научились подобной тактике? — недоумевал граф.

— Очень далеко отсюда, монсеньор. Но, поверьте, что сейчас эта тактика только и может помочь нам победить, — сказал Григорий.

Неожиданно Ибелин проговорил:

— Знаете, мессир Рокбюрн, я тоже думаю, что нам многое пора менять. В том числе и в тактике. И вашу идею ночной пехотной атаки я одобряю. Насколько я знаю, так делают ассасины. Были случаи, когда они вот также, как вы предлагаете, нападали в ночи и захватывали людей. Так что и мы, разумеется, можем захватить Халеда. Но, как потом уйти от погони? Ведь сарацины уже не отстанут от нас.

Родимцев объяснил:

— Надо разделить наши силы на два отряда. Первый постарается захватить шейха, а потом сразу отойдет обратно через лес, а второй пробьется к их баррикаде и освободит путь нашей коннице, которая обрушится на сарацин с верхней дороги. Заодно этот отряд отвлечет сарацин на себя. Надо только обязательно предупредить барона Монфора, чтобы его отряд был готов ударить на врагов в тот момент, как только дорога станет свободной от заслона. Необходимо условиться о сигналах для атаки. И договориться с Монфором можете только вы, монсеньор.

— Я, конечно, постараюсь, Грегор. Но не ручаюсь за результат. Монфор слишком своенравный.

Пока они с Ибелином разговаривали, знаменосец и капеллан уже разбудили остальных братьев-рыцарей и сержантов. Они спешно растолковывали им план атаки. И весь отряд спешно переодевался в черные монашеские плащи, которые имелись у каждого в седельных сумках на случай особых траурных и поминальных богослужений, когда все члены ордена должны были приходить на молитву в черном. А под этими плащами с капюшонами скрывались оружие и доспехи. Теперь отряд тамплиеров больше напоминал какое-то странное диверсионное подразделение монахов-убийц.

Жан Ибелин пошел говорить с Филиппом Монфором. А Грегор Рокбюрн повел за собой отряд в ночь. Братья-рыцари спускались с крутого склона следом за Родимцевым, а рядом с ним шел Мансур.

Родимцев вел людей за собой и отчетливо понимал, что сейчас им придется убивать сонных противников, не готовых к обороне. Но, другого выхода не было. То были враги. И если их не перебить прямо в палатках, то численное преимущество сарацин скажется уже на рассвете вдобавок к неудачному тактическому расположению, когда перекрыта единственная дорога, с которой могли атаковать христиане своей рыцарской кавалерией. А это значит, что по-другому Халеда им и не победить.

И пусть это все, конечно, было не по-рыцарски. Но ведь спецназ во времена службы Родимцева в том же Афганистане действовал подобным образом, нападая внезапно на кишлаки, занятые душманами, чтобы не оставлять никаких шансов противнику. А тамплиеры, в сущности, и были местным спецназом. И, если не они, то кто должен резать врагов? Сарацины не церемонятся, когда вырезают беззащитных крестьян целыми деревнями. Так почему же должны церемониться тамплиеры, воюя по правилам против самих сарацин? Неужели возможно смирение перед вражеским произволом? Неужели нужно подставить врагу другую щеку?

«К черту все правила! Если менять этот мир, так уж менять кардинально! И никто, кроме меня! Будь что будет и вперед!» — решил Григорий, подбадривая себя. Который это был бой в его жизни? Он давно потерял счет. Просто снова ему предстояло пройти сквозь кровь и смерть. И в этот момент Родимцев чувствовал себя все тем же молодым лейтенантом, ведущим за собой сквозь горячий воздух Афганистана взвод разведчиков на боевое задание. Только теперь за ним шел отряд храмовников.

Ему даже повезло, что командор выделил в отряд не новобранцев, а суровых и хорошо обученных ветеранов. Все они имели богатый боевой опыт и были приучены к дисциплине. Лишних вопросов никто из них не задавал. Они считали, что раз командир приказал резать сарацин прямо в их палатках, значит, так и надо. Эти братья-рыцари были обучены убивать врагов молча, без лишних слов.

Несмотря на то, что луна опустилась ближе к горизонту, ее тусклого света еще имелось достаточно, чтобы ориентироваться в ночи. Тамплиеры закончили спуск и пробирались по краю леса, стараясь выйти на то же место, где Родимцев уже побывал вместе с Мансуром. Сарацины появления христиан с этой стороны не предполагали. Они, кроме нескольких караульных, даже не были при оружии. В ожидании подхода подкреплений и катапульт из Тибериады, шейх Халед спокойно спал в своем большом разноцветном шатре, давая отдых себе и своим людям перед предстоящим решающим штурмом Тамбурана.

Никто из сарацин в лагере шейха Халеда не предполагал, что христиане могут спуститься от постоянного двора на перевале и пройти через лес посреди ночи. Совершенно неожиданно тамплиеры, замаскировавшись под черными плащами монахов, вышли из леса в момент, когда разъезды патрулей проехали мимо, а пешие караулы разошлись в разные стороны. Сбрасывая свои черные одеяния на ходу, храмовники обнажили оружие и набросились на вражеский лагерь одновременно с двух сторон. По указанию Родимцева, сержанты зажигали факелы и бросали их в палатки, создавая панику. И уже через несколько минут ближайшие сарацинские шатры запылали, придавая дополнительное зловещее освещение полю боя.

Храмовники остервенело набросились из леса и беспощадно рубили мечами

выбегающих из палаток. Со всех сторон слышались вопли раненых и умирающих. А на другом конце лагеря тоже запылали вражеские шатры и все повторилось. Там свирепствовали люди графа Ибелина. Несколько полусонных караульных не могли помешать им, потому что пали самыми первыми. Масштаб избиения был таким, что всех перебить просто не представлялось возможным из-за их огромного количества. А расплыть силы позволить себе христиане не могли. Поэтому Родимцев следовал плану, быстро пробиваясь к шатру командира вражеского войска, на который указал Мансур.

Когда край шатра подождли, сам шейх Халед выскочил из своей палатки в одних шароварах. В руке он держал саблю, а спину ему прикрывали четверо высоких чернокожих нубийцев с большими кривыми ятаганами. Но храмовники связали их боем, а Родимцев противостоял шейху, заблокировав своим мечом его саблю. Мансур же подлетел сбоку и огрел Халеда булавой. После чего оглушенного вражеского военачальника Григорий с Мансуром подхватили и потащили к лесу. Нубийцы Халеду помогли мало. Пожилые братья-рыцари без труда их всех порубили.

Родимцев приказал храмовникам отступать, прикрывая их с Мансуром отход. Тамплиеры выходили из боя и скрывались в лесу за ручьем, откуда пришли, оставляя за собой множество вражеских трупов. Те сарацины, которые успели схватить оружие и попытались преследовать нападавших, напоролись на сержантов-арбалетчиков, которые находились в засаде за стволами деревьев, стреляя наверняка. Так что оторваться от врагов удалось благополучно.

Войско графа Ибелина успешно пробилось к заграждению, устроенному сарацинами на дороге, ведущей наверх, к перевалу. То были спешенные рыцари при поддержке лучников-туркополов, которые тоже слезли с коней и вооружились саблями. Всю охрану препятствия, устроенного сарацинами, быстро смяли. И пехотинцы Ибелина быстро растаскивали бревна и камни. Сарацины стряхивали сон, хватали оружие и пытались организовать сопротивление. Но, сам Ибелин неожиданно повел своих всадников, оставшихся в резерве, в ночную атаку. Палатки горели уже и в этой части вражеского лагеря, и огромный пожар давал достаточно света, чтобы дорогу кони разбирали и не спотыкались. Вслед за тамплиерами и собственными пехотинцами сеньор Яффы тоже решил на ночную атаку.

Успеху способствовало и то, что пехотинцы графа захватили коновязи и отпустили вражеских лошадей, которые, пугаясь огня и криков мечущихся людей, в панике тоже разбежались с громким ржанием, давая в ночи все еще выскакивающих из шатров сарацин. Враги метались, не в силах организовать сопротивление. Жан Ибелин лично возглавил атаку своих рыцарей. Он принял решение атаковать в ночи после того, как барон Монфор наотрез отказал в поддержке той внезапной ночной атаки, которую задумали граф с молодым командиром тамплиеров. Монфор сказал, что подобное нападение на противника ночью противоречит всем правилам ведения войны и рыцарской чести.

Поддержав атаку храмовников силами собственной пехоты, Ибелин приказал готовить и кавалерию. В ночи, при мертвенном лунном свете всадники графа неспешно, ведя коней за собой, подошли к последнему повороту дороги, за которым уже в сотне шагов находилась вражеская баррикада. Там они приготовились и ждали сигнала. Когда пехотинцы захватили преграду и разобрали ее, их командир протрубил в рог. И всадники понеслись к вражескому лагерю, который уже представлял собой растревоженный муравейник. Пехотинцы расступились, пропустили кавалерию вперед и кинулись следом, истребляя сарацин на флангах.

Оставшись без своего командира, разрозненные сарацинские отряды никак не могли организоваться, а рыцари продолжали разносить вражеский лагерь. Вскоре ночное сражение уже напоминало избиение противника. Рейд на вражеский лагерь неожиданно для самих христиан быстро перерос в настоящую бойню. Когда всадники атаковали, даже те сарацины, которые пытались сопротивляться, начали паниковать, бросая оружие и пытаясь спастись бегством. Но, бежать им было особо и некуда. Тамплиеры, отошедшие в лес, прикрывая своего молодого командира, захватившего важного пленника, убедившись, что нападение вполне удалось, вернулись к вражескому лагерю, перекрыв дорогу, ведущую из него на восток, к Тибериаде.

Враги метались и суетились не в силах сопротивляться, они падали под натиском кавалеристов, и многие попадали под копыта. А рыцарские кони на скакании ломали кости ударами копыт. Копья тоже находили тела врагов и ломались, а рыцари отбрасывали их обломки и, прикрывшись щитами и выхватив из ножен мечи, продолжали атаковать, а вернее, преследовать бегущую сарацинскую толпу.

Оставшиеся еще способными сражаться среди этой бегущей толпы враги ничего не могли сделать против закованных в сталь рыцарей, яростно орудовавших клинками. Многие враги сразу нашли свою смерть, а оставшиеся, видя гибель своих товарищей, в страхе бросали оружие. В конце концов, они начали падать на землю и просить пощады.

Рыцари быстро превратились в беспощадных преследователей. В ночи, при скупом лунном свете и в зареве пожара, охватившего сарацинский лагерь, могучие кони продолжали давить врагов. Треск пламени, крики людей и лошадиное ржание смешались, наполнив ночной воздух. Конечно, и среди христиан имелись уже убитые и раненые. Несколько всадников, напорвшись на пики, пали вместе с конями. Да и пехота графа понесла урон. Но, эти потери не шли ни в какое сравнение с количеством убитых и раненых среди сарацин. Их количество исчислялось сотнями. А попытки сопротивления сменились настоящей свалкой и давкой. Бегущие от христиан сарацины просто топтали друг друга. При тусклом свете луны и звезд в отблесках огромных костров, в которые превратились сарацинские палатки, в ночи звенела сталь, ржали кони, брызгала кровь из ран и предсмертно кричали люди.

Когда едва забрезжил рассвет, уже стало понятно, что лагерь шейха Халеда разгромлен, а сарацины сдались. Только в этот момент от перевала вниз ринулись всадники барона Монфора. Похоже, он не хотел, чтобы его упрекнули в трусости, а потому, лишь только стало рассветать, как сеньор Тира присоединился к атаке на вражеский лагерь. Впрочем, любая атака на сарацинский лагерь уже была излишней. Потому что сарацины, уцелевшие в ночной бойне, к этому моменту просто сдались.

Сарацинский обоз тоже удалось захватить возле палаток, а в нем оказалось очень много награбленного. Теперь и крестоносным воинам было, чем поживиться, а потому они отвлеклись, что могло закончиться весьма плачевно. Победу пока праздновать было рано. С рассветом выяснилось, что разгромлены далеко не все сарацины Халеда, а лишь две трети его армии. Потому что со стороны Тарбурана подходил еще один сарацинский отряд, который вел шейх Сахим, младший брат Халеда.

Этот передовой отряд расположился лагерем в долине перед осажденным замком. Собственно, эти войска и держали осаду, а также вели бои с тамплиерами, остающимися в замке Тарбурон, заперев их там своим присутствием внизу, в долине. Но, поскольку, отрог отгораживал основной лагерь Халеда от лагеря осаждающих, которыми командовал его

младший брат, создавая природную преграду для прямой видимости, а расстояние между лагерями превышало километр, то сарацины из осадного лагеря не сразу догадались, что на основной их лагерь напали в ночи крестоносцы.

Но, кто-то из сарацин, разумеется, сумел ускользнуть из главного лагеря, подвергнувшись столь внезапной ночной атаке, и бросился звать на помощь. Вот только пока эти люди добежали, да пока они подняли тревогу, да пока в осадном лагере просыпались бойцы, да пока витязи готовились и седлали коней, да пока проехали расстояние, разделяющее оба сарацинских лагеря, крестоносцы уже произвели непоправимый разгром. Тем не менее, довольно значительное сарацинское войско шейха Сахима, численностью почти до тысячи воинов, если считать вместе с пехотинцами, атаковало христиан, едва забрезжил рассвет.

Витязи в тяжелых доспехах, восседающие на могучих боевых конях, оснащенные большими щитами и длинными копьями по типу всадников Запада, неожиданно для христиан выскочили из-за отрога. Атака началась в то же самое время, когда Филипп Монфор повел в атаку на разгромленный вражеский лагерь своих людей. И получилось так, что всадники барона Монфора схлестнулись в бою с всадниками Сахима. Таким образом, для воинства сеньора Тира тоже нашлось весьма серьезное ратное дело.

Увидев опасность удара противника сходу в свой левый фланг, Монфор спешно разворачивал собственных рыцарей. И, едва они успели изменить построение, как всадники понеслись навстречу друг другу. Теперь в роли атакующих были сарацины, а крестоносцы оборонялись. Они успели развернуться и достойно сдержали удар. Луна к тому времени скрылась за горизонтом, а звезды на небе побледнели и рассвет уже всю золотил верхушки гор, когда пролилась новая кровь.

Выполняя команду Монфора, его рыцари стремительно ринулись в контратаку. Наверное, сарацины не предполагали столкнуться в бою с самыми лучшими бойцами Иерусалимского королевства, которых вел в бой лично барон Монфор. Но, они не дрогнули. Две силы сошлись в этом бою на равных. Они сшиблись стремительно, подобно стальному смерчу. Передние ряды смешались. Рыцари и витязи нанизывали друг друга на острия копий. Копья ломались, кони вставали на дыбы, всадники вылетали из седел, а кровь лилась не только людская, но и лошадиная. Пронзенные враги слетали с коней, которые тоже, не в силах остановиться, на всем скаку падали, ломая ноги. Но копья оставались в телах врагов, ломаясь, а запасные взять было уже некогда. Прикрывшись щитами и выхватив из ножен мечи, рыцари-крестоносцы бились с витязями востока в жестокой сече.

Оставшиеся позади тяжелых всадников обеих сторон легкие кавалеристы и лучники ничего не могли сделать против закованных в сталь тяжелых воинов. Столкнувшись друг с другом, многие всадники, как барона Монфора, так и шейха Сахима сразу нашли свою смерть. Но оба предводителя не пострадали. Огромная закованная в сталь фигура барона возвышалась на высоком гнедом коне над полем брани чуть позади передовых порядков рыцарей. Подняв меч, он четко выкрикивал приказы. Страшный бой был его стихией, где он всегда чувствовал себя на своем месте. Шейх Сахим тоже что-то выкрикивал из-за спин своих витязей, направляя их в гущу битвы.

За первым натиском, который обе стороны достойно выдержали, сломав копья, последовал клинковый бой. Сталь лихо засверкала в отсветах левантийского рассвета. Рыцарские мечи схлестнулись с саблями витязей. Сабли имели некоторое преимущество, позволяя доставать искривленными кончиками рыцарей за их щитами, но мечи в умелых руках рубили не хуже. Ни одна из сторон не могла взять верх. Но тут в сражение вмешался

граф Ибелин, поведя своих рыцарей во фланговую атаку. Через несколько мгновений, когда они сшиблись с противником, ударив во фланг, снова послышался страшный треск, крики людей и лошадиное ржание. С обеих сторон еще несколько всадников, не выдержав натиска, пали вместе с конями. Но, противник дрогнул. Подняв круглые щиты и отбиваясь саблями, витязи Сахима начали медленно отступать. Потери их оказались более значительными. Пали убитые, заголосили раненые. Началась боевая свалка, всадники сражались в ближнем бою. И снова звенела сталь, ржали кони, брызгала кровь из ран, предсмертно кричали люди. Дружинники Сахима сопротивлялись отчаянно, но крестоносцы теснили их.

Поняв всю опасность собственного положения, шейх собирал вокруг себя последних уцелевших витязей, пытаясь пойти на прорыв. И тут неожиданно Филипп Монфор возглавил атаку, затрубив в рог. Казалось, что в жилы немолодого барона влились новые силы. Он решительно поднял над собой меч и выкрикнул: «Монжуа!» Тотчас его боевой клич поддержали все рыцари. И атака, воодушевленная предводителем, который твердой рукой рубил мечом врагов направо и налево, быстро пробилась к самому шейху. И сам Монфор вступил в схватку с командиром сарацин.

Сахим был сильно моложе барона, да и саблей своей владел неплохо. Но Монфору противостоять он смог не больше минуты. После того, как шейх отразил первый натиск, Монфор провел хитрый прием и резким ударом срубил противнику кисть руки вместе с саблей, которую эта кисть держала. Следующим движением барон ударил шейха клинком по красивому шлему-шишаку с такой силой, что Сахим вылетел из седла, упав на землю уже мертвым. Меч Монфора рассек его золоченный шлем вместе с черепом. Увидев гибель своего предводителя, витязи ослабили натиск, а некоторые из них пытались выйти из боя, не желая больше сражаться. Управление вражеским войском потерялось. Сражение разбилося на отдельные стычки, и вскоре сопротивление окончательно угасло. Оставшиеся сарацины тоже сдавались в плен.

После того, как пленного шейха Халеда Григорий и Мансур дотащили на себе по крутой тропинке наверх до постоянного двора, где пришлось срочно организовать оглушенному, но вполне живому пленнику усиленную охрану, они сели на коней и вернулись на поле битвы. Вместе с графом Ибелином и Бертраном они участвовали во фланговой конной атаке.

— Надеть шлемы! Приготовить копья и щиты! — выкрикивал команды граф, а его рыцари-капитаны дублировали их.

Мансур взял из лагеря отряда, разбитого возле постоянного двора, все необходимое и подал Григорию сначала шлем. А когда рыцарь закрепил его прочным ремешком под подбородком, подал и щит, на котором красовался красный крест тамплиеров. Из храмовников вместе с Ибелином находился только его оруженосец и два пожилых брата-рыцаря с двумя сержантами. Остальные бойцы из отряда Грегора Рокбюрна, выполняя его приказ, под предводительством знаменосца и капеллана по-прежнему удерживали дорогу на Тибериаду.

— Построиться для атаки кабаньей головой! — кричал Ибелин. И все рыцари быстро выстраивались в тупоконечный клин, иногда называемый просто «свинья».

Они оказались впереди на левом фланге. Бертран де Луарк занял место справа от Родимцева. В предвкушении атаки глаза француза горели, а ноздри раздувались не меньше, чем у его коня. Кто-то из оруженосцев графа дал Бертрану копье и щит с гербом дома Ибелинов. Предлагали и трофейный сарацинский шлем, но его одевать высокомерный франк отказался. Слева от Гриши находился верный Мансур, тоже вооруженный копьем и с трофейным круглым щитом. Булава и кинжал висели у него на поясе. Чуть дальше приготовились к атаке двое ветеранов-храмовников и пара сержантов.

— Опустить забрала! — последовала команда. И поле зрения Родимцева несколько ограничила прочная решетка, которой он прикрыл лицо. Впрочем, она не сильно мешала видеть, как сарацин, так и своих. Григорий обернулся и еще раз скомандовал своим бойцам:

— Приготовиться!

— Рысью! Держать равнение! — отдал команду граф.

И рыцари прищипорили коней навстречу неприятелю, стараясь не нарушать построение. В середине клина взвивалось знамя с жирным красным крестом на золотом поле — герб Ибелинов. Они заходили для удара с фланга. Впереди всадники Монфора уже всю бились с сарацинами, но ощутимого перевеса одной из сторон еще не замечалось. Отовсюду летели стрелы. Легкие конные лучники скакали позади тяжелых кавалеристов с каждой стороны, посылая тучи стрел во врагов. Впрочем, доспехи и щиты защищали всадников, а толстые попоны и стальные шанфроны — лошадей.

— Нацелить копья! К атаке! Марш! — скомандовал Ибелин. Потом прокричал боевой клич:

— Монжуа!

Григорий прищипорил коня.

Каменистая почва уже не была ровной от трупов. Некоторые кони скользили в крови и, оступаясь, падали, сбивая и соседних всадников. Но Антоша под Родимцевым бежал ровно. Григорий увидел, как сарацинские витязи, не ожидающие атаки во фланг, лихорадочно разворачивались навстречу, готовясь принять новый удар от крестоносцев.

— Монжуа! — поддержало Ибелина все войско.

И тяжелая конница врезалась во фланг неприятеля. Копье Грегора Рокбюрна влетело в щит одного из витязей, но удар оказался настолько сильным, что противник слетел с седла, а копье треснуло. Самому же Григорию сарацинское копье скользнуло по верху мощного покатога шлема, лишь слегка оглушив. Бертран де Луарк тоже добился успеха, пронзив своего врага напротив. От этого и его копье сломалось, но свое дело ударное оружие сделало. И впереди во вражеском построении образовалась брешь, куда они и устремились, выхватив мечи. По сторонам смотреть времени не было. Но бойцам слева успех, вроде бы, тоже сопутствовал.

Кривая сабля обрушилась на Родимцева, и он едва успел прикрыться щитом, а потом ударил в ответ, попав врагу по шлему так сильно, что его собственная рука, державшая меч, на мгновение онемела. Но сарацин, получивший этот удар по своему шишаку, с коня тут же упал. Другая сабля сбоку достала по шлему уже самого Григория. Но вскользь. А он ответным ударом попал противнику клинком по правому плечу, отчего тот выронил свое оружие. «Получи, гад!» — успел лишь подумать он, когда слева кто-то ткнул в него короткой железной пикой. И только то, что удар в последнее мгновение удалось парировать щитом, спасло его желудок от стального острья.

Антоний нес Родимцева дальше в толпу врагов, перепрыгивая через мертвых и раненых людей и коней, но не думая останавливаться. Гриша услышал, как радостно закричали рыцари Монфора, но не увидел, как высокий сарацин в позолоченных доспехах, шейх Сахим, упал с коня под ударом меча барона. Этот эпизод, окончательно переломивший весь ход этого сражения, Грегору Рокбюрну пересказали уже потом. А пока ничего еще не закончилось. И его меч взлетал и снова опускался много раз, прежде, чем стало понятно, что враг слабеет и откатывается под их натиском. Знамя Монфора, серебряный лев на красном фоне, продвинулось заметно вперед. А сарацинский флаг шейха с белым полумесяцем на зеленом фоне, над которым красовались скрещенные сабли в обрамлении из арабской вязи, отходил все дальше назад.

— Вперед! Усилить натиск! — командовал граф Ибелин откуда-то сбоку.

Атакующий клин давно распался на множество отдельных схваток. Но страха Григорий не чувствовал. Горячка боя охватила его. С безумием берсеркера он пробивался вперед, разя окровавленным мечом неприятельских всадников. Справа не менее безумно сражался Бертран, меч в его руке сверкал, подобно молнии, а его длинные волосы свободно развевались без всякого шлема. Мансур слева давно пустил в ход булаву, которая бешено скакала по головам врагов. Что творилось по сторонам дальше, Гриша замечать просто не успевал, сосредоточившись на том, что перед ним и непосредственно сбоку. Потому что оттуда под разными углами атаки прилетали удары противников, которые нужно было успевать парировать щитом и мечом, не забывая, при этом, использовать любую возможность, чтобы самому разить врагов.

Григорий уже устал настолько, что ему казалось, что еще немного, и его меч сам скоро вывалится из руки. Но, тут ряды противников начали редеть сами собой. И он понял, что победа уже близка. Это придавало новых сил. Он видел, как сарацины дрогнули, начали поворачивать коней и пытаться бежать. Вокруг лежали люди и лошади. Некоторые уже мертвые, но многие просто раненые. Кто-то из них пытался сопротивляться, но большинство просто старалось куда-то убежать или отползти, чтобы не быть затоптанными. Страх делал свое дело. Через какие-то минуты противник уже был полностью дезорганизован.

— Монжуа! — кричали крестоносцы, добивая сарацин.

Родимцев чувствовал, как собственный пот заливает глаза, а вражеская теплая кровь, стекая по клинку, льется и по его руке до самого локтя. Когда Григорий нечаянно попал в тело рыцаря Грегора Рокбюрна, то даже не подозревал, что способен, оказывается, выдержать подобное суровое испытание настоящим средневековым сражением. Но, как выяснилось, местный парень оказался способен на многое. Владел он не только мечом, но и копьем, а также обладал отличной реакцией и умел виртуозно управлять собственным конем. Да и конь Антоний оказался очень хорош, ни разу не подведя седока в лихой схватке. И только благодаря всем этим боевым качествам Гриша не только был жив, но и не получил сколько-нибудь серьезных ранений, если не считать тех синяков, которые, наверняка, возникнут на теле в местах нескольких ударов, пропущенных по кольчуге.

Родимцев еще никогда не участвовал в подобном сражении, где билась холодным оружием столько кавалеристов, а все поле боя было усеяно трупами лошадей и всадников. После их фланговой атаки какой-либо порядок в сражении уже отсутствовал. Оно перешло в сплошную свалку. В отсветах рассвета сверкали клинки и слышался звон стали и множество криков дерущихся, перемешанных с конским ржанием и с глухими ударами по деревянным щитам. У шейха Сахима всадников было больше, но рыцари Монфора и Ибелина были опытнее. Да и сам барон Монфор оказался значительно сильнее шейха, сразив его в успешной атаке.

Конечно, когда сарацинский предводитель пал, сражение не прекратилось мгновенно в ту же минуту. Многие сарацинские витязи еще пытались драться. Но, крестоносцы продолжали напирать, беспощадно рубя отступающих врагов. Длинные прямые мечи безжалостно обрушивались на круглые деревянные щиты и на шлемы-шишаки витязей. Под собственные вопли и пронзительное ржание лошадей они отступали к своему осадному лагерю, а их боевые порядки, лишённые управления и взаимодействия, разбивались на отдельные группы сопротивляющихся.

Следом за всадниками Монфора его пехота тоже спустилась к ручью от перевала. Часть ее сгоняла сдавшихся сарацин к широкой каменистой площадке возле водопоя. А другая часть шла за всадниками, добивая тех витязей, которые остались без лошадей и пробовали сражаться пешими. Пехотинцы поддерживали и тех христианских рыцарей, которые тоже оказались безлошадными.

Увидев, что помощь пришла, и христианские воины теснят сарацин, из замка Тарбурон навстречу свободе вышли осажденные там тамплиеры. Увидев помощь от войска Монфора, храмовники быстро спустились с холма и сразу накинулись на еще не сдавшихся сарацин с тыла, отрезая им путь к осадному лагерю. Это ускорило разгром противника, потому что, увидев полную безвыходность своего положения, начали складывать оружие даже самые отчаянные витязи.

Вскоре никто уже не оказывал сопротивления. Шум сражения сменился стонами раненых людей и ржанием раненых коней. А войско Монфора неторопливо сгоняло оставшихся сарацин отряда шейха Сахима всех вместе, окружая пленных прямо в их же осадном лагере, разбитом напротив Тарбурона. Солнце только всходило на небо, начиная новое утро, а уже откуда-то прилетели вороны, кружась над полем брани.

Когда сражение закончилось, Родимцев спешил и долго вытирал меч плащом одного из убитых витязей. Сколько врагов он достал своим мечом в сражении, он даже не считал. Но, не меньше десятка. Рядом с ним спешил и Мансур. На его булаву налипли чьи-то

мозги. Подъехал и Бертран де Луарк. Его длинные светлые волосы спутались, и в них видна была свежая и запекшаяся кровь. К счастью, не его самого, а тех врагов, которых рыцарь сразил в битве. Самонадеянный Бертран так и провел весь бой, не одев шлема. Лоб рыцаря пересекал свежий порез, который кровоточил. Потрогав ладонью голову и размазав кровь, Бертран бросил взгляд на черных каркающих птиц и сказал:

— Я слышал байку, что вороны забирают души погибших бойцов.

— Это всего лишь птицы, которые хотят есть, — проговорил Григорий, с отвращением глядя, как самые наглые вороны уже приземлились и выклевают убитым глаза.

В их сторону от большой группы рыцарей, проскакавших вперед во главе с графом Ибелином и спешившихся ближе к Тарбуруну, направлялся маленький конный отряд, во главе которого на черном коне ехал высокий широкоплечий рыцарь в закрытом шлеметопхельме. На его большом щите на белом поле выделялся красный лапчатый крест, а белый плащ был забрызган кровью. Перед Григорием, Мансуром и Бертраном появился отряд тамплиеров из Тарбуруна. Рене Дюрфор, возглавлявший отряд, снял шлем. Он радостно заулыбался Григорию и приказал своим всадникам тоже спешиваться, потом спрыгнул с коня и заключил Родимцева в объятия, проговорив:

— Как же я рад тебя видеть, Грегор Рокбюрн! Ты спас всех нас, брат! Граф Ибелин только что уже сказал мне, что это ты привел их с бароном Монфором сюда нам на помощь. Как только я увидел твой орденский плащ, так сразу поспешил в твою сторону.

— А я-то как рад, мессир! Едва только я добрался до христиан, так сразу начал просить помощь для вашего отряда, — ответил Григорий.

— Для нашего, ты хотел сказать, — проговорил Рене.

— Ну, уж и не знаю. Дело в том, что командор дал и мне в распоряжение примерно такой же по численности отряд, назначив меня командиром. Мы напали в ночи на сарацинский лагерь возле водопоя и захватили в плен самого шейха Халеда, — похвастался Родимцев.

Получалось, что за это время его статус в ордене сравнялся с положением, которое занимал Рене. Конечно, Дюрфор несколько удивился такому внезапному возвышению молодого брата-рыцаря, но вида не подал, сказав только:

— Тогда прими мои поздравления с повышением.

— Ты достоин этой чести, дружище, как никто другой! Я очень рад за тебя! — произнес из-за спины Дюрфора знакомый голос. Это был Тобиас. Он радостно подбежал к Григорию и тоже обнял его.

— А где же твои люди? — задал вопрос Рене.

Гриша освободился из объятий друга, обернулся и, увидев своего знаменосца в седле, за которым ехали и все остальные братья-рыцари, помахал им рукой. И отряд сразу направился к нему. Его ветеранам сержанты успели подвести коней еще в разгар сражения. И пожилые храмовники покачивались в седлах, медленно проезжая по трупам врагов. А за ними ехали сержанты. Только теперь он обратил внимание, что нигде не видно тех двоих ветеранов с двумя сержантами, которые атаковали неприятеля рядом с ним. Он поискал их глазами и увидел поодаль один из белых тамплиерских плащей, втоптаный в кровавую лужу. А чуть дальше лежала на боку мертвая лошадь в белой попоне с красным крестом, придавившая седока.

— Да, у тебя, Грегор, теперь людей в два раза больше, чем у меня, — заметил Дюрфор. И скорбно добавил:

— Под стенами Тарбурона многие пали.

— У нас тоже не обошлось без потерь, — сказал Григорий. Потом добавил:

— Но, мы победили. И армия шейха Халеда больше никогда не сможет угрожать христианам Леванта.

Тут к ним подошел седой капеллан Годфруа и сказал:

— Главное, братья, что Господь дал нам эту возможность победить. И не нам, а Имени Его слава! Так давайте же помолимся, братья!

Он опустился на колени прямо среди трупов, воткнул перед собой меч и начал читать перед этим импровизированным крестом молитву на латыни. И все тамплиеры тоже встали на колени и вторили ему.

Когда они закончили, к ним подъехал граф Ибелин со своей свитой. Все его рыцари, как и сам граф, были забрызганы вражеской кровью. Бертран де Луарк, который помолился вместе со всеми, хотя и не был храмовником, поднялся с колен и произнес:

— Я прибыл в Святую землю, как паломник. И представлял ее себе совсем по-другому, поверив в сказки, которые рассказывают об этой священной стране проповедники в Европе. Хотелось мне, конечно, посетить Святые места. Потому я и пустился в этот поход за море вместе со своим дядей. Только вот дядю моего вместе с двумя нашими оруженосцами убили сарацины. Такой печальный получился результат у нашего паломничества. А главным святыням поклониться я так и не смог. Потому что Иерусалим, Назарет и Вифлеем захвачены врагами.

— Левант представляет собой очень опасное место, друг мой, — сказал Ибелин.

— Да, монсеньор, теперь я уже понял, что в Святой земле нет молочных рек и кисельных берегов. Нету тут источников меда и молока, как говорится в сказаниях.

Граф кивнул:

— Как видите, мессир, большая часть нашего королевства в Святой земле — это неприветливая каменистая почва, выжженная солнцем, по сути пустыня, где мало воды, не обещающая хорошие урожаи. Смерть здесь ходит всегда где-то близко, а жизнь людей тяжела и уныла. И я не знаю, кому у нас хуже живется, простым крестьянам или воинам, вроде нас, которые пытаются защищать слабых, постоянно рискуя и погибая в боях. Я не говорю уже о том, сколько калек нам приносит война. Достаточно сейчас взглянуть вокруг на это поле битвы, чтобы понять это. Но, почти каждый мужчина в этой стране умеет держать оружие и готов к обороне. И мы считаем себя счастливыми, если мир устанавливается больше, чем на год. Тогда постепенно припасы начинают пополняться. Но, потом все опять повторяется. Приходят новые армии сарацин и уничтожают все вокруг. Или же мы сами устраиваем свары между собой и разоряем земли друг друга, что еще обиднее. И это вместо того, чтобы объединять силы перед лицом неприятеля. Но, на этот раз мы, все же, сумели забыть распри, и вот результат: победа!

После боя оба отряда тамплиеров объединились и тщательно прочесывали долину, раскинувшуюся перед Тарбуроном сразу за сарацинским осадным лагерем, куда крестоносцы согнали половину пленных врагов. В глубине долины вполне могли скрываться уцелевшие в бою и не попавшие в плен враги. Впрочем, особенно прятаться им было и негде. Все в этой долине, где раньше находилось немецкое поселение, было давно разрушено.

От немецкой деревни, называвшейся Генц, остались лишь почерневшие остовы домов, амбаров и других хозяйственных построек, пережившие пожар, устроенный неприятелем. Оливковые рощи сарацины тоже частично сожгли, а оставшиеся деревья вырубали. Они специально применяли тактику выжженной земли, чтобы христиане, если даже и отобьют эту землю обратно, еще долго не могли бы восстановить хозяйства, основной доход которых давали масличные рощи. А ведь для того, чтобы вырастить даже одно масличное дерево до состояния плодоношения, нужно десять, а то и больше спокойных лет, в зависимости от сорта и местных условий.

Внутри сожженных домов лежали покойники, теперь уже почти скелеты с редкими высохшими лохмотьями кожи на белых костях. Трупы принадлежали не только мужчинам, а и женщинам, и даже детям. Сарацины не удосужились похоронить местных жителей, лишь снесли мертвецов внутрь остатков их же домов, да и то не всех. Некоторые все еще лежали среди уродливых пней, оставшихся от масличных деревьев. Глядя вокруг, Григорий вспомнил оживших мертвецов, с которыми ему не так давно пришлось столкнуться возле часовни, и это воспоминание сразу натолкнуло его на мысль, что тот некромант, о котором говорил монах Иннокентий, вполне мог скрываться среди пленных, или же прятаться где-то поблизости.

— Если бы из этих несчастных кто-то остался жив, то они рассказали нам, кто сделал с ними такое. И мы бы покарали преступников. Вот только мертвые говорить не могут, — проговорил Рене Дюрфор, который ехал впереди отряда рядом с Грегором Рокбюрном.

— Все известно. Осталась же свидетельница, выжила та маленькая девочка, Адельгейда, которую я отвез в монастырь на горе Кармель. Она по дороге и рассказала мне все. Это страшная история. И не только мне рассказала, например, граф Ибелин тоже слышал рассказ Адельгейды. И, наверное, потому он сразу проникся мыслью постараться помочь Тарбурону, — сказал Рокбюрн.

— И кто же этот страшный нелюдь, отдавший приказ убивать всех подряд? — спросил Рене.

— Его звали Вальтер Геринг, — поведал Григорий.

— Неужели тевтонец? Как же он мог сотворить такое с собственными соплеменниками? — удивился Дюрфор.

— Немецкий перебежчик из тевтонского ордена, принявший ислам. Бейбарс дал ему имя Селим Аль-Даби и пожаловал хорошую должность, что-то вроде командора всей Галилеи. Этот Вальтер-Селим возглавляет то войско султана, которое разместилось в Тибериаде, — пояснил Родимцев.

— Но, зачем же он проявил такую жестокость? — недоумевал Дюрфор.

— Я думаю, что он выслуживается перед султаном таким ужасным образом. Что же еще? Хочет показать, как ненавидит всех христиан, раз демонстративно убивает

собственных соплеменников от мала до велика, — высказал свое мнение Григорий. Потом добавил:

— Посол тевтонского ордена, Вильгельм фон Гетцендорф, который остановился в этой деревне, узнал перебежчика и попытался отговорить его от нападения на мирную деревню, но тщетно. Вальтер Геринг приказал атаковать, а потом распял старика. Среди немцев много очень жестоких людей.

— Не одни они такие. Постоянная война делает многих людей хищниками, — возразил Рене.

Они замолчали. Вокруг деревни само пространство казалось мертвым. Находиться в этом месте не хотелось. Даже сарацины чувствовали невидимую среди ясного дня тьму, незримо присутствующую в долине. И ни одной живой души не пряталось там. Даже вороны там не летали, по-видимому, они уже склевали с убитых все то, что казалось птицам вкусным. Во всех остальных деревенских домах тоже оказались мертвецы. Их вид и запах действовали угнетающе.

Когда поехали обратно, Дюрфор проговорил:

— Значит, если я правильно понимаю, брат Грегор, мы обязаны своим спасением больше Ибелину, чем Монфору?

Григорий кивнул и произнес:

— Так и есть. Именно Жан Ибелин организовал вот эту помощь в виде моего отряда. Граф сам ездил к командору в Кайфас и разговаривал с ним. Уж не знаю, как Ибелин уговорил командора, но как-то уговорил отправить подмогу к Тарбурону. А еще граф и свое войско повел в ночную атаку вместе с моим отрядом. Потому что одни мы, разумеется, мало что смогли бы сделать против целой сарацинской армии. Да и Монфору именно Ибелин заронил мысль, что необходимо атаковать Халеда. Поначалу Монфор хотел ограничиться лишь строительством укрепления на перевале. Он собирался оставить Тарбурон на съедение Халеду. И только уже увидев войско графа Яффы в бою и, по-видимому, сильно опасаясь, что все лавры победителя вот-вот достанутся Ибелину, Монфор ударил с первыми лучами солнца.

— Понятно. Не даром об этом Ибелине ходит слава ловкого политика, отличного переговорщика и мастера компромиссов, — проговорил Рене.

Они проехали мимо развалин водяной мельницы, потом мимо могилы немецкого посла и выехали к сарацинскому осадному лагерю, разбитому на месте руин постоянного двора. Теперь все сарацинские палатки, в которых сидели обезоруженные выжившие бойцы из отряда шейха Сахима, окружала плотным кольцом пехота Монфора. Дальше, за палисадом, на другой стороне ручья начиналось поле боя, на котором трудились похоронные команды, составленные из тех же сарацин, которыми руководили и заодно охраняли от побега легкие кавалеристы-туркополы тоже из войска Монфора. Свой лагерь барон разбил чуть выше по течению ручья, там, где у подножия горного склона начинался кедровый лес. Войско Ибелина занималось пленными, взятыми в лагере шейха Халеда возле водопоя.

Сами же военачальники уже поднялись в замок. К тому моменту, когда туда въехали оба отряда тамплиеров, в Тарбуроне уже всюю готовились к праздничному обеду по случаю победы. В сарацинском обозе нашлось множество продуктов, которые требовали скорейшего употребления в пищу, пока еще левантийская жара не прикончила их. Например, пока не испортилось свежее мясо, не подгнили овощи и не завяли вкусные травы.

Сержанты и оруженосцы с шутками и веселым смехом разделявали бараньи туши и

готовили кушанья на кострах в подвесных котлах, закрепленных на высоких треногах. Другие ставили столы в замковом дворе, в тени башен, сооружая их из досок, установленных на простые козлы и застилая поверх грубой дощатой поверхности пестрыми трофейными скатертями. Вообще-то, по уставу тамплиерам не полагалось принимать участие в светских обедах, но, ради такого случая, никто из них отказаться от участия в торжественной трапезе не смог. Тем более, что гости сами пришли и расположились в замке, даже не спрашивая их разрешения.

Конечно, сначала все они помолились, потом привели себя кое-как в порядок после битвы, умывшись и переодевшись, а затем капеллан Годфруа благословил трапезу. И только потом храмовники присоединились к этому обеду для знатных рыцарей. Простых воинов, даже однощитных рыцарей-наемников, сюда не пригласили. Места за столом, помимо самых знатных сеньоров, распределили лишь для капитанов, баннеретов и представителей влиятельных фамилий из отрядов графа и барона. А братьев-рыцарей тамплиеров пригласили, как дань уважения ордену Храма, бойцы которого сумели удержать Тарбурон и взяли в плен самого шейха Халеда. Барон Монфор за обедом не церемонился, разговаривая в своей манере, не терпящей возражений. Ибелин же взял на себя роль тамады.

— Кому подлить вина? — то и дело спрашивали оруженосцы, выполняющие роль виночерпиев, снующих между приглашенными.

— Наливай еще! — повелел одному из парней с кувшином Бертран де Луарк, который тоже был приглашен, как один из героев сражения, потому что сам Монфор обратил внимание, как славно бился этот высокий рыцарь, не пожелавший надеть шлем. По-видимому, барону сделалось немного стыдно за тот разговор возле маслодавилни, во время которого Монфор пытался уличить Бертрана в мародерстве.

— Достойное вино! — нахваливал Бертран, подставляя красивую трофейную серебряную чарку.

«И когда он только успел прихватить трофеи?» — удивлялся Гриша. Сам же Родимцев не срезал после битвы ни одного кошелька. Ему совсем не хотелось мародерствовать у всех на виду, да и не до того было.

Трофейное белое вино оказалось превосходным на вкус.

— Наши захватили не одну бочку. И зачем только мусульманам вино? На продажу везли, что ли? — удивлялся Бертран, отхлебывая из чарки за победу.

Рядом с ним сидел какой-то толстый рыцарь из воинства Монфора, который произнес:

— Это Белое Галилейское. Лучший сорт. Его запасы в Тибериаде. Так что везли сарацины его с собой, как пить дать. А пьют они не меньше нашего. Только вид делают, что трезвенники.

— Да, вино восхитительное. Даже у нас во Франции только немногие вина могут похвастаться более изысканным вкусом, — поддержал толстяка де Луарк.

— Вы, мессир, давно ли из Франции? — спросил толстяк.

— Не так, чтобы очень давно, всего пару месяцев нахожусь в Святой земле, — поведал Бертран.

— А я живу тут. У меня даже титул есть. Я Амальрик, барон де Бельмонт. Вот только мой родовой замок находится недалеко от Иерусалима в Иудейских горах и давно захвачен неприятелем, — представился толстяк.

— Рад знакомству. Но, я не барон, в отличие от вас. Меня зовут просто Бертран де Луарк. И, хотя наш род считается одним из старейших в окрестностях и даже на всей реке

Луаре, но никаких титулов у меня нет. Я младший сын владельца небольшого замка с одноименной деревенькой при нем.

— Это неважно. Мой титул тоже лишь номинальный. На самом деле, я обыкновенный небогатый рыцарь, — сказал Амальрик, и тоже отхлебнул вино.

Вопреки заверениям в бедности, на бароне без баронства красовался атласный синий плащ, скрепленный на груди золотой фибулой с рубинами. Бедняки такие не носили. Было похоже, что он уже немного захмелел. В отличие от светских рыцарей, тамплиеры пили молча и ели мало. Их командиры Рокбюрн и Дюрфор больше слушали, чем разговаривали, а остальные брали пример с них. То, что говорилось сидящими во главе стола владельческими сеньорами между собой, слышно им не было, кроме громогласных тостов, которые время от времени провозглашал граф Ибелин. Потому храмовники невольно прислушивались к разговору Бертрана с Амальриком, которые сидели ближе всех к ним из светских рыцарей. По возрасту эти двое выглядели примерно равными.

Амальрик уже наелся баранины с тушенными овощами и громко отрыгивал. Бертран же больше налегал на вино. Григорий вином не злоупотреблял, а вот местную кухню счел вполне достойной. Из сержантов и оруженосцев получились неплохие повара. Стол был уставлен угощениями. Салаты из овощей, приправленные зеленью и специями, великолепный белый сыр, нарезанный на больших трофейных блюдах из серебра, вкусный суп, выставленный на стол прямо в котелках и напоминающий по вкусу харчо, бараньи ребрышки, зажаренные с баклажанами, фрукты, орехи, виноград и даже трофейные сладости, напоминающие пахлаву. Даже Бертран, который, обычно, пил почти не закусывая, уверял, что никогда еще не ел в Святой земле настолько разнообразно и вкусно.

— Знаете, Бертран, я подумываю отвоевать у сарацин собственный замок, — поделился планами Амальрик.

— Это, наверное, неплохая мысль, но есть ли у вас для этого войско, мессир Амальрик? — поинтересовался Бертран.

— Так вот, к чему я это вам и говорю. Я прямо сейчас решил начать собирать свой отряд. Пойдете ко мне на службу? — спросил толстяк. Он размечтался:

— Вы еще даже не знаете, что там за райское место! Во все стороны вид с холма потрясающий. В ясную погоду, которая у нас в Леванте большую часть года, к востоку виден Иерусалим. Есть и родник с чистой водой. Когда я поселюсь в Бельмонте, то сделаюсь настоящим бароном и смогу содержать собственное войско. Там вокруг замечательные оливковые рощи, виноградники и поля. А несколько деревень, расположенных неподалеку, приносят хороший доход.

Вернее, приносили доход моему деду. Впрочем, давно это было. Сам я, представьте, ездил туда лишь один раз, совсем ребенком. Отец брал меня с собой, когда при Фридрихе Втором установилось перемирие, и шли переговоры с сарацинами о возвращении замка. Правда, там уже тогда остались одни руины. Все надо отстраивать заново, если даже удастся вернуть обратно. Впрочем, Иерусалим тогда Фридриху сарацины отдали, а нашей семье замок так никто и не вернул.

Номинальный барон загрустил и опрокинул залпом очередную чарку.

— Мне нравится ваша решимость, мессир. Она достойна очень храброго человека. Только храбрый человек может задумать отбить у таких сильных врагов, как сарацины, замок своего деда, — заметил Бертран.

— Все верно. Я мечтаю попытаться счастья. И я не боюсь сражаться и умереть ради

фамильных камней. Пусть там и одни развалины. Но, если прогнать оттуда сарацин, то можно же все отремонтировать и отстроить заново недостающее. Только на все нужны деньги. Это да. Не подумайте, мессир, что я этого не понимаю, — сказал Амальрик. И тут же выкрикнул ближайшему виночерпию прямо в ухо:

— Налей нам еще вина!

Не успели они доесть, как в замок примчался гонец, сообщивший, что со стороны Тибериады идет подкрепление к противнику. По слова гонца, их было человек триста. Сотня всадников и пара сотен пехотинцев. Они сопровождали какой-то обоз, посланный сарацинам Халеда в качестве подкрепления. Только те, кто сопровождали повозки, не знали, что подкреплять уже и некого. После битвы все выжившие из войска Халеда оказались в плену. Да и посты вдоль дороги крестоносцы не забыли выставить. Потому и заметили заранее вражеский отряд. Пехота и легкая конница уже готовились встретить врагов.

Получив известие о подходе неприятеля, рыцари в замке тут же закончили трапезу, спешно надели боевое облачение и похватили оружие. Снова слышалось лошадиное ржание и приказы командиров. Затрубили рога, подавая сигналы, и вскоре кони от Тарбурана поскакали навстречу неприятелю. Тамплиеры оказались впереди всех, сохранив боеспособность в полной мере, потому что выпили они за обедом совсем немного, да и в еде проявили умеренность. Они быстро проехали лагерь с пленными сарацинами, сидящими под охраной пехоты.

— Скоро захватим еще и осадные машины, — сказал Григорий Дюрфору на скаку.

— А ты откуда знаешь? — удивился Рене.

— Взгляни. Их уже видно, — произнес Грегор.

Храмовники уже пронесли мимо водопоя и выехали за поворот дороги, откуда открывался вид между холмов на восток. Было хорошо заметно, как в сторону крепости двигалась целая колонна, в середине которой на нескольких повозках везли детали разобранных катапульта, которые просил прислать накануне шейх Халед, чтобы завершить осаду Тарбурана.

— Предлагаю подпустить их поближе, — предложил Родимцев.

— Уже не получится, — возразил Дюрфор. И добавил:

— Они нас заметили.

И действительно, какая-то суeta началась возле повозок. Всадники строились в клин, а пехотинцы ставили обозные телеги полукругом поперек дороги, собираясь обороняться возле них.

— Тогда вперед! Их там немного. Мы сомнем их! — воскликнул Грегор, рванув меч из ножен. Подняв клинок над собой, он прокричал:

— За Господа и Храм! В атаку!

И всадники за спиной подхватили боевой клич, а седой знаменосец развернул знамя. И черно-белый стяг «Босеан» расправился на ветру.

— Вперед, братья! В атаку! — кричал Рене Дюрфор, скачущий рядом с Грегором Рокбюрном впереди объединенного отряда храмовников.

При нем Григорий чувствовал себя заместителем, но не полноценным командиром. Авторитет у Рене среди братьев-рыцарей был, конечно, значительно выше, чем его собственный, и с этим фактом Грише приходилось считаться. Да и по возрасту здесь получалось, что Дюрфор значительно старше. Рене с виду сохранял доброжелательность, но сразу повел себя так, словно бы Грегор просто привел пополнение из Кайфаса, но не являлся полноценным командиром, будучи назначен на эту роль командором только на время следования от замка тамплиеров возле горы Кармель до Тарбурона. Хотя, на самом деле, это не соответствовало действительности. Командор выдал приказ о назначении Рокбюрна командиром отряда без всяких дополнительных условий. Другое дело, что он не определил в этом приказе, кто к кому поступает в распоряжение, и за кем остается командование в случае объединения двух отрядов.

Но Дюрфор, разумеется, продолжал считать главным себя. Он гнал отряд в атаку, и братья-рыцари слишком уж разогнались. Сержанты-оруженосцы на своих менее сильных лошадках отставали от них, едва успевая на скаку передавать длинные копья. Хорошо еще, что щиты рыцари взяли заранее, да и шлемы сразу надели. Авангард тамплиеров врезался во вражеских всадников, когда те еще не успели полностью построиться. Тяжелых кавалеристов с красными лапчатыми крестами было всего лишь шестнадцать, а за ними скакали три десятка сержантов. Но, все равно их казалось слишком мало против сотни витязей и двух сотен пехотинцев. Спасла только внезапность, потому что сарацины не ожидали от крестоносцев столь стремительной атаки сходу.

И враги не выдержали первого натиска. Снова ломались копья, вылетали из седел люди, падали и дико ржали кони, орали раненые и неподвижно застывали в разных нелепых позах в собственной крови убитые. Построение неприятеля распалось под ударом тяжелой кавалерии. Пытаясь сдержать храмовников, сарацины отходили назад к телегам обоза, и бой всадников быстро откатывался ближе к вражеской пехоте, засевшей возле груженых повозок. А сзади, со стороны водопоя, уже накатывала стальная волна светских рыцарей Ибелина и Монфора, многие из них, хоть и выпили за обедом изрядно, как Бертран де Луарк, но все еще представляли собой грозную силу.

Григорий опустил забрало перед атакой, но и сквозь решетку отчетливо увидел, что сарацинские пехотинцы, охраняющие разобранные катапульты, лежащие на телегах, вооружены арбалетами. Но, они пока не стреляли, потому что собственные всадники, смешавшиеся в конной свалке с атакующими тамплиерами, загораживали им сектора обстрела. Но, если сарацинские витязи догадаются расступиться в разные стороны, то отряд храмовников непременно попадет под плотный залп болтов.

— Осторожно! У них арбалетчики возле телег! — прокричал Родимцев.

Но, в шуме сражения никто не услышал его. Пришлось крикнуть несколько раз, попутно отбиваясь от врагов с помощью щита и меча, прежде, чем до братьев-рыцарей начало доходить, в какую смертельную ловушку они попали.

— Господня благодать! Обычно, сарацины не используют арбалеты. Это что-то новое! — вскричал рядом Рене Дюрфор, отбиваясь сразу от двух витязей, нападающих на

него с разных сторон. Впрочем, оруженосец Григория Мансур оказал услугу Дюрфору, налетев откуда-то сзади и сбоку со своей булавой и ловко опустив ее на голову одного из вражеских всадников.

— Наверное, перебежчик Вальтер Геринг организовал нам такой сюрприз! — крикнул Гриша, сбив с седла ударом меча по шлему ближайшего противника.

— Придется атаковать! Другого выхода нет. Если замешкаемся, то нас перебьют арбалетчики! — ответил Дюрфор.

Тут командир поредевшего отряда вражеских всадников наконец-то сообразил, что его кавалеристы создают помехи для стрельбы собственным арбалетчикам, и дал команду своим конным витязям разбежаться по сторонам.

— Не преследуйте их! Прикройтесь щитами и вперед! Атакуйте пехоту! Обходим телеги! — закричал Рене.

Подняв над головой меч и пришпорив коня, он понесся к телегам в надежде сокрушить пехотинцев прежде, чем они как следует прицелятся из арбалетов. Но, залп обрушился на храмовников раньше, чем они сумели доскакать к импровизированному обозному укреплению. Все многочисленные болты, конечно, не достигли целей, но многие попали.

Григорий почувствовал удары по щиту, а один из болтов со стальным звоном чиркнул по тулье его шлема, вызвав неприятный звон в ушах. Конь под ним вздрогнул, тоже получив попадание, но не оступился. И Родимцеву удалось завершить атаку. Его меч обрушился на шею ближайшего арбалетчика, почти срубив врагу голову. А рядом Рене Дюрфор расправился с кем-то еще. Но, в этот момент еще пятеро арбалетчиков высунулись из-за телег и выстрелили.

Родимцева спасло то, что залп был произведен со стороны Дюрфора. И получилось так, что Рене прикрыл Грегора собой, приняв несколько вражеских болтов с близкого расстояния. Его смертельно раненый конь, получивший болт в шею, дико заржал и, встав на дыбы, сбросил со спины седока, а в следующее мгновение рухнул и сам на него, перевернувшись на спину и взбрыкнув в воздухе ногами в последний раз. Непоправимое произошло за доли секунды. И чем-либо помочь Рене в этой ситуации никто уже не мог. Он пал жертвой сарацинских арбалетчиков, а упавший сверху конь добил Дюрфора. Видя гибель командира, оставшиеся всадники-тамплиеры не растерялись, а лишь с еще большим остервенением набросились на врагов.

— Не дайте им перезарядить! Убивайте стрелков! — закричал Родимцев, оставшись теперь единственным командиром отряда.

Боевой конь Антоний сшиб копытами ближайшего арбалетчика, а Григорий глубоко разрубил другому плечо, заставив бросить арбалет. Рядом с Грегором Рокбюрном оказались друзья. Мансур с булавой прикрывал его справа, а Тобиас с мечом — слева. Сзади них на арбалетчиков налетели и все остальные храмовники. Враги поняли, что перезаряжать свое оружие уже не успевают. Они выхватывали из ножен короткие мечи, пытаясь сопротивляться, но быстро убеждаясь, что против рыцарей такие клинки бесполезны. Прямо перед носом Родимцева об решетку забрала звякнул очередной болт, но отскочил, отрикошетив, потому что выстрелили откуда-то сбоку.

Григорий развернул коня и пришпорил его. Возле крайней телеги сгрудились последние арбалетчики, человек сорок. Антоний атаковал, перепрыгивая через мертвых. Хотя чувствовалось, что животное ранено. Конь начал подрагивать под всадником, а его движения сделались уже не такими уверенными, и он начал хромать. К счастью, вскоре удалось

разогнать последних защитников телег, и в сражении наконец-то наступил перелом. Те рыцари, которые прискакали сзади, сходу опрокинули последних сарацинских всадников, защищающих обоз, и присоединились к избиению оставшихся арбалетчиков.

Враги оказались упорными, потому что не разбежались и не сдавались до последнего. Вскоре, когда их окружили плотным кольцом и заставили сложить оружие, все выяснилось. Арбалетчиками оказались вовсе не сарацины, а наемники-генуэзцы, которые ради денег не гнушались воевать на стороне сарацин против христиан. Более того, всадники в этом отряде тоже все сплошь были перебежчиками, вроде Вальтера Геринга. Причем, в плен взяли не только немцев, а и франков вместе с итальянцами. А ни одного настоящего сарацина в этом отряде и не имелось.

— Гнусные вероотступники, предатели и изменники! Казнить их всех! — негодовали светские рыцари.

Но, все понимали, что принимать окончательное решение могут только военачальники, Ибелин с Монфором. А потому, по указанию командиров, пленных разоружили и отконвоировали в лагерь у водооя, хотя мало кто из них избежал зуботычин и пинков от разгневанных крестоносцев. В захваченном обозе оказались целых пять разобранных катапулт и несколько «скорпионов», а также все необходимые инструменты для их сборки. Причем, главным инженером осадной техники тоже оказался генуэзец по имени Марчелло Перуджи.

Но, все это даже не столь сильно волновало тамплиеров в тот момент, как внезапная гибель в бою Рене Дюрфора. Когда его тело извлекли из-под павшего коня, все поняли, что умер бы командир и без помощи собственного жеребца. Стальной болт влетел прямо в смотровую щель шлема и поразил Дюрфора между переносицей и правым глазом, уйдя вглубь головы почти полностью. Теперь получалось, что командир остался у них только один. И им был Грегор Рокбюрн. Храмовники спешили, но все еще находились на поле сражения. Они опустились на колени и долго молились за упокой убиенных. Потом все принялись помогать раненым и хоронить убитых.

Рене Дюрфора решено было похоронить на почетном месте, в крипте часовни замка Тарбурон. И всю оставшуюся часть дня братья-рыцари занимались скорбными делами. Одни готовили тело командира к погребению, а другие в это время, в том числе и Родимцев, приводили в порядок подземное помещение крипты, вынося оттуда мусор, песок, камни и обломки, которыми крипту засыпали сарацины, взяв замок. Нашлись среди братии мастера, которые сколотили из досок гроб.

Давно прошли те времена, когда братьев-рыцарей ордена Храма хоронили обнаженными на доске вместо гроба по скромному обряду монахов-цистерцианцев. И теперь тамплиеров хоронили в орденском одеянии и в гробу. Вот только после смерти нашли у Рене в седельных сумках довольно много золотых и серебряных монет. А Устав ордена гласил, что брат-рыцарь, у которого после смерти найдут деньги, должен быть похоронен за пределами кладбища, причем даже без молитв.

Но, капеллан Годфруа, который в присутствии Родимцева, второго капеллана и знаменосца осматривал вещи покойного, не стал возмущаться по этому поводу. Сказав лишь:

— Я знаю, что деньги Рене держал у себя лишь ради раздачи милостыни. Просто он не успел раздать, ибо смерть внезапно взяла его. Так завершим же мы сие доброе дело.

С этими словами Годфруа пересчитал монеты, потом отдал четверть денег Родимцеву, по четверти знаменосцу и второму капеллану, а последнюю четверть оставил себе. После

чего они все сделали вид, что ничего подобного греховным деньгам найдено у покойного не было.

Когда церемония погребения закончилась, и все братья разошлись готовиться к ужину, неожиданно капеллан Годфруа отозвал Григория в сторону и произнес:

— Мы потеряли Рене. И ты теперь наш командир, Грегор, а потому настало время нам с тобой поговорить серьезно. Сейчас душа твоя неспокойна. Я наблюдаю, как ты изменился после того боя у водополя, когда тебя ударили по голове. На тебя снизошло нечто свыше, я это чувствую. И сейчас ты делаешь важный и трудный выбор внутри себя. И я готов помочь и подсказать тебе путь, сын мой. Ибо, дано мне знать многое.

— Выбор? А что же я, по-вашему, выбираю? — удивился Родимцев.

— Ты выбираешь духовный путь. Ищешь его. Стремишься душой наверх. Потому и тревожишься, — сказал капеллан.

— Даже не знаю. Я тревожусь из-за этой войны, но как-то и не думал о духовном выборе, — пробормотал Гриша.

Капеллан продолжал:

— Это пока выше твоего восприятия. Но, ты идешь к пониманию пути. Я вижу знамение в том, что произошло. Твоя поездка на Кармель оказалась не случайной, ибо ты привел к нам помощь. И не просто отряд из Кайфаса, а довольно могущественные силы в виде войск Монфора и Ибелина. К тому же, тебе каким-то образом удалось примирить двух этих властных сеньоров. А ведь это не удавалось никому на протяжении последних лет. Ты же, вольно или невольно, но смог объединить силы христиан Святой земли. И сегодня вот эта внезапная гибель нашего командира лишь подталкивает тебя в твоём пути наверх. И это тоже не простое совпадение. Ибо, все происходит в мире лишь по воле Господа, либо по Его допущению и к сроку, назначенному Им. И раз Господь потворствует твоему возвышению, следовательно, и высшая цель имеется. А потому я на твоей стороне, Грегор.

— И какую высшую цель, брат Годфруа, усматриваете вы? — поинтересовался Григорий.

Капеллан внимательно посмотрел на Рокбюрна, потом сказал:

— Я думаю, что ты новая фигура в противостоянии с тьмой. Пока еще ты, конечно, лишь пешка. Но, тебе даются шансы пройти свой путь до той линии, где пешки становятся сильными фигурами, влияющими на события мира.

— Вы думаете, что я стремлюсь к власти? — спросил Родимцев, не вполне понимая, куда клонит капеллан.

— Я говорю не о том. Власть — это мирское. Если ты услышал то, что я сказал, то поймешь, о чем я. Вот перед нами двое властителей: Монфор и Ибелин. И что же? Они столько лет не могли найти общего языка. И вдруг появляешься ты, не обличенный никакой властью. Простой брат из бедных рыцарей. Но, все меняется с твоим появлением. Монфор и Ибелин объединяются вместе и громят армию шейха Халеда. Что это, как не проведение Господне быть тебе в нужное время и в нужном месте для того, чтобы сдвинуть что-то незримое в этом мире и примирить властителей? А теперь и вот это падение Рене Дюрфора, его гибель в бою. Это тоже не просто так. А нужно для какой-то важной Миссии, которую возложил на тебя Господь. Как, например, в свое время Господь возложил великую Миссию создать наше братство на Гуго де Пейна и дал ему и его товарищам силу малым числом сдерживать полчища тьмы.

— То есть, вы полагаете, Годфруа, что Господь убрал Рене для того, чтобы расчистить

мне путь в Великие Магистры? Но, это же слишком цинично и жестоко, — сказал Григорий.

— Пути Господни неисповедимы, сын мой. А поле той великой игры, которую ведут Высшие силы, людям разумом не охватить. Но, я знаю одно. Что в шахматах ради беспрепятственного движения проходной пешки иногда жертвуют другими пешками, а то и фигурами, — проговорил капеллан.

— И для чего же, по-вашему, продвигается эта пешка, которой, как вам кажется, уподобился я? — спросил Гриша.

Годфруа задумался лишь на секунду, потом произнес:

— Ты ступаешь на этот путь для того, чтобы привести всех нас к миру и к свету.

Родимцев сказал:

— Да, согласен. Мир я бы установил с удовольствием и прямо сейчас. Чтобы люди перестали уничтожать друг друга. И не только в Леванте. Но, разве такое возможно? Что же касается света, то вы имеете в виду свет веры и Господа? Не так ли? Но, из меня плохой пастырь. Я могу лишь сражаться, но не умею проповедовать.

Годфруа возразил:

— Я имею в виду иное. Мир наш захватила тьма. И с каждым днем она укрепляется все больше. Тьма наступает на мир людей не только вокруг них, но и внутри, через внутреннее грехопадение, когда у людей не остается внутри ничего светлого и доброго. Вот, как у того перебежчика Вальтера Геринга, например, о котором ты сам рассказал.

Иисус Христос умер за людей на кресте, чтобы взять их грехи на себя. Но, стал ли сам крест, как вещь, от этого святым? Нет. Это по-прежнему знак орудия пытки, которому не стоит поклоняться, ибо орудие пытки — это зло. И без фигуры Иисуса Христа крест не имеет смысла, как символ добра и света.

Так и со светом в людях. Без тех, кто может повести людей за собой к свету, свет отдельных людей угасает во тьме. Ибо слаб человек, а тьма сильна. И только вместе мы способны побеждать тьму. И потому нужен тот сильный духом вожак, который людей к свету поведет своим примером. Тут именно пример важен и правильное направление пути. Если идти правильно, то и силы даются Господом. Что же касается церковей и проповедников, так они лишь готовят человеческое восприятие к приходу Спасителя, да и то, лишь в силу собственного понимания Священного Писания.

— Так что же получается? Вы меня уже в спасители человечества зачислили? — удивился Родимцев.

— Ну, скажем так, я вижу в тебе возможного спасителя нашего ордена и королевства, — сказал Годфруа. Потом добавил:

— Кто знает? Быть может, ты новый Гуго де Пейн?

Сразу же по окончании сражения Григорий занялся своим конем. К счастью, его Антоний оказался ранен не сильно. Арбалетный болт лишь вошел в мякоть верхней части правой передней лошадиной ноги, но не задел ни кости, ни крупные сосуды. Жеребец оказался на редкость терпеливым, не взбрыкнул и не встал на дыбы, позволив седоку благополучно завершить бой верхом. Рыцарский конь показал себя очень умным животным. Словно он понимал, когда его жизни угрожает опасность, и останавливаться, чтобы ждать пока в него прилетит еще один болт или же кто-нибудь ткнет в незащищенное брюхо чем-нибудь острым, не собирался. Потому, даже раненый Антоша, шел напролом сквозь врагов.

Конь имел отличную выучку и знал, что в бою нужно приближаться к противнику, то есть подвергаться риску ранения враждебными людьми, а то и смерти от их оружия. И, конечно, Антонию совсем не хотелось напороться на вражеское копье или на алебарду, да и мечи с саблями совсем ему не нравились. Но, одно из важных отличий боевого коня от обычной ездовой лошади состояло в том, чтобы уметь стерпеть боль. Ведь в бою без порезов, а то и более серьезных ран, обходилось редко.

Рыцарь использовал своего коня не только, как средство передвижения, а и в качестве мощного оружия. Потому что настоящий боевой конь налетал на врагов грудью, не боясь их, и сбивал инерцией собственного большого тела. Он бил копытами всех тех, кто становился на пути во время атаки. Так что конь являлся не просто полезным животным, а настоящим боевым товарищем для всадника. И Родимцев хорошо знал об этом, а потому очень ценил своего Антошу и заботился о нем. Как только сражение за катапульты завершилось, Грегор вместе с Мансуром стреножили коня, и Григорий сам, сделав небольшой разрез своим древним, но очень острым кинжалом, осторожно вынул арбалетный болт из раны. Она не была опасной, а потому после того, как наложили повязку, Антоний скоро должен был поправиться. Ведь на животном ранения заживают быстрее, чем на человеке.

Антоний, действительно, оказался прекрасно обученным. Он великолепно проявил себя во время атаки против сарацин тупым клином. Если уж рыцарская кавалерия разгонялась, то резко остановиться уже не представлялось возможным, потому что, в таком случае, задние сминали передних всадников. И только хорошо обученные кони могли выдерживать необходимую дистанцию. Выдрессированный конь всегда стремился к тому, чтобы не подставлять бок под удар. Злобных и смелых коней выводили специально, подобно бойцовым псам. Их тренировали годами, обучая правильно вести себя при атаке, держать направление и не бояться врагов, вставших на пути.

Боевого коня учили, как избегать ударов, так и выдерживать их. Обучали жестко. Слуги в одежде противника били рыцарских коней деревянными мечами на тренировках, тыкали затупленными копьями и даже пускали в них стрелы без наконечников. Через некоторое время животное привыкало к боевым условиям и переставало бояться оказаться в гуще сражения. Коня учили не бежать в бою от врагов, а идти вперед и давить противника, не только ударять копытами, но и просто задавливать массой. Потому что хороший рыцарский конь имел очень приличный вес в тонну, а то и больше. Более сильный и тяжелый жеребец всегда имел преимущество над более легким и слабым конем противника.

Где-нибудь под тонну, наверное, судя по его габаритам, весил и Антоний. В сущности, со стальными налобником и нагрудником, с кольчужной попоной поверх кожаной

рыцарский конь представлял собой, если и не танк, то автомобиль, который имел все возможности, чтобы давить пешеходов. И именно благодаря таким коням десятков рыцарей мог разгонять сотни пехотинцев.

Кушал большой конь, конечно, немало. Антоша за день съедал килограммов пять овса и мешка два свежего сена, а пил целых десять ведер воды. Но, кормить своего коня являлось для рыцаря священной обязанностью. И потому Григорий лучше бы не поел сам, но накормил бы Антошу в любом случае, даже при самой крайней нужде. Ведь конь был привязан именно к своему хозяину. Другого человека Антон не только не признавал, но и не подпускал к себе. И с этой точки зрения Родимцева радовало то обстоятельство, что новый оруженосец Мансур сразу сумел найти подход к Антонию. Вообще Гриша давно заметил, что с лошадьми некоторые люди могли хорошо поладить, а некоторые — нет. Он вспомнил даже случай из своей прошлой жизни, когда в Петербурге лошадь откусила нос одному парню прямо на улице, настолько он не понравился животному. Ведь и с животным нужно было уметь общаться, и кому-то это умение не давалось.

Где-то Родимцев даже читал, что хорошо тренированный большой конь может выжимать не одну, а несколько стандартных лошадиных сил. Например, Джеймс Уатт для измерения лошадиной силы использовал средних и немолодых лошадей. И, конечно, совсем не рыцарских. А на пике атаки тяжелый конь мог развить и до двух десятков, правда, на короткое время. И, конечно, после таких стрессов коню требовался хороший отдых. Вот и теперь Григорий погладил Антония, успокоив его, потом скормил ему яблоко и морковку, и предоставил заботам Мансура, а сам решил пока пользоваться запасной лошадью.

Так получилось, что сразу после лечения коня Григорию пришлось заботиться о похоронах Рене Дюрфора. А потом, только храмовники доели поминальную трапезу и пошли отдыхать, как капеллан Годфруа завел с ним весь этот странный разговор о его духовном пути и некоем высшем предназначении. Родимцев понимал, что капеллан, конечно, заметил перемены с личностью Грегора. От его пытливого взгляда не укрылось, что Рокбюрн сильно изменился, но этот факт Годфруа истолковал по-своему. Хорошо еще, что так. Хуже было бы, если бы капеллан объявил Грегора, например, одержимым бесами.

После этой беседы Григорий стоял на низкой стене замка, глядя на то, как пленных сарацин под охраной из всадников-туркополов уводят из лагеря, разбитого напротив замка. И они бредут, оборванные, жалкие и понурые длинными колоннами в сторону дороги, начинающейся от водопоя. Той самой дороги, по которой сам Родимцев не так давно выезжал из замка Тарбурон, направляясь на Кармель. Внезапно к нему подошел Тобиас и встал рядом. Он все порывался пообщаться со старым другом Грегором Рокбюрном, который теперь так неожиданно выдвинулся в командиры. Только удобного случая для беседы пока не представилось. Так получилось, что за один день произошли уже целых два сражения с перерывом на обед, а потом еще и похороны пришлось устраивать.

— Я смотрю, что ты уже и оруженосцем в пути обзавелся, да и новый шлем где-то достал, — проговорил Тоби.

— Ну, да. Так уж получилось, — кивнул Григорий, не став уточнять, где и при каких обстоятельствах взял к себе в оруженосцы Мансура и купил себе прочный шлем.

— Вообще-то, по нашему Уставу, шлемы у всех должны быть одинаковые, — заметил Тоби.

— А тебе завидно, — подначил Родимцев.

У Тобиаса сразу покраснели уши. Врать он не умел, но проговорил:

— Причем тут зависть? Если так написано в Уставе. Но, никто же не исполняет. Это да. Вон, у меня и у многих братьев-рыцарей простые железные шляпы. Такие положено носить лишь сержантам. А у нас теперь почему-то только начальство ходит в нормальных шлемах. Объясняют тем, что после погромов, устроенных Бейбарсом в наших замках, из оставшихся арсеналов могут пока выдавать братьям-рыцарям только такие железные шапелы. Во всяком случае, когда мы выдвигались из Кайфаса, командор сказал всем именно так. Впрочем, ты же тоже там был и все слышал.

— Да не помню я ничего. Как по голове тогда мне треснули возле водооя, так и память почти отшибло, да и до сих пор она почти не улучшилась. Потому и обзавелся в пути этим шлемом, что не хочу больше получать так сильно по голове. А мой новый шлем себя показал в бою вполне надежным. Поездка-то в сторону Кармеля опасная получилась. По дороге пришлось в нескольких стычках поучаствовать, — поведал Родимцев.

— А я тут за тебя волновался, места себе не находил, молился, чтобы в пути тебя не убили, — признался друг.

— А я, как видишь, спешил на выручку к тебе. Уговорил сначала Ибелина помочь, а уже он кое-как уговорил Монфора. Мне же барона уговорить не удалось, хотя разговаривал с ним раньше, чем с графом Яффы. Но, к счастью, все закончилось. Осада Тарбурана снята, а Халед с его армией разбит, — сказал Гриша.

— Я уже слышал, что ты смог взять самого шейха в плен, только не понимаю, как же тебе удалось такое, — поделился Тоби.

— Это как раз мой новый оруженосец очень помог. Потому что он знает язык врага и, когда мы пошли в разведку, смог подслушать, в какой именно палатке находится вражеский командир, — поведал Григорий.

— И что теперь сделают с шейхом? И какой приказ ты нам готовишь, командир? Куда двинемся? — спросил Тоби с улыбкой.

— Наверное, Халеда обменяют на кого-нибудь из наших, попавших в плен к сарацинам. А куда пойдём, или, быть может, останемся пока в Тарбуране, я еще не знаю. Это будет решено на военном совете сегодня вечером, так я полагаю. Тут Ибелин и Монфор все решают, — объяснил Грегор.

— А ты сам что думаешь? — задал вопрос Тобиас.

Родимцев ответил:

— Я бы сейчас сосредоточился на укреплении границ. Перейти к обороне пока было бы стратегически верно. Если разобраться, то резервов для наступления в Иерусалимском королевстве сейчас нет. Надо бы просто залечивать раны, строить пограничные опорные пункты в тактически важных точках и готовить армию нового типа, если хотим победить Бейбарса. Но, боюсь, что у владетельных сеньоров могут иметься совсем другие планы.

— И где ты только нахватался всей этой стратегии с тактикой? — удивился Тоби.

Григорий не ответил, лишь пожал плечами. Ему не хотелось врать другу. А сказать правду о своем нечаянном попаданстве он не мог. Они немного помолчали. Потом уже он сам задал вопрос Тобиасу, сменив тему:

— А скажи-ка, куда подевался граф Гуго Неверский, гость нашего ордена? Когда я уезжал к Кармелю, он, вроде бы, был воинственно настроен. А теперь почему-то не вижу ни его самого, ни его людей.

— Так людей его быстро перебили сарацины Халеда еще в самом начале осады, а сам граф попал к шейху в плен, — объяснил Тоби.

— Что-то я не слышал, чтобы графа нашли среди тех христианских пленников, которые находились в сарацинском лагере, — сказал Грегор.

— Наверное, Халед такого важного пленника сразу отправил в Тибериаду, чтобы тоже потом на кого-нибудь знатного обменять, — предположил друг.

— Но, шейх точно не предполагал, что графа Неверского можно будет обменивать на него самого, — улыбнулся Гриша, а Тоби хихикнул.

Их беседу прервал оруженосец графа Ибелина, который, действительно, звал Грегора Рокбюрна на военный совет. Да не одного, а вместе со знаменосцем. Одну из башен за это время привели в порядок. Внутри все тщательно вывели, починили лестницы и в зале первого этажа поставили стол и скамьи. На столе лежали карты местности, а вокруг уже собрались командиры. Барон Монфор возвышался во главе стола. По его правую руку сидел граф Ибелин, а место с левой стороны предназначалось для командиров отряда тамплиеров. Так что Родимцеву пришлось усесться возле самого Монфора, прямо напротив графа Ибелина.

На суровом обветренном лице барона эмоции читались с трудом. Он сидел на своем месте, словно статуя и терпеливо ждал, пока соберутся все командиры. У владетельных сеньоров так уж было заведено, что тот, кто был выше по праву происхождения, тот и занимал более важные должности, не взирая даже на способности командовать войсками. У многих собравшихся доспехи блестели серебром и золотом. А от разноцветных геральдических знаков пестрило в глазах. Григорий же, как ни странно, оказался по должности ближе всех к главным военачальникам. Орден Храма здесь считался элитой вооруженных сил. И это признавал даже Монфор.

— Я думаю, что всем понятно, для чего мы собрались, — сказал Монфор, когда все командиры расселись и притихли. Он окинул всех суровым взглядом, потом продолжил:

— Сегодня мы одержали славную победу. Даже две. И нужно решить, как нашим войскам действовать дальше. Какие имеются предложения, граф Ибелин?

Тот произнес:

— Есть несколько вариантов действий. В любом случае, нужно укрепить Тарбурон и перевал, чтобы враги не прорвались с этого направления. Это развяжет нам руки. И мы сможем двинуться на юг, чтобы вернуть Кесарию и восстановить связность христианских земель от Акры до Яффы. Или, например, двинуться от Акры на север, чтобы вернуть Библи. Можно также попробовать выйти к Сафеду и осадить его, чтобы не дать там укрепиться Бейбарсу.

— Но, это потребует значительного времени, — возразил Монфор. И добавил:

— Я предлагаю другое. Пока враги не опомнились, можно прямо отсюда совершить бросок на Тибериаду. Тем более, что мы только что захватили осадные машины.

— Все равно у нас недостаточно сил для штурма. Потому я считаю ваше предложение по поводу Тибериады авантюрой, — возразил граф.

— А что скажут братья-рыцари Храма? — спросил Монфор.

— Я поддерживаю мнение графа Яффы. Мы не должны распылять силы. Сейчас лучше сосредоточиться на обороне, — высказался Грегор Рокбюрн.

— Ишь ты, какая нынче осторожная молодежь пошла, — усмехнулся барон краешком рта. Потом зло сказал:

— Ну, если храмовники нас не поддержат, то призовем на помощь братьев Госпиталя.

Родимцев решил, что пока лучше промолчать, чтобы не выводить из себя барона, но за

него ответил знаменосец:

— Мы поддержим разумное решение, монсеньор.

— Вы что, считаете, что я несу чепуху? — прорычал Монфор.

Но ветеран сказал совершенно спокойно:

— Вовсе нет. Просто мы одобрим лишь то решение, которое вынесет и одобрит большинством голосов этот военный совет.

— Я тоже считаю, что для похода на Тибериаду сил недостаточно, — неожиданно поддержал тамплиеров Амальрик де Бельмонт. Как выяснилось, этот барон без баронства занимал при Монфоре важную должность сенешаля.

— Сарацины хорошо укрепились в Тибериаде. Они вполне могут продержаться до подхода Бейбарса. К тому же, если мы бросим все силы на осаду Тибериады, призвав на помощь все войска королевства, то оголим собственные фланги. А потому Бейбарс сможет неожиданно ударить в любом месте, — высказался пожилой рыцарь, коннетабль баронского войска.

— Город на озере хорошо укреплен. При штурме Тибериады наверняка погибнет немало наших бойцов. А других взять сейчас неоткуда. Денег в казне совсем не осталось, — сказал еще один рыцарь, судя по позолоте на доспехах, тоже какая-то важная персона.

— Почему бы не рассмотреть предложение штурмовать Сафед? Сейчас есть хороший шанс отбить его обратно, пока Бейбарс далеко от этого замка, — предложил еще какой-то боевой капитан.

— Так султан в любой момент может вернуться к Сафеду вместе со своей армией, — высказался Амальрик.

— Вам не терпится умереть, я полагаю? Сафед у тамплиеров Бейбарс взял лишь измором и хитростью. А стены его неприступны, — сказал еще один участник военного совета.

— Если же мы пойдем на север, на Библ, то распylim силы тем более, — произнес Амальрик.

— А если выдвинемся на юг, то зря потратим время на взятие разграбленной Кесарии. Стены крепости там войска султана очень сильно разрушили, а сам город превращен в кладбище, — проговорил коннетабль.

— Мы даже не знаем, сколько сил собрано возле Акры, и на что мы можем рассчитывать. Пока оттуда не вернется гонец, посланный мной, решение принимать преждевременно, — подытожил граф Ибелин.

«Да у них тут еще и большие проблемы со связью. Надо срочно организовать хотя бы голубиную почту,» — подумал Григорий.

Военачальники продолжали совещаться. Барон Монфор все пытался гнуть свою линию:

— Вы сомневаетесь, что мы победим? Вы думаете, что мои рыцари испугаются штурмовать стены Тибериады? Тем более, когда у нас появились прямо здесь осадные машины? Или вы не верите в собственные силы? У нас сейчас больше тысячи бойцов и пять катапульт. А из Акры можно запросить еще вдвое больше. Там не только пехотинцы собираются, но и всадники. Я подсчитал, что войска хватит для осады. Или вы все за дурака меня держите? Я, в отличие от вас, верю в победу. И готов осадить город даже без всех вас. Но я приглашаю вас принять участие в штурме и готов поделить доли в добыче. Хотя и предупреждаю, что если во время осады кто-нибудь из тех, кто пойдет со мной, покинет меня, то предателям пощады не будет. Всех изменников найду и перевешаяю.

Граф Ибелин возражал:

— Не надо мне доли в вашей добыче, которой, тем более, пока у вас нет. Да и неизвестно, будет ли она. Штурмуйте Тибериаду, если очень хотите, мессир Монфор. Я не стану больше вас отговаривать, но и участвовать в этом штурме не буду. Только учтите, что тогда вы возьмете всю ответственность на себя. Впрочем, это ваше личное дело, если уж вы готовы не только рисковать своими людьми, но и своей репутацией умного военачальника и блестящего рыцаря.

Барон помолчал, потом произнес:

— Я понимаю, граф, что при штурме стен Тибериады могут погибнуть сотни людей. Но, Господь за нас. Не так ли? И дело наше правое. Я всего лишь хочу вернуть город, принадлежавший нашему королевству. Ну а заодно, разумеется, отомстить врагам.

Спор шел уже только между этими двумя властителями. Причем, графу, похоже, пререкается уже надоело. Остальные просто слушали и скучали, уплетая угощение, которое им подали оруженосцы. Все рыцари за день устали и хотели спать. Они заседали на военном совете допоздна, Монфор и Ибелин долго спорили, но так и не пришли к единому мнению. Все сошлись пока лишь на том, что надо бы подождать гонцов из Акры. К вечеру никто оттуда так и не приехал. А иной связи, кроме курьера на быстрой лошади, в христианском Леванте пока не существовало. Григорий Родимцев за день вымотался никак не меньше других, так что он сразу заснул, как только улегся на походное одеяло, расстеленное поверх соломы в командирской палатке, которую он делил с пожилым знаменосцем.

Проснулся Родимцев едва на востоке показался край солнца. Со всех сторон вокруг них находились невысокие горы, кое-где поросшие кедровой порослью, первые утренние лучи красиво золотили их вершины. А в низинах между ними еще лежали резкие тени, остатки ночной тьмы, разгоняемой восходящим светилом. Свой лагерь тамплиеры перенесли к лагерю войск Ибелина у водопоя.

Барон Монфор расположил свои войска на ночь в бывшем осадном лагере напротив замка Тарбурон. На военном совете он объявил, что на этот замок тамплиеры никакого права не имеют, потому что он принадлежит госпитальерам. А потому сам устроил пока в нем свою резиденцию, выставив тамплиеров, которые защищали замок столько времени, из твердыни. Конечно, братья-рыцари возмущались и роптали. Но, что было толку?

Монфор привел свои железные аргументы: «Радуйтесь, что остались живы. Вы тут сами себя загнали в ловушку. И мы не обязаны были выручать вас. Теперь осада снята с моей

помощью. Потому я, как гарант законности, сам передам замок его истинным владельцам госпитальерам. А вам, разумеется, спасибо за оборону этой крепости, но, по закону королевства, вы должны немедленно ее покинуть». Конечно, такое решение вряд ли можно было назвать справедливым. Хотя и доля истины в нем имелась. Замок, действительно, формально принадлежал госпитальерам. В конце концов, оба капеллана объединенного отряда убедили братьев, что им необходимо смириться и благодарить Господа за то, что остались живы.

Выбравшись из палатки, Григорий отметил, что дневная жара еще не началась, но утренняя прохлада уже казалась весьма относительной. Очередной летний день вставал над Святой землей. Несмотря на раннее время, воздух уже наполняли многочисленные звуки. Витали и ароматы готовящейся пищи. Сержанты рано проснулись и носились со всех ног по лагерю. Любой расторопный сержант в ордене старался выполнять распоряжения как можно быстрее, чтобы выслужиться перед начальством, а значит, получить прибавку к жалованию. Караульные вокруг лагеря, наоборот, никуда не торопились, неспешно обходя окрестности в ожидании, когда же их сменят. А оруженосцы светских рыцарей не отличались торопливостью, они ходили вразвалочку, словно прогуливались.

Люди в лагере отдыхали после вчерашних сражений. Пленных сарацин еще вчера отправили под конвоем в Акру, где их распределят власти королевства. Наиболее знатных станут обменивать на христианских пленников, простых крестьян продадут в батраки. И их с удовольствием возьмут к себе, выкупив за небольшие деньги, окрестные деревенские общины, сильно пострадавшие от войны и лишившиеся почти всех работников. Каким-то из пленных предложат принять христианство и стать туркополами, легкими всадниками или пехотинцами, наемными бойцами королевства. Ну, а оставшихся просто продадут на невольничьем рынке, который держали в столице королевства итальянские купцы.

Впрочем, самого знатного пленника всей военной кампании, разыгравшейся вокруг Тарбурона, шейха Халеда, тамплиеры приняли решение отправить в качестве трофея своему командору в замок Кайфас. И неудачливый шейх, попавший в плен, уже вчера отбыл туда под усиленной охраной из пяти сержантов. Так что в лагере охранять стало некого, кроме самих себя.

Пока было непонятно, куда и когда войска двинутся дальше, люди спешили воспользоваться преимуществами внезапного отдыха. Но, выспаться не особенно удавалось, потому что, несмотря на раннее время, походные кузни уже работали. В них стучали молотки и переругивались мастера, исправляя доспехи и шлемы, помятые во вчерашних сражениях. А возле коновязей разместилась еще одна кузня, которая специализировалась на обслуживании лошадей, на подковах, ремонте сбруи и конских доспехов.

Возле ручья молодые сержанты и оруженосцы занимались ремеслом прачек. Они терли о камни белье, а потом полоскали его в ручье ниже водопоя. После чего выкручивали, отжимая лишнюю воду, и развешивали. Длинные веревки для сушки белья, натянутые на противоположном берегу ручья между кедрями, быстро заполнялись разнообразными выстиранными тряпками. В больших медных котлах кипятили трофейную одежду, которая высилась возле ручья большими грудями.

Вся эта кипучая деятельность военного лагеря несколько не удивляла Григория. Бойцы все делали правильно, торопясь воспользоваться теми минутами мира, которые пока еще имелись у них. Ведь было неизвестно, что прикажут командиры, и когда задумают атаковать враги. Потому все необходимые дела старались переделать, пока такая возможность

имелась.

Решив проведать Антошу, Григорий подошел к коновязи и нашел возле коня Мансура. Парень заботливо расчесывал гриву жеребцу. Родимцев улыбнулся оруженосцу и погладил скакуна. Вместе с Мансуром они сменили раненому коню повязку. Рана уже начинала затягиваться. Гноя в ней не было. Убедившись, что конь чувствует себя неплохо, Григорий направился посмотреть, что там готовят в походной кухне. Молодой сержант-повар, увидев рядом с собой брата-рыцаря, да еще и командира отряда, засмутился и обжегся об край котла, помешивая рагу из конины с овощами. На завтрак конину готовили потому, что во вчерашнем сражении много лошадей погибли с обеих сторон. И их туши нужно было срочно пустить под нож.

Гриша уже намеревался попросить у повара порцию, когда справа до него неожиданно долетел стук копыт. С востока скакал на небольшой гнедой лошади легкий всадник-разведчик, один из тех, кто патрулировали дорогу дальше в холмах. Взмыленный конь всадника-туркопола остановился перед Родимцевым на краю лагеря. А его хозяин закричал во все горло:

— Тревога! Сюда от Тибериады движется еще одно сарацинское войско!

— Сколько их? — спросил Гриша.

— Не меньше пяти сотен всадников! — выкрикнул разведчик и поскакал по лагерю дальше, направляясь от водооя в сторону замка и постоянно выкрикивая свое тревожное известие.

— Скорее, трубите тревогу, будите всех! — приказал Грегор Рокбюрн сержантам и под звуки рогов, раздававшиеся уже со всех сторон, кинулся обратно к коновязи.

Он не хотел растревожить рану Антония, но делать было нечего, пришлось залезать в седло. Конь слегка прихрамывал, но это почти не было заметно. Остальные братья-рыцари тоже выбегали из шатров и бежали к коновязям. Лагерь выглядел, словно растревоживший улей. Светские рыцари графа Ибелина, не обладающие такой дисциплиной, как тамплиеры, выбирались из шатров и седлали коней вместе со своими вальяжными оруженосцами гораздо медленнее. А сам Ибелин принял приглашение Монфора заночевать в замке. Так что военачальники могли и не успеть к появлению врагов возле лагеря. Впрочем, Родимцев пока не знал, с какой скоростью движутся враги и намереваются ли они атаковать сходу. А потому решил немедленно выступить навстречу, чтобы не допустить прорыв неприятеля к лагерю.

— Помолитесь, братья, Господу нашему! Ибо на Него вся наша надежда! Да научит Господь наши руки для новой битвы! — призвал капеллан Годфруа. И они все помолились перед тем, как пуститься вскачь. Мансур и другие сержанты-оруженосцы скакали рядом с братьями-рыцарями. Они везли их щиты и копья. Что касается шлема, то его ремешок Родимцев застегивал уже на скаку.

— Похоже, враги идут от Тибериады на выручку Халеду. Скорее всего, они не знают, что мы уже покончили с ним, — высказался Гриша.

— Полтысячи всадников сметут нас, — сказал знаменосец, несущийся на своем огромном черном коне рядом с Григорием.

— Мы должны их задержать! Иначе все остальные не успеют подготовиться к бою. Не бойтесь, примем вызов, раз его нам снова кинули враги! — выпалил Гриша.

— Пусть я и старый, но владею оружием не хуже вас, молодой человек! И я пожил достаточно, чтобы не бояться смерти! Легкой победы над нами у них не получится! —

прокричал ветеран, на скаку разворачивая черно-белое знамя.

— Вперед, Босан! За Господа и Храм! — выкрикнул он боевой клич.

И все остальные поддержали его дружным ревом своих глоток. Вскоре они увидели вражеский отряд. Им повезло. То была лишь легкая кавалерия, посланная вперед неприятелем в надежде застать лагерь христиан врасплох. Но, увидев перед собой на дороге отряд тамплиеров, враги сбавили темп.

Было видно, что после галопа их взмыленные лошади тяжело дышали. Среди толпы вражеских всадников виднелись лучники. Находились там и воины, вооруженные железными пиками. Большинство носили кожаные доспехи с металлическими нагрудниками. Многие были без шлемов и с разнородным вооружением: с саблями, с булавами и даже с боевыми молотами-клевцами. Их угрюмые лица выглядели суровыми и сосредоточенными, а злые глаза выражали желание убивать. То был какой-то лютый сброд из наемников на легких лошаденках, посланный вперед сарацинским командиром в расчете на внезапность атаки. Но, этой внезапности не получилось. И теперь противник выглядел растерянным. Командир во главе колонны что-то прокричал и подал своим всадникам знак. После чего они разделились на два отряда, собираясь взять храмовников в «клещи».

Когда передовой вражеский отряд разделился и покинул дорогу, заходя с двух сторон от нее во фланги тамплиерам, все увидели еще один отряд позади первого. К счастью, он находился еще достаточно далеко. Но, уже можно было увидеть, что там идут под зелеными знаменами основные сарацинские силы на больших конях. А чуть дальше изгиб дороги позволял разглядеть в арьергарде длинную вереницу пехотинцев. Тут на помощь отряду храмовников со стороны лагеря по тревоге подтянулись туркополы. И Родимцев принял решение кинуть туркополов против левой группы врагов, а сам повел храмовников в атаку на правом фланге, потому что эта сторона обочины имела более ровную каменистую почву, где тяжелые кони не рисковали сломать ноги.

Взяв щиты и копья у оруженосцев, тяжелая кавалерия вылетела навстречу врагам. И, хотя рыцарей оказалось значительно меньше, чем атакующих, но маневрировать на легких лошадях сарацинским всадникам было попросту негде, потому что дальше начинался крутой подъем в придорожные холмы, усеянный большими камнями. Разогнавшись, тяжелые кони смяли в лобовом столкновении легкую конницу, разбив ее между дорогой и скалами. После удара длинными копьями и тяжелыми конями, передовой сарацинский отряд сразу распался на отдельные очаги сопротивления, но разнородное вооружение легких кавалеристов оказывалось почти бесполезным против закованных в броню рыцарей и их мощных коней, закрытых кольчужными попонами. Таким образом, успех на правом фланге был обеспечен сразу.

А на левом фланге туркополы успешно бились с превосходящим в численности противником. Добив и обратив в бегство остатки правофланговых, рыцари зашли левофланговому отряду легкой кавалерии в тыл. Связанные боем с туркополами, вражеские всадники даже не успели развернуться, когда рыцарские мечи опустились на них, легко разрубая тела в кожаных доспехах. Храмовники могли гордиться победой. Получилось, что они не только задержали врага, а и полностью разгромили вражеский авангард.

Между тем, основные сарацинские силы приближались с востока. Но сзади, с запада, уже спешило на помощь войско графа Ибелина. Оруженосцы едва успели выдать братьям-рыцарям запасные копья взамен сломанных, как в узком распадке между холмов силы сторон сшиблись на дороге. Некоторые упали с коней. Но передний ряд атакующих

продолжал движение. В ближнем бою засверкали мечи и сабли.

Сарацинские войска вел высокий широкоплечий витязь, восседающий на огромном гнедом коне, больше похожий на христианского рыцаря. Шлем его, хоть и походил на усиленный шишак, украшенный павлиньими перьями, но имел мощную личину с прорезями для глаз. На нем был стальной нагрудник, надетый поверх длинной кольчуги, а плечи защищали пластинчатые наплечники. Да и в руке он держал не саблю, а настоящий меч, причем, полутраручный. Сзади него развевался зеленый плащ. Этот витязь, похожий на рыцаря, казалось, не ведал ни страха, ни усталости. Он вел своего жеребца на пролом сквозь всех, кто вставал на его пути. Григорий видел, как он убил одного из братьев ордена и пробился к знаменосцу с противоположной стороны от самого Гриши, который в этот момент бился с двумя другими сарацинами.

— Все на защиту знамени! — громко закричал Грегор Рокбюрн команду, пытаясь заглушить своим голосом шум схватки. Покончив с обоими противниками, он оказался рядом со знаменосцем, пытаясь прикрыть ветерана от атаки. Хотя тот и сам уже бился с врагом, пытаясь поразить наступающего вражеского витязя стальным острием копья, на котором знамя и было укреплено. Но, длинный полутраручный меч позволял сарацину успешно отбивать копье, тем более, что болтающийся флаг тормозил его движения. С другой стороны подскочил с мечом Тобиас, а справа орудовал булавой Мансур. Остальные храмовники тоже пытались пробиться на помощь знаменосцу. Но и все вместе они с большим трудом сдерживали натиск. Вокруг знамени образовался затор, тут оказалось ядро всего сражения, идущего в узком месте между холмов. Положение сделалось опасным. Сзади напирала рыцари графа Ибелина, а прямо на них надвигались спереди самые сильные вражеские всадники, которые поддерживали своего предводителя в схватке.

Напряжение схватки достигло предела. У огромного витязя, вооруженного полутраручным мечом, имелись все шансы победить, если бы не его боевой конь, который раскрыл рот в самый неподходящий момент, яростно пытаясь поймать зубами знамя тамплиеров. И опытный знаменосец немедленно воспользовался этим. Приняв очередной удар меча от всадника на свой щит, он вогнал стальной наконечник древка прямо в пасть вражескому жеребцу. Отчего конь дернулся всем телом и сбросил седока под копыта всех остальных дерущихся, а через мгновение и сам упал сверху, забившись в агонию. Выдернуть знамя обратно не представлялось возможным, его древко лопнуло, а полотнище накрыло морду павшего коня и пропиталось его кровью.

По Уставу ордена Храма, если братья-рыцари наблюдали падение собственного знамени, то имели право отступать. И их кони попятились назад, едва сдерживая натиск атакующих, который, впрочем, тут же немного ослаб, как только предводитель сарацин пал. И это отступление в центре оказалось верным маневром, потому что как раз подоспели рыцари графа Ибелина и надавили на флангах. Вражеский авангард в форме клина быстро взяли в клещи и громили с двух сторон. Оставшись без вожака, сарацины не смогли быстро перестроить собственное построение. Они не выдерживали натиск и начали терпеть поражение.

Вскоре от Тарбурона подошла и конница барона Монфора. После чего яростный встречный бой кавалерии, состоявшийся между холмов, быстро разбился на отдельные схватки. И стало понятно, что побеждают крестоносцы. Сарацинская пехота плелась позади всадников и безнадежно отстала. Едва увидев, что конные витязи терпят поражение, пехотные командиры дали своим бойцам приказ отходить, даже не пытаясь принять бой.

Впрочем, все, что могли сделать пехотинцы в сложившейся ситуации, так это прикрыть своими копьями отступление, а точнее бегство собственной кавалерии, что и пытались осуществить. Впрочем, усилия их оказались бесполезны, потому что христиане не стали гнаться за удирающими остатками сарацинского войска. Крестоносцы просто продвинулись немного вперед по дороге в сторону Тибериады и заняли пустующую сторожевую башню, расположенную на склоне холма в узком месте дороги. В результате поражения, сарацины сбежали и из нее, открыв противнику дорогу к озерному городу.

Утренний бой продлился достаточно долго, а потому завтракать крестоносцам пришлось поближе к полудню. Опять начались скорбные хлопоты с похоронами убитых. А пленных снова отправляли в Акру. За трапезой после боя, организованной у водопоя, командиры совещались. Монфор в который раз пытался убедить всех остальных, что нужно по горячим следам атаковать Тибериаду, ворвавшись в город на плечах отступающего противника.

В конце концов, граф Ибелин, а затем и остальные согласились на то, чтобы выдвинуться в сторону Тибериады, обозначить угрозу осады и посмотреть, что сарацины предпримут в ответ. Заодно предстояло выяснить, сколько вражеских войск осталось оборонять город. В утреннем сражении сарацинская армия потеряла еще полтысячи бойцов убитыми, а самого командующего силами султана Бейбарса в Галилее перебежчика Вальтера Геринга задавил насмерть его собственный конь. Принимая во внимание этот факт, Ибелин все-таки согласился выдвинуться к озерному городу.

Тамплиеры решили организовать собственную разведку. Во второй половине дня, укрывшись в оливковой роще на холме, Грегор Рокбюрн уже наблюдал вдаль крепостные стены Тибериады. Городские укрепления располагались на старинных фундаментах еще римских времен на берегу большого озера, Галилейского моря, окруженного горами. Крепостные стены защищали только центральную часть городка.

Замок стоял на прибрежном холмике, окруженный каменными домами. Вокруг городка расположились рыбацкие дереvушки, а гладь озера бороздили многочисленные лодочки. Григорий отметил, что неплохо бы обзавестись какой-нибудь оптикой, хотя бы примитивной подзорной трубой. В Италии с конца тринадцатого века, вроде бы, уже научились делать очки. Значит, каким-нибудь купцам из Венеции скоро вполне можно попробовать заказать линзы, чтобы потом из них собрать объектив и окуляр. Но и без оптических приборов Родимцев видел с холма, что возле города разбит немаленький военный лагерь, в котором расположились не менее тысячи сарацин.

— И что же вы думаете, командир? Принес бы нам пользу внезапный рейд в ночи против их шатров? — спросил Симон де Буланже, пожилой знаменосец, который отлично проявил себя в утреннем сражении, убив коня Вальтера Геринга. Этот немолодой опытный воин чем-то напоминал Родимцеву самого себя в прошлой жизни перед тем, как заболел ковидом, а потом нечаянно очутился среди тамплиеров. Григорий проговорил:

— Это трудно сделать. Дальше между нами и городом пространство открытое, а потому подобраться незаметно мы не сможем, да и караулы у них возле всех подходов стоят ближе к городу. Вон, отсюда даже видно, что на всех дорогах останавливают людей и повозки для досмотра.

Положение Родимцева, как командира отряда храмовников, конечно, значительно укрепилось после череды последних сражений. По крайней мере, все братья-рыцари убедились, что он не только не трус, но еще и на самом деле разбирается в вопросах тактики. Хотя, поначалу многие не верили в его компетентность по причине молодости. Симон де Буланже, напротив, один из немногих отнесся к нему благосклонно с самого начала их совместной службы. И Родимцев ценил хорошие отношения со знаменосцем, потому советы столь опытного воина, побывавшего во многих сражениях в местных условиях, нельзя было проигнорировать. Он собирался внимательно прислушиваться к мнению знаменосца.

У знаменосца отряда, согласно Уставу ордена Храма, имелся особый статус. Он, как будто бы, не был явным командиром, но его в бою вместе со знаменем, которое он нес, обязаны были защищать все остальные братья-рыцари. Так что оставалось не совсем понятным, какую должность занимает знаменосец по отношению к командиру отряда. Если капеллан явно претендовал на роль замполита, то знаменосец являлся кем-то вроде начальника штаба. Во всяком случае, пока так решил для себя Родимцев.

Задача у всех братьев-рыцарей была общая и понятная всем им: распространять свет Господа и противостоять сатанинским силам, которые представляли собой сарацинские армии. И все братья-рыцари в отряде могли без колебаний пойти на смерть ради веры, Христа и Храма. Однако, штурм Тибериады представлялся все еще слишком серьезным риском. Один барон Монфор так не считал. Он уже послал половину своих людей для того, чтобы разбить на виду у сарацин осадный лагерь, а потом наблюдать за тем, как в их рядах поднимется паника. На это, во всяком случае, надеялся сам барон. Конечно, Родимцев тоже понимал, что после гибели предводителя и утреннего разгрома значительных сил крестоносцами, войско Бейбарса, засевшее в озерном городе, оказалось ослабленным. Но,

уравновешивало ли это риск штурма?

И снова мысли Родимцева возвращались к графу Ибелину. Он не мог понять, как этот умный человек мог после всех споров довериться Монфору? Но, возможно, что граф просто вел какую-то свою игру. В любом случае, Григорий пока не мог понять, чего следует ожидать от этих двоих. Было ясно лишь то, что барон очень хочет заполучить Тибериаду, а граф начал подыгрывать ему из каких-то своих соображений и несмотря на то, что Родимцев предупреждал его воздержаться от штурма этого города.

Впрочем, ситуация уже складывалась несколько по-иному. В той истории, которую помнил Григорий Родимцев, такого поворота событий, как разгром крестоносцами армии какого-то местного шейха, а затем и авангарда наместника Бейбарса в Галилее не припоминалось. Возможно ли, что удача повернулась лицом в сторону крестоносцев? Исключать такое было нельзя, но игра, конечно, пошла рискованная. Григорий был уверен только в своих бойцах. К счастью, все братья-рыцари в его отряде подобрались суровые и с боевым опытом. Такими серьезными рыцарями он всегда себе тамплиеров и представлял. Выпадал из общего ряда угрюмых молчунов, пожалуй, лишь добродушный Тобиас. Но, в бою и он никому из врагов не давал пощады.

— Если Монфор и Ибелин решат осаждать город по-настоящему, а не для видимости, то и мы присоединимся. Но, не раньше, — поведал Грегор Рокбюрн своему знаменосцу.

На что ветеран сказал ему:

— Насколько я понимаю, вы впервые командуете отрядом? Но я вижу, что вы проявляете такую же осторожность, которую проявил бы и я сам, убеленный сединами старик. А потому я выражаю вам свое согласие и доверие.

Это не было похоже на комплимент. Простая констатация фактов. Симон де Буланже заметил, что Родимцев и сам обладает немалым опытом ведения боевых действий. Конечно, ветерану, скорее всего, было весьма странно наблюдать, что молодой брат-рыцарь, который должен бы рваться на подвиги, проявляет вместо этого выдержку, благоразумие и осмотрительность. Но Буланже, кажется, не собирался выяснять, откуда парень нахватался непонятных военных талантов. Возможно же, что он просто гений и вундеркинд? Бывают же люди, вроде какого-нибудь Наполеона, которые с молодости уже неплохо разбираются в своем деле. Родимцев все больше уважал знаменосца. А потому произнес:

— Я ценю ваше доверие, и не собираюсь подводить наш отряд. Мне дороги жизни наших бойцов. И просто так я их на смерть не пошлю, что бы там не затевали Монфор с Ибелином.

— Понятное дело. Никто не должен погибнуть зря, а лишь тогда, когда Господь определит время смерти. Не раньше и не позже. И я верю, что мы не умрем зря, а очистим Святую землю от сарацин, — отозвался знаменосец, глядя вдаль на озерный простор.

Григорий молча кивнул головой. Пока они смотрели с холма на город у озера, верный оруженосец Мансур вызвался проникнуть во вражеский лагерь и все разузнать. Он прикинулся раненым бойцом сарацинской армии, что не составляло труда, потому что в ходе утреннего сражения Мансур действительно получил удар мечом по шлему. Не слишком сильный. Но правая бровь была у него рассечена и кровоточила, а глаз заплыл. С холма они видели, как фигурка парня смешалась внизу на дороге с толпой таких же раненых и отставших, бредущих к сарацинскому лагерю.

Тут примчался сержант и доложил, что прибыли госпитальеры. Грегор Рокбюрн вместе со знаменосцем покинули передовой наблюдательный пост, забрались в седла и вернулись в

свой лагерь у водооя. По дороге они проехали то место между холмами, где утром состоялась битва. Там до сих пор не всех похоронили. Еще кое-где виднелись трупы людей и туши павших лошадей, но похоронные команды делали свое дело, закапывая мертвых прямо там, где смерть нашла их, возле дороги. Если почва попадалась слишком твердая, то тела просто клали в кучи и закидывали камнями, создавая целые могильные холмы вдоль тракта.

Когда они подъехали к лагерю, госпитальеры уже поили коней рядом возле водооя. Их прибыло не меньше сотни. Но, не все кони были расседланы. Командир отряда все еще находился в седле. Он поднял руку, увидев начальство тамплиеров. При этом выражение лица этого широкоплечего мужчины средних лет оставалось таким суровым, что жест можно было воспринимать не как добрый знак, а в качестве сигнала к атаке. Когда он поднял правую руку, те несколько рыцарей, которые тоже оставались в седлах, следуя за собственным командиром, сразу остановились.

А сам командир двинулся навстречу командиру тамплиеров. Подъехав поближе, он окинул Грегора Рокбюрна изучающим взглядом холодных выцветших голубых глаз. Его черный плащ украшали белые кресты. По одному гордому виду этого человека с бычьей шеей, с широко посаженными глазами, с узкими губами и большими залысинами было заметно, что этот властолюбец обожает покомандовать.

— Я капитан Арман де Бланшфор, — представился он.

Грегор Рокбюрн и Симон де Буланже тоже назвали.

Потом госпитальер подъехал к ним еще ближе и добавил:

— Я слышал, что вы, храмовники, затеяли здесь интригу, не желали пускать нас в наш собственный замок Тарбурон. Если это правда, то, воистину, вы поступили так, как не поступают добрые христиане.

Как там звали этого госпитального командира для Григория значения не имело. Он только сразу понял, что человек в черном плаще с белым крестом не настроен по-доброму. Иначе не начал бы беседу с осуждения бойцов храма, которые отстояли замок ценой своей крови.

— А я считаю, что вы свой замок бросили на поживу сарацинам. Мы же отбили его и удержали до прихода подкреплений, — сказал Родимцев.

Госпитальер промолчал, но взгляд Бланшфора наполнился злобой, скользнув по лицу Григория, подобно клинку. При этом лицо самого капитана перекошилось, губы скривились, а рука в латной перчатке дернулась в сторону меча. Родимцеву показалось, что госпитальный командир собирается напасть на него и уже готов пришпорить коня. Присмотревшись, Гриша заметил, что суровое лицо госпитальера выглядит вблизи обрюзгшим и одутловатым, как у пьющего человека. И точно, от собеседника исходил запах перегара.

Бланшфор смотрел на Грегора с плохо скрываемым презрением. С чего бы? Неужели так ненавидит храмовников? Прежде капитана госпитальеров Григорий не встречал, а вот другого всадника, одного из свиты Бланшфора, уже видел. И даже дрался с ним возле кузницы. То был брат Гаспар, высокий и широкоплечий, с острым подбородком и маленькими свинными глазками. Ошибки быть не могло. Уж этот точно затаил злобу именно против Грегора Рокбюрна.

Тут вмешался знаменосец:

— Мы ничего не замыслили против вас. Наши братья просто обороняли замок до тех пор, пока объединенное христианское войско графа Ибелина и барона Монфора не пришло

на выручку. Неужели вы думаете, что храмовники зря проливали кровь, обороняя христианский замок против сарацин? И поверьте, нам было не до интриг. Мы покинули Тарбурон по первому требованию. Так что же вы еще хотите от нас?

— Братьям Храма, кажется, удалось убить сколько-то сарацин. Что же, вам повезло, что они на этот раз не перебили всех вас, как недавно в Сафедде, — пренебрежительно бросил Бланшфор. Потом добавил сквозь зубы:

— Поздравляю.

— Спасибо. Думаю, что мы уложили несколько сотен. Только за вчера и сегодня мы выдержали три сражения подряд, — уточнил Григорий.

Бланшфор снова бросил на них со знаменосцем презрительный взгляд. А за его спиной брат Гаспар недобро ухмыльнулся.

— Так значит вы, храмовники, уже возгордились и возомнили себя победителями нехристей? Но, гордыня является смертным грехом, не так ли? — проговорил Бланшфор. И зло добавил:

— В Сафедде сарацины уже отрезали головы таким гордецам. Вот явится снова Бейбарс с армией, тогда пожалеете, что на свет родились.

Капитан госпитальеров умолк, осознав, что сморозил нечто лишнее. От знаменосца это не укрылось. Ветеран сказал сурово и веско:

— Не вам, брат Арман, беречь наши раны. В Сафедде наше братство потеряло лучших людей. Но, замок был взят лишь с помощью хитрости и предательства, а не в открытом бою. Что, смею надеяться, хорошо вам известно. Что же касается армии Бейбарса, то вы только что высказались о ней так, словно бы сами находитесь на стороне нехристей. Или мне это слышалось?

— Вы неправильно меня поняли, брат Симон. Я высказался в том смысле, что враг слишком коварен и силен. А потому нам всем нужно быть осторожными и не расслабляться даже после славных побед. Я сам недавно потерял возле Библа много отличных бойцов, — пошел на попятную Бланшфор.

— Так не будем же тогда пререкаться, а займемся делами. Вы, если я не ошибаюсь, направлялись к Тарбурону? Так вот и езжайте туда, — сказал знаменосец. Вняв его словам, госпитальеры, прекратив разговоры и развернув коней, поехали в сторону крепости.

Вечером снова состоялся военный совет в Тарбуроне. Послали и за командованием храмовников. Грегор Рокбюрн вместе со знаменосцем Симоном де Буланже выехали в сторону замка, когда солнце уже клонилось к закату. Едва они приблизились к крепости, как обратили внимание, что уже вовсю начались восстановительные работы. Пленные генуэзские саперы, умелые мастера, захваченные в бою вместе с катапультами, начали долбить в склоне холма перед фасадом замка ров, а камни, которые в ходе этих работ доставали, сразу же использовали для наращивания стен.

Барон Монфор, как всегда, восседал во главе стола. Как коннетабль королевства Иерусалимского он командовал армией, отвечал за мобилизацию рыцарей, пехотинцев и наемников, а также обладал властью вершить военный суд. Это была очень важная должность, фактически, министр обороны, второе лицо в государственной иерархии после наместника короля, которым был Генрих Антиохийский. Во время отсутствия Монфора, в Акре командовал его заместитель, маршал королевства Жоффруа де Сержин, храбрый и честный рыцарь, как говорили о нем. Так что Монфор сидел во главе стола военного совета и брал на себя роль главнокомандующего по праву своей должности.

Первая жена Филиппа Монфора Элеонора де Куртене, дочь императора Латинской империи, основанной после захвата крестоносцами Константинополя, умерла еще в 1229-м году, родив Монфору сына Филиппа-младшего и двух дочерей Элеонору и Жанну. Барон был женат и вторым браком на Марии Антиохийской, дочери князя Антиохии Раймона. У них родились четверо детей, двое мальчиков, Жан и Онфруа, и двое девочек, Эльвисиа и Алекс. Но, вторая жена Монфора тоже давно умерла, еще в 1257-м году, а дети выросли. Потому барона ничего не удерживало дома. За последние годы он сделался старым волком войны, одиноким и свирепым.

Граф Жан Ибелин Яффский, который сидел по правую руку Монфора, не занимал какой-либо должности при дворе Иерусалимского королевства в Акре. Да и был он известен больше, как юрист и политик, один из опекунов малолетнего короля Кипра, а не как доблестный рыцарь. Хотя и бездарным военачальником его тоже никто не мог назвать, потому что он тоже участвовал во многих сражениях, заканчивающихся для него удачно, хотя и не блистал какими-то запоминающимися рыцарскими подвигами. Просто Жан Ибелин был достаточно умен и прагматичен, чтобы не рисковать сверх меры.

Личная жизнь у графа сложилась не слишком счастливо. Жена, Мария Армянская, сестра царя Армении Хетума I, родила ему девять детей: четверых мальчиков и пятерых девочек. Но, отношения в семье сделались очень плохими, а фактически супруги разошлись и разъехались, когда Мария узнала о романе своего супруга с Плезанцей Антиохийской, матерью малолетнего короля Гуго II Лузиньяна. Взбешенная Мария написала жалобу на прелюбодеяния мужа римскому папе, забрала младших детей и уехала к своим родственникам в Армению, где заболела и умерла. Любовница Ибелина Плезанция тоже скончалась.

Оставшись одиноким, граф решил засесть за труды, начал писать пространный юридический трактат. Жан Ибелин хотел отразить в своей книге правовую структуру Иерусалимского королевства. В результате получился большой сборник ассизов, в котором рассматривались вопросы, как феодальной, так и церковной власти, а также работа

Верховного совета сеньоров королевства. Граф написал бы еще, но его уединению и мирному занятию помешала война.

Тамплиеров на этот раз посадили рядом с Ибелином, а по левую руку Монфора теперь сидели госпитальеры. Целых три человека: капитан Арман де Бланшфор, брат Гаспар и незнакомый пожилой брат-рыцарь. Присутствовали также барон Амальрик де Бельмонт и еще несколько знатных рыцарей, имен которых Грегор Рокбюрн не знал. Один из госпитальеров, который не был знаком Григорию, докладывал:

— Лазутчики, которые есть у нашего братства в Тибериаде, сообщили, что возле города Бейбарс оставил отряд примерно в три тысячи воинов. После сегодняшнего боя между холмов у них осталось не больше тысячи всадников. Причем, больше половины кавалерии составляют наемники, легкие лучники. А костяк отряда состоит из боевых рабов султана — мамелюков. Их всего триста или четыреста. Все остальные — это пехотинцы с копьями и алебардами. Среди пехоты есть сотня перебежчиков, бывших христиан, вооруженных мечами. Они используются для прикрытия копейщиков.

— Есть ли сведения, кто командует ими? — поинтересовался Жан Ибелин.

— Да, мессир. После гибели наместника Бейбарса в Галилеи, единого командования нет. Есть только несколько командиров отрядов. Но, власть в Тибериаде у эмира Мусы Китаба. Это мамлюк, возвысившийся из близкого окружения Бейбарса.

— А что говорят ваши разведчики о наличии припасов в городских кладовых? У горожан будет, чем питаться, если мы перережем дороги? — спросил барон Монфор.

— Кладовые полны. К тому же, у них имеется озерный флот, который сможет снабжать город и сарацинское войско через озеро, — ответил госпитальер.

— А это значит, что осада Тибериады не приведет к успеху, — вставил граф Ибелин.

— Тогда нам остается только штурмовать, — сказал Монфор.

— Это большой риск. Город хорошо укреплен, — возразил граф.

— Без риска и крови не обойтись, понятное дело, — вставил свое слово командир госпитальеров.

— Сам город укреплен, но не укреплен сарацинский военный лагерь, разбитый возле его стен. Возможно, что стоит напасть сначала на них, — высказал свое мнение Симон де Буланже.

— Мы можем разгромить их лагерь, если даже и не возьмем сам город. Но, все это рискованно, — высказался граф.

— Риски на войне есть всегда, мессир. Хуже то, что не получится напасть внезапно. Думаю, что сарацины уже послали лодку через озеро, чтобы сообщить Бейбарсу о нашем присутствии тут, — сказал Монфор. Потом добавил:

— Я предлагаю рыцарскую атаку, чтобы смять их. Уничтожим сарацинский лагерь возле Тибериады, а потом соберем катапульты и начнем бить по стенам, после чего оставшиеся в городе сами запросят пощады. Возможно, что сдадут город, и нам не придется даже заставлять своих пехотинцев лезть на стены.

Григорий слушал и размышлял. Войско крестоносцев казалось ему недостаточно большим для осады или штурма города. Даже после победы в утреннем сражении и прибытия подкрепления в виде отряда госпитальеров, решающего преимущества над противником в численности живой силы достигнуто не было. А атакующей стороне оно просто необходимо, потому что потери атакующих, по правилам военной науки, всегда больше, чем у тех, кто обороняется на подготовленных и хорошо укрепленных позициях,

которыми являются крепостные стены.

— А если им, например, предложить переговоры? Пусть сдадут город, а мы выпустим их беспрепятственно со всем имуществом? — предложил барон Амальрик де Бельмонт.

— Нет, это несерьезно. Они станут затягивать любые переговоры, дожидаясь, пока Бейбарс не подойдет на помощь, — возразил Монфор.

Барона без баронства поддержал Ибелин:

— Ну, почему же несерьезно? Можно сначала разгромить их лагерь, затем поставить катапульты и начать бить по стенам. И только потом предложить переговоры, угрожая разбить стены до основания. По-моему, это будет неплохим аргументом.

— Так вы, все-таки, не отрицаете возможность нашей атаки на город, Жан? — спросил Монфор графа.

Ибелин посмотрел на него немного высокомерным взглядом, как человек, осознающий свое интеллектуальное превосходство. Потом сказал:

— Не отрицаю, Филипп. При теперешнем положении, когда противник понес значительные потери в бою, а к нам сюда подошли госпитальеры, да и в Акре, как сообщил мне вернувшийся курьер, собраны немалые резервы, я считаю, что попробовать мы можем. Но, успех будет только в том случае, если мы не кинемся в предстоящее сражение необдуманно, а наоборот, если проявим мудрость и выдержку. Мы должны дать понять сарацинам, что пощадим всех, кто добровольно сложит оружие. Иначе сопротивление неприятеля окажется гораздо сильнее.

— Нет, мессир. Такое одобрить мы, братья госпиталя Святого Иоанна, никак не можем. Для нас биться с сарацинами означает быть к ним беспощадными, — вмешался Арман де Бланшфор и посмотрел на тамплиеров, как бы ища поддержки.

Но, знаменосец сказал:

— Граф Яффы говорит дело. Нужно проявлять благоразумие. Оно всем нам не мешает.

— И с каких это пор храмовники сделались такими осторожными? — подколот брат Гаспар.

Но, тамплиеры не стали на этот раз пререкаться. Они промолчали. Зато Монфор подвел итоги совещания:

— Итак, решено. На рассвете атакуем сарацинский лагерь возле города. Все к этому моменту должны подготовиться к бою. Разгромив их шатры, подойдем к городским стенам и поставим катапульты. А потом призовем их пойти на переговоры. Все согласны?

После того, как собравшиеся подтвердили согласие идти на Тибериаду, Монфор велел оруженосцам подавать ужин.

Спускаясь от Тарбурона на закате вместе со знаменосцем, когда солнце уже опустилось за перевал, но еще освещало небо, Григорий сверху осматривал лагерь Монфора, в котором присутствовала четкая структура линий, вдоль которых располагались палатки. Лагерь Монфора немного даже напоминал военные лагеря древних римлян. Во всяком случае, вокруг палаток соорудили частокол. За это время часть лагеря уже сняли и перенесли на новое место. К сторожевой башне, отбитой у врагов утром и расположенной гораздо ближе к Тибериаде. А дальше, у водопоя, располагался лагерь графа Ибелина. Не такой стройный и ладный, как у Монфора, и состоящий из трофейных сарацинских разноцветных шатров, сшитых из кусков разных тканей.

Когда они проезжали вдоль коновязей, к ним подошел рыцарь Бертран де Луарк.

Вопреки своему обыкновению он, вроде бы, не был пьян. Француз поинтересовался, что там решили на военном совете. Но, ни Григорий, ни Симон не сказали ему точно, какие решения приняли, потому что к пьющему человеку особого доверия не было. Опасались, что он мог спьяну выдать военную тайну каким-нибудь вражеским лазутчикам.

Григорий ездил в Тарбурон на запасной лошади, потому что его конь Антоний сильно хромал после последнего боя, а рана его, полученная в предыдущем бою, разошлась и кровоточила. Потому Родимцев возле коня остановился и спешил. Он принес Антоше несколько сладких яблок, взятых со стола у Монфора. Мансур отправился на разведку, а потому за жеребцом командира ухаживал Жиль, оруженосец покойного Рене Дюрфора. Знаменосец вместе с Гришей осмотрел рану коня и сказал, что надо обратиться к капеллану, но не к Годфруа, а к Жиromу де Шане, который, оказывается, умел очень хорошо лечить лошадей. Они нашли Жиroma в лагере, и капеллан сразу пришел на помощь рыцарскому коню. Наложением рук на рану и молитвой он остановил кровь. А потом сам наложил повязку. Родимцев в очередной раз поразился, какой силой молитв обладают орденовские капелланы. Глядя на исцеление своего коня, Григорий вспомнил, как второй капеллан, Годфруа, лечил маленькую немку Адельгейду и сказал об этом:

— Вы поистине творите чудеса молитвой, брат Жиrom, большее чудо я видел только, когда брат Годфруа лечил одного маленького ребенка, пострадавшего от удара сарацинской сабли. Тогда из-под рук Годфруа даже исходило сияние.

— Брат Годфруа является одним из тех, кто посвящен в тайну Духовного Капитула, — поведал Жиrom.

— А что, в нашем братстве, кроме обычного капитула, существует и какой-то еще? Я о таком даже не слышал, — удивился Родимцев.

— Много чего сокрытого существует внутри нашего братства Христа и Храма, — сказал старик, внимательно посмотрев на Грегора Рокбюрна. Потом спросил:

— Вот, например, ты знаешь легенду о Храме, Грегор? — спросил капеллан.

— Нет, никогда не слышал, — честно признался Григорий.

— А, между тем, эта легенда очень важна для понимания духовных основ нашего братства. И я расскажу тебе эту легенду. Великий и мудрый царь Соломон, решив построить Храм, собрал самых лучших мастеров и поручил руководить ими своему придворному архитектору Хираму Абифу, посланному к его двору дружественным царем Тира.

Хирам был архитектором и искусным литейщиком, знал он и многие другие ремесла. И потому назначил его царь Соломон Великим Мастером по праву. Он разделил всех строителей Храма на Учеников, на Подмастерьев, и на Мастеров. Для Учеников Хирам выдал отдельный пароль, секретное слово, которое обозначало их принадлежность и устанавливало дисциплину. Но, трое из Подмастерьев не захотели подчиняться Великому Мастеру. Они хотели заставить Хирама дать им пароль, чтобы называться Мастерами. Но они Мастерами не были, а потому Хирам не открыл им пароль, хотя они и угрожали Великому Мастеру.

Тогда они замыслили заговор. И в час, когда медный расплав должен был заливаться в формы для изготовления огромных храмовых колонн, они сделали так, что горячий металл, которого было очень много, полился мимо форм на толпу строителей. Это зрелище наблюдали сам Соломон и царица Савская, которые пришли, чтобы поздравить Хирама с успешной отливкой медных колонн для Храма. Однако, ничего не могли поделать. Хирам же, опозоренный, так и стоял посередине огненного потока.

И в этот момент Великий Мастер услышал голос с неба, зовущий его. И Господь сказал ему: «Не бойся. Ты не сгоришь. Сойди в пламя.» И Хирам ступил в расплав, и все увидели как он утонул в нем. И дал Господь власть Хираму над стихией огня. Потому выбрался Великий Мастер из расплава невредимым, да еще и с чудесным молотком, которым тоже наградил его Господь, сказав, что с таким молотком, да еще и с властью над стихией огня, Хирам быстро закончит работу. И что дано ему построить Храм Духа Человеческого. Так и случилось. Уже на рассвете нового дня Великий Мастер завершил плавку.

И колонны для Храма были изготовлены и установлены. Все ликовали, а царица Савская так восхитилась, что влюбилась в Великого Мастера. Но царь Соломон заметил это и воспылал ревностью. Он велел трем Подмастерьям, которые ненавидели Хирама, убить его. Что они и сделали. Однако слово Мастера, которое было выгравировано на золотом треугольнике, которым Хирам пользовался для измерений, узнать убийцам не удалось, потому что Хирам успел выбросить мерный треугольник в глубокий колодец, а залезть туда злодеи не смогли. Их схватили и казнили по приказу царицы Савской, а головы из отнесли Соломону. Царица покарала убийц возлюбленного, но она не понимала, что сама и явилась причиной его гибели. Если бы она не полюбила Хирама, то был бы он жив. А потому и говорим мы: «Бойтесь женщин!»

Хирама же похоронили в пределах Храма со всеми почестями. Он уже сам не увидел свое творение, но с тех пор Великий Мастер Хирам стал почитаться покровителем всех мастеров. А сам Храм — это не только здание, а Храм Божий, который внутри и вокруг нас. Хирам был одним из Великих Учителей человечества, предшествующих приходу Сына Божьего Господа Нашего Иисуса Христа. И вот, когда основали наш орден, и правитель Иерусалимского королевства Балдуин II отдал первым девяти рыцарям юго-восточное крыло мечети Аль-Акса прямо над Соломоновыми конюшнями. Оттуда вглубь Храмовой горы шел подземный ход, который обнаружил Гуго де Пейн. Пройдя по нему, он вышел к древнему колодцу, на дне которого и нашел тот самый золотой треугольник. Таким образом, реликвия была обретена в подземельях под горой Мория, что в Иерусалиме. И обнаружилось, что на золотом треугольнике Хирама выбито слово «Бафомет», одно из имен Великого Архитектора Вселенной.

Начинало рассветать, когда Грегор Рокбюрн, завернувшись для маскировки в черный монашеский плащ, пробирался среди масличных деревьев на холм в сторону наблюдательного пункта. До этого братья-рыцари, оставленные нести караул возле дозорной башни, прислали гонца с сообщением о том, что получены сведения от Мансура. Этот ловкий парень не только смог проникнуть в неприятельский лагерь, но и уже организовал там целую разведывательную сеть. В ночи он сумел выскользнуть из вражеского стана и подойти к сторожевой башне, чтобы передать важные сведения христианам. После чего снова ушел на территорию неприятеля.

Мансур докладывал о том, как обстоят дела в Тибериаде и вокруг нее. Тамплиеры разбудили командира отряда и доложили ему все, слово в слово, о том, что сообщил лазутчик. После чего Родимцев вместе со своим знаменосцем поспешили на холм для рекогносцировки. Они мало поспали и плохо выспались, потому что обустривались на новом месте. За ночь передовой лагерь перенесли ближе к новой линии противостояния. И теперь палатки размещались в прямой видимости города.

— Монфор расположил свои шатры довольно близко к неприятелю. Это может быть чревато встречной атакой со стороны сарацин, — заметил знаменосец.

Григорий посмотрел вниз, где у подножия холма люди Монфора уже расставили немало палаток в передней части нового осадного лагеря. А дальше до самого города вдоль дороги раскинулось пустое пространство не менее километра, лишь местами поросшее оливковыми деревьями и редким кустарником. На этом пустыре вполне могла бы действовать кавалерия. И потому стремительную контратаку со стороны города исключать было глупо.

— Мансур докладывает, что их там больше, чем мы думали. Еще около трех с половиной тысяч бойцов, — сказал Григорий.

— Да, это вполне возможно, хотя госпитальеры говорили лишь о трех тысячах, — кивнул ветеран.

Родимцев продолжал:

— Госпитальеры правы в определении численности войск в городе, но Мансур сообщает, что есть еще один отряд кавалерии, сотен пять, который стоит южнее Тибериады, возле Иордана, и может в любой момент выдвинуться оттуда против нас.

— Я так понимаю, что стены держат простые сарацинские пехотинцы? Наемники или даже ополченцы? Они плохие вояки в обороне, — заметил знаменосец.

Но, Григорий не согласился:

— Нет. Мансур доложил, что сарацинские командиры предполагают удерживать сами стены с помощью христиан-перебежчиков, а также пеших мамелюков. Эти будут драться. Им терять нечего. Но главное, что он сообщил нам, так это наличие лазейки в город. Между Южной башней и Южными воротами в стене есть маленькая калитка. И Мансур нам ее откроет.

— Туда еще надо подойти, — возразил ветеран.

— Подойдем, если сразу атакуем в том направлении, — успокоил Гриша.

— А насколько можно доверять этому Мансуру? — задал вопрос знаменосец.

— Я абсолютно в нем уверен, — сказал Родимцев.

— Значит, будем наносить удар в сторону той калитки. Если прорвемся и все пройдет

удачно, то это будет хороший шанс победить, — сделал вывод ветеран.

— Да, пойдем вперед на правом фланге, — кивнул Григорий.

Между тем, враги тоже не спали. В сарацинском лагере еще до рассвета началось шевеление. И теперь войска начинали строиться.

— Центр у них занимают мамелюки из гвардии Бейбарса, боевые рабы. На флангах их поддержит легкая кавалерия, — заметил пожилой тамплиер. Несмотря на возраст, зрение у него оставалось весьма острым.

Родимцев тоже внимательно всмотрелся вдаль и увидел над всадниками, строящимися напротив стен города, черное знамя со скрещенными саблями, а сами всадники блестели начищенными шлемами и стальной чешуей. Этот отряд в полтысячи всадников определенно представлял собой немалую силу.

— Монфор собирается противостоять им своими рыцарями, — сказал Григорий, посмотрев с холма вниз, где у его подножья начали формироваться боевые порядки под знаменами коннетабля Акры с большим красным крестом на белом поле, делящим знамя на четыре части, в каждой из которых присутствовали маленькие красные крестики.

— На нашем левом фланге против их легкой кавалерии вперед пойдут госпитальеры, на правом ударим мы, а войско графа Ибелина будет в резерве, — заметил знаменосец, еще раз повторив то, что вчера решили на военном совете.

— Нужно выбить у них кавалерию, разгромить лагерь и очистить место перед стенами для штурма. Это первая боевая задача, — сказал Григорий.

— Да, сражение под городскими стенами мы вполне можем выиграть. Но, это не значит, что легко возьмем город, — произнес ветеран.

— Риска не избежать, — согласился Родимцев. И добавил:

— Нам пора.

Они вернулись в новый лагерь, разбитый у подножия холма, возле сторожевой башни. Когда командир и знаменосец появились в расположении, остальные храмовники молились перед предстоящим боем. Вместе с сержантами их в строю осталось меньше полусотни в отряде, собранном из двух. После последних дней, прошедших в сражениях, имелись и убитые, и раненые.

Сарацины обладали большим численным преимуществом. И потери тамплиеров могли оказаться гораздо тяжелее, не будь все братья-рыцари ветеранами боевых действий, стойкими и отлично обученными бойцами. Сладить с храмовниками сарацинам всегда представлялось трудным делом. Даже если братьев-рыцарей противостояло врагам совсем немного, они всегда наносили сарацинским отрядам большой урон и стояли до последнего. И враги знали об этом. Потому даже сам Бейбарс предпочитал действовать против братьев ордена Храма не в открытом бою, а путем коварства и хитрости.

Солнце вставало над горами с противоположной стороны Галилейского моря, золотя бликами спокойную поверхность озерной воды. Военные лагеря обеих противоборствующих сторон к этому моменту уже напоминали растревоженные улы, готовясь к битве за Тибериаду. Вокруг разноцветных шатров сновали сотни людей. Сарацины все-таки не успели провести ту стремительную атаку на лагерь христиан, которой опасался знаменосец. Теперь же было поздно. Большинство христианских рыцарей уже выстроились в боевые порядки и приготовились дать бой.

Грегор Рокбюрн дал указание ближайшему сержанту:

— Скажи, чтобы мне подали коня.

— Как прикажете, брат-рыцарь, — проговорил сержант и побежал выполнять поручение.

Вскоре оруженосец подвел Антония. Благородного дестриера разрешалось вести только правой рукой. Жеребец выглядел вполне отдохнувшим. Рана его, заговоренная капелланом, затянулась. Стальная защита прикрывала голову и грудь, а спину, поверх стеганой попоны, сделанной наподобие гамбезона, закрывала настоящая кольчуга. Одним легким движением Грегор Рокбюрн вскочил в высокое рыцарское седло. Оруженосец подал ему сначала шлем, затем щит и потом копье. А рядом готовился к бою знаменосец. Знамя, окровавленное в прошлом бою, сержанты уже выстирали, высушили и прикрепили на новое древко-копье. И черно-белый флаг «Босеан» снова развевался над отрядом.

Храмовники готовились к предстоящему бою тщательно, как всегда. Родимцев верил в своих бойцов. Он уже понял, что эти парни шутить с врагами не любят и в бою сделают все, как нужно. А главное, такие бойцы не побегут. Вид гудящего военного лагеря, готовящегося к битве, наполнял братьев-рыцарей силой и решимостью. Четкие линии палаток и частокол, хоть и изготовленный наспех, но, тем не менее присутствующий, указывали на то обстоятельство, что и в это рыцарское время, когда не было еще регулярной армии, христиане старались не забывать о порядке и воинской дисциплине. Филипп Монфор, все же, при всех своих недостатках, показывал себя весьма неплохим военачальником, знакомым с историей военных традиций римских легионов.

Неожиданно созерцание военного лагеря прервало появление капеллана. Годфруа подъехал на своем коне тихо и остановился рядом. Глядя на стены города, возвышающиеся вдалеке, он неожиданно сказал Грегору:

— Эти места много лет назад покинуты христианами. Здесь давно все церкви и монастыри уничтожены сарацинами и их приспешниками. Но мы помним все. В нас, в рыцарях Храма, живет дух истинных воинов Христовых. Мы сражаемся за правду и за справедливость, за все то, что есть в человеке от Бога, ведь каждый из нас создан по Его подобию. В мирской суете многие забывают об этом, о том, что Господь и Храм должны быть у каждого в сердце. А без духовности нет и человека. Без света в сердце человек превращается в орудие дьявола.

— Я тоже так думаю, — признался Родимцев.

— Когда ты в последний раз был на капитуле? — спросил капеллан.

— Очень давно. В последнее время я постоянно воюю, также, как и вы, брат Годфруа, — ответил Григорий.

— Да, я знаю, — кивнул капеллан. Потом добавил:

— Я давно наблюдаю за тобой. Потому что в сердце каждого человека происходит выбор между Господом и дьяволом. И многие люди слабы, ибо дьявол постоянно всех искушает. А ведь совсем немного нужно для того, чтобы человек потерял истинно человеческие ценности, как доброта, милосердие и самопожертвование, а вместо этого принял в свое сердце злобу, стяжательство, жадность и зависть. Даже у нас, в нашем братстве, есть те, у кого в сердце живет дьявол. И мы, капелланы, боремся за каждого человека. Потому я радуюсь, ибо вижу, что ты сделал свой выбор, что ты выбрал добро и свет Господа. И действуешь ты по велению души. А потому я считаю, что раз ты теперь командир отряда, то достоин посвящения. Приоткрою тебе важное. У нашего братства есть тайная сторона. Помимо тех битв, которые происходят явно, мы участвуем в сражениях незримых сил света и тьмы. И эти силы неизмеримо мощнее, чем те, которые бьются на земле. В

невидимых мирах происходит самая главная битва.

— Биться в невидимых мирах я не умею, а потому буду сражаться с сарацинами на поле боя, — сказал Григорий.

Годфруа внимательно посмотрел на него. Удлиненное лицо капеллана покрывали морщины и шрамы, а глаза смотрели пронзительно. Он произнес:

— Все взаимосвязано. Сражаясь на этом поле боя, ты бьешься и на том. Пока неосознанно. Но выбор пути ты сделал, а потому научишься и пониманию. Не сразу, а по мере своего продвижения к свету. И запомни, что ничего не делается в мире без Промысла Господа. И не мир, но меч принес Господь. И это наш меч. Ибо добро должно уметь постоять за себя и защитить своих ближних.

— Так почему же Господь до сих пор не уничтожит дьявола? — спросил Григорий.

— Потому что Господь безгранично милосерден. Шанс для осознания ошибок и их исправления дается каждому.

Пока они разговаривали, войска строились. Госпитальеры тоже седлали коней и вставали в боевые порядки на левом фланге.

— Нам пора, — сказал Грегор Рокбюрн, он же Григорий Родимцев.

Они подъехали к остальным тамплиерам, приготовившимся к бою. Справа от Грегора ехал знаменосец, а слева находился капеллан. Он провозгласил:

— Да научит нас Господь новой битве и пусть пошлет нам победу! Помолимся, братья.

И храмовники молились на этот раз прямо сидя на боевых конях, повторяя слова молитв за капелланом. Вдруг по всему войску затрубили рога. И всадники, повинувшись сигналу, понеслись в сторону вражеского лагеря, раскинувшегося под городскими стенами. Рыцари Монфора атаковали центр сарацинского войска, состоящий из мамелюков. А госпитальеры вступили в бой на левом фланге. Тамплиеры атаковали на правом. Выкрикивая клич: «За Господа и Храм!», они с легкостью провели атаку и смяли легкую кавалерию, но, когда уже прорубились ближе к стенам, со стороны Иордана к противнику подошло подкрепление и ударило храмовникам во фланг, сходу вступив в бой.

То оказался резервный сарацинский отряд в полтысячи всадников под зеленым флагом. О нем предупреждал Мансур. В отряде насчитывалось около двух сотен тяжело вооруженных мамелюков. Их прикрывала легкая конница, состоящая из лучников. Правда, за спиной христиан тоже находилась легкая конница туркополов, также вооруженная луками. Теперь и те, и другие осыпали друг друга градом стрел из-за спин тяжелых кавалеристов.

Огромный витязь со своей свитой, вероятно, неприятельский командир, сразу организовал атаку на знамя храмовников. Мамелюк был широк в плечах, а его черный конь, закрытый кольчужной попоной, возвышался, словно скала. Он опустил длинное рыцарское копьё и скакал прямо на Грегора. Давая шпоры коню, враг стремительно налетел. Рокбюрн прикрывшись щитом и ударил навстречу. Рядом бились еще несколько братьев-рыцарей, защищая орденское знамя.

Копья переломились, ударив в щиты при встречном ударе, не дав преимущества ни одной из сторон. Тогда в дело вступили мечи. Сталь зазвенела в горячем воздухе, засверкав в солнечных лучах наступающего летнего левантийского дня. Храмовники не делали лишних движений. Они рубились быстро и беспощадно. Через секунды несколько врагов слетели с коней.

Но, главный витязь сражался очень умело. И в этой схватке сила и скорость были на его стороне. Он не только умел стремительно атаковать, но и ловко защищался. Закрывшись

своим круглым щитом, оббитым сталью, он сумел подобраться вплотную, так, что меч в его руке смог дотянуться при ударе до шлема Грегора. Голова его загудела, но прочный шлем выдержал. Рокбюрн ударил в ответ. Но, противник успел подставить щит и нанес удар по наплечнику. Правая рука Григория сразу онемела. Наплечник защитил от лезвия, но тяжесть удара почувствовалась очень хорошо. И Родимцев едва не выронил меч. А от следующего удара с трудом отбился, подставив щит.

Тут неожиданно сцепились между собой кони. Антоний попытался укусить вражеского скакуна и ударил его копытами, отчего вражеский конь встал на дыбы и тоже нанес удар. Но, Антоний увернулся и навалился на вражеского коня грудью, сильно толкнув его. После чего уже оба коня встали на дыбы и начали бороться друг с другом, перекрывая диким ржанием шум сражения. От такого поведения боевых скакунов оба всадника были вынуждены покинуть седла. Они продолжили схватку на земле. В ярости витязь начал рубить щит Григория, обрушивая на него мощные удары, отчего щепки полетели во все стороны и вскоре кусок щита отлетел в сторону.

Тем временем вокруг продолжалась битва. Знамя «Босеан» по-прежнему развевалось на древке в руках знаменосца. Братья-рыцари охраняли его. Мамелюки пытались продолжать атаку, но она с каждой минутой выдыхалась. Тамплиеры сдержали натиск сарацинской атаки, а на помощь к ним уже выдвинулся резерв. Рыцари графа Ибелина поддержали храмовников, вовремя атаковав неприятеля. Снова трубили рога, кричали люди, ржали лошади, ломались копья, звенели клинки. Обе стороны несли потери, но христиане побеждали в кавалерийском сражении.

Витязь наступал на Грегора Рокбюрна и теснил его, Григорий еле сдерживал мощный напор. А их боевые кони продолжали собственный поединок. Противник оказался сильным и опытным, но он не заметил, что попал в окружение. Тамплиеры побеждали. Сдержав атаку на свое знамя и остановив противника, всадники в белых плащах с красными крестами начали оттеснять неприятеля, потому что рыцари графа Ибелина ударили во фланг мамелюкам. Вскоре положение сильно изменилось. И храмовники окружили дерущихся плотным кольцом.

Витязь был близок к успеху, Грегор Рокбюрн уже устал отражать удары, его щит треснул, а оба наплечника оказались помяты, но мечи братьев-рыцарей, направленные со всех сторон, заставили витязя сдаться. Так и не сумев победить в схватке с Рокбюрном, он выругался, убрал меч в ножны и снял шлем со стальной личиной. Он был немолод, а черты лица воина оказались европейскими. Все удивились, а знаменосец произнес:

— Я узнал тебя, Раймунд де Руэрг. Ты предал наше братство, перешел на сторону врага, попрали нашу веру, назвался Даудом Аль-Зенги. Мы не убьем тебя прямо сейчас, вероотступник, но ты будешь осужден. Предателей мы не прощаем.

Атакуя, огромный конь барона Монфора врезался в сарацинскую кавалерию, как тяжелый таран. Почти все копья рыцарей, прежде чем сломаться, нашли свои цели. Тяжелые рыцарские кони вставали на дыбы и били врагов копытами, поднимались и опускались длинные мечи, собирая кровавую жатву. Мощным ударом кавалерийского клина они сокрушили вражеский авангард и прорубились навстречу легкой кавалерии. Множество вражеских тонкокостных лошадок, не выдержав столкновения, сразу падали под ноги наступающим. Передний ряд вражеской кавалерии был полностью смят и уничтожен.

Стремительная атака создала замешательство в рядах сарацин. Воспользовавшись этим обстоятельством, рыцари с наскока врубались вглубь и в считанные мгновения полностью смяли вражеский авангард, своими длинными мечами рассекая сарацин направо и налево. Еще через пару минут оставшиеся сарацины обратились в бегство, и путь вперед был свободен. Сарацины, потеряв половину своей конницы, спешно отступали, оставляя за собой трупы лошадей и всадников.

Сражение кавалерии под стенами Тибериады заканчивалось бегством противника под защиту городских стен. Вражеские всадники спешно прятались за рядами пехоты, вооруженной длинными копьями. Преследовать их пока не стали. Вместо этого христиане обрушились на военный лагерь противника, разбитый в пригородах и оказавшийся, после оттеснения неприятеля к крепостным стенам, почти без защиты. Рыцари Монфора продолжили натиск и, быстро ворвавшись в лагерь, окружили шатры. Сражением это было уже и не назвать. Все те, кто находился в лагере: обозники, конюхи, повара, цирюльники и немногочисленные воины сразу начали сдаваться на милость победителей. Положение изменилось. Победа над кавалерией и захват ближнего лагеря сделали реальной угрозой уже не только пригородам Тибериады, а непосредственно городским стенам. Как только лагерь очистили от противника, Монфор приказал подвезти осадные машины и начать их сборку.

В результате атаки удалось сильно продвинуться. Теперь христиане находились от стен на расстоянии полета стрелы. А значит, катапульты уже обещали быть эффективными против городских укреплений. Пока шло сражение, солнце разогнало все остатки ночной прохлады и начало припекать. Раскаленное добела светило, не прикрытое ни единым облачком в летнем левантийском небе, нещадно выжигало небесную голубизну, делая ее бледной. На левом фланге госпитальеры вышли к самому озеру, захватили рыбацкую деревню и поили коней возле нее. Страшная жара заставляла людей все время пить, но и лошади страдали не меньше — они высунули языки и тяжело дышали.

Тамплиеры отбили мечеть в городском предместье к югу от лагеря, выстроенную сарацинами на развалинах старой церкви. Сарацины просто убежали из ее окрестностей. Теперь капелланы спешно приводили здание в порядок, готовясь к обряду освящения, а сержанты спешно устанавливали на минарете кривой деревянный крест, отчего вид у всего сооружения получился довольно странным. Но, по крайней мере, теперь было, где помолиться братьям-рыцарям. За мечетью блестела вода Галилейского моря. Таким образом, город оказался блокирован с суши по широкой дуге.

Пока тамплиеры оборудовали место для молитв и поили коней на берегу, а госпитальеры занимались тем же с противоположной стороны от города, светские рыцари и их оруженосцы занимались разграблением остальных городских предместий. Время от

времени из дворов на захваченных окраинах слышались звон оружия и крики людей. Любители военной добычи бесчинствовали, удовлетворяя свои низменные потребности. Но таковы были обычаи войн. Победители имели право на трофеи.

Через какое-то время показался и обоз с разобранными осадными машинами. Телеги двигались по возможности быстро, насколько это позволял их тяжелый груз. Вскоре их разгрузили, и мастера приступили к работе, застучав молотками. А к обеду гемуэзские умельцы уже собрали первую катапульту и даже опробовали ее в деле, добив до городской стены солидным булыжником.

На помощь в осадный лагерь подошла и пехота, но все равно христиан было слишком мало для надежной блокады города. К тому же, их силы оказались растянуты длинным полукругом. Даже проиграв очередное сражение, сарацины оставались при своем численном преимуществе на более компактном фронте, проходившем перед городскими стенами. А потому осажденные были способны в любой момент организовать успешную контратаку на осаждающих. Но пока они этого не делали, потому что поражение на какое-то время подорвало их боевой дух. И с координацией действий у сарацинского командования, похоже, возникли серьезные проблемы.

Но, положение в городе совсем не было безнадежным. У осажденных оставались совершенно свободными все пути по воде. А, кроме многочисленных рыбацких лодок, в порту Тибериады имелись и настоящие корабли. Небольшие, всего несколько, но они были. Галеры с длинными веслами и косыми парусами находились вне досягаемости крестоносцев. Как только город оказался в осаде, две посудины сразу же отвалили от причалов и направились к противоположному берегу большого озера, где сарацинам ничто не угрожало. Местная знать и самые богатые сарацинские купцы бежали из Тибериады.

Вокруг города вдоль озерного берега почва казалась весьма плодородной, но чем дальше от озера, тем реже встречались виноградники, оливковые рощи, сады, финиковые пальмы и другие благородные растения. Возле холмов они пропадали и вовсе, сменяясь небольшими полями сарацинских крестьян, которые, продолжая обрабатывать свои убогие наделы под палящим солнцем, то и дело обращали в сторону христиан, захвативших городские предместья, недружелюбные взгляды.

К полудню началась просто невероятная жара. Вода в озере напоминала расплавленное стекло. Ни ветерка, лишь какая-то сероватая хмарь, висящая в воздухе. Горячий воздух пришел из пустыни вместе с песчаной пылью. Начался хамсин. Так, кажется, это явление называли, как помнил Родимцев из прочитанного о Святой Земле. Вскоре уже и солнца в небе видно не было. Оно превратилось в размытое световое пятно. Серая мгла хамсина низко повисла над башнями городских укреплений и над минаретами мечетей Тибериады. Душный обжигающий воздух словно напрягся в ожидании грозного, неумолимо приближающегося момента начала штурма.

Григорию не терпелось пробиться к той заветной калитке, о которой предупредил Мансур. Поднявшись на верхнюю площадку минаретной башни, откуда недавно пел молитвы муэдзин, Родимцев всматривался в южную часть городской стены. Ров, прокопанный от озера, в этом месте не был ни широким, ни глубоким. Вернее, когда-то, наверное, был, но за последние годы озеро обмелело, а ров не углубляли и не расширяли.

Потому воды в этом рву осталось не больше, чем по колено. Берег рва имел довольно пологий уклон, по которому вполне можно было забраться, а под самой стеной вырос кустарник. Выкорчевать его никто не позаботился. Потайная калитка, похоже, находилась

именно за этими кустиками. Пробраться к калитке представлялось вполне возможным, но только пешими. Вот только со стен могут обстрелять, закидать камнями, или вылить на голову что-нибудь малоприятное, вроде кипящего масла.

Рассматривая пейзаж с минарета, Родимцев снова ощущал, как необычна эта земля, называемая Святой. И пусть тут не текли реки меда и молока, но имелось нечто странное, едва уловимое, в этом жарком воздухе, в камнях крепостных стен и башен, в пыльной пелене хамсина и в размытом пятне раскаленного солнца. И, возможно, это странное ощущение проистекало от чувства сопричастности этой земли великому прошлому. Ведь, подумать только, по этой древней земле, где-то здесь, на берегу Галилейского моря, ходил сам Иисус Христос!

Глядя на довольно высокие стены Тибериады с двумя десятками оборонительных башен, сложенные из черного базальта и построенные таким образом, что концы их выдавались на десятки метров в озерную воду, Григорий думал о том, что все время, от того момента, когда он так нечаянно оказался на месте Грегора Рокбюрна, он только и делал, что участвовал в мероприятиях, связанных с войной. Сначала он выполнял поручение по эвакуации Адельгейды, потом почти постоянно находился в боевых действиях. Так что заниматься каким-нибудь прогрессорством он возможности не имел. Для этого требовалась мирная передышка, а ее пока не предвиделось. Даже сделать образец огнестрельного оружия, который обещал графу Ибелину, времени не было.

Григория слегка обнадеживало то обстоятельство, что история уже немного изменилась. Этот факт наглядно иллюстрировала незапланированная осада Тверии, как называли этот озерный город в двадцать первом веке. В той истории, про которую Родимцев читал много умных книжек, ничего подобного не происходило. В середине августа 1266-го года никакой осады озерного города не последовало. После взятия Сафед и разрушения замка Торон, сарацины султана Египта почти безнаказанно совершали набеги на окрестности Акры, потом Бейбарс взял город Библ и увел свою армию на север, в Киликию, оставив на местах лишь небольшие силы своих наместников.

Но, крестоносцы в тот раз не сумели быстро договориться между собой, чтобы собрать новую армию и воспользоваться ситуацией. Тогда только к октябрю крестоносцы смогли кое-как примириться на время, чтобы собраться с силами и попытаться организовать атаку на Тибериаду. Вот только поход к озерному городу не принес королевству христиан ничего хорошего. Крестоносцы разграбили городские предместья, но, возвращаясь обратно, попали под удар войск Бейбарса, нанесенный из захваченного замка Сафед, из-за чего в самом конце октября возле деревни Караблие войско Акры постиг разгром.

А сейчас все пошло по-другому. Пока армия Бейбарса сражалась гораздо севернее Дамаска с царем армянской Киликии Хетумом и с его союзниками-монголами, христианам Леванта удалось объединиться, нанести поражение местным силам султана под Тарбуроном и быстро осадить Тибериаду. Родимцев помнил, что в тот раз Бейбарс 24-го августа в битве при местечке Мари одержал полную военную победу над армянами и их союзниками.

После чего султан разграбил половину Киликии, разрушив многие города и пленив множество народа. Весь сентябрь и половину октября Бейбарс только тем и занимался, прежде, чем отправиться с армией обратно. А потому сейчас у крестоносцев в запасе имелось достаточно времени. И, если им удастся быстро взять Тибериаду, то на театре военных действий может измениться многое. Во всяком случае, позиции христиан укрепятся для дальнейшего противостояния с армией султана Египта.

Неожиданно на башню поднялся капеллан Годфруа. Он всмотрелся в пейзаж, потом неожиданно сказал:

— Знаешь, брат Григор, не во всех сарацинах есть злая сила. Они такие же люди и бьются за свою веру. Конечно, есть среди них и такие, которых не останавливает даже смерть. На таких вся их злоба и держится. Я с молодости сражаюсь с ними, и многое о них уже понял. Они очень упорные. И сарацины никогда не остановятся. Если мы прекратим сопротивляться им здесь, на Святой Земле, то может случиться, что они, расправившись с нами, захватят всю Европу. Они ненавидят нас и не пожалеют сил, чтобы растоптать христианство. Поэтому мы вынуждены сражаться. Во имя Христа и Храма.

Григорий кивнул:

— Я согласен с вами, брат Годфруа. На войне, как на войне. Если не победим мы, то победят нас.

К обеду жара усилилась. Братья-рыцари давно уже сняли шлемы и покрыли головы кусками увлажненной белой материи, стараясь находиться в тени строений и редких деревьев, но это мало помогало. У Родимцева болела голова, пот струился по всему телу, в висках стучали кузнечные молоты, а на душе было тревожно и тягостно — нелегкие думы и вопросы без ответов не оставляли его ни на один миг.

Родимцева беспокоил вопрос, как связаться с Мансуром, который оказался с другой стороны городской стены, чтобы он открыл калитку в стене, как и обещал. Григорий уже разглядел маленькую дверцу, скрытую за кустами на противоположной стороне крепостного рва, но этой калиткой, похоже, давно не пользовались. Похоже, что она представляла собой какой-то запасной выход ко рву. Но для чего именно такой выход мог использоваться, оставалось непонятным. Насчет Мансура Родимцев очень надеялся, что парень сам даст о себе знать. Если, конечно, будет жив.

Еще Григорий не знал, сможет ли на самом деле изменить соотношение сил, создав огнестрельное оружие. Даже если он сделает пушки и мушкеты, то сумеют ли они остановить Бейбарса? Гришу терзали сомнения, но он все-таки решил что-то предпринять. Да и не хотелось ему прослыть необязательным пустобрехом в глазах графа Ибелина. Раз обещал продемонстрировать образец нового оружия, значит надо делать и показывать графу.

Спустившись с минарета, Родимцев оказался на кривой улочке, часть которой, ведущая в сторону городских стен, была перегорожена наспех сделанной баррикадой, которую охраняли сержанты, вооруженные арбалетами. Подобная картина наблюдалась и на всех соседних улочках захваченной крестносцами части Тибериады. Сарацины все еще сохраняли контроль за несколькими кварталами, расположенными снаружи городских стен.

От здания мечети Григорий повернул в противоположную сторону. Он шел на звук ударов туда, где уже расположилась полевая кузница тамплиеров. Крепкий парень, кузнец Дюбуа, всюду орудовал своим молотом, заняв помещение одной из городских кузниц, откуда сарацины сбежали за городские стены при приближении христианского войска. Кузница оказалась брошена вместе со всем оборудованием. С наковальней, с тисками, с мехами для раздувания огня и даже с небольшой плавильной печью. В наличии имелся не только весь инструмент, включая сверла и напильники, но и много металлических заготовок.

Кузнец сразу узнал командира отряда и учтиво поздоровался. Гриша не стал говорить парню, что именно собирается изготавливать. Он просто выдал ему пергамент с эскизом небольшой простейшей пушечки, но пока не объяснил, для чего подобная штука нужна. Впрочем, кузнец и спрашивать не стал. Потому что приказ командира отряда не подлежал

обсуждению.

Григорий задумал еще начертить подробные чертежи заготовок, необходимых для того, чтобы собрать мушкет с кремниевым замком. Родимцев рассудил, что ради достижения скорейшего прогресса в оружейном деле, этап начального развития огнестрельного оружия следует пропустить. Никаких самопалов, петриналей, склопеттов и прочих малоэффективных ручных бомбард, которые изготавливали два века подряд, он делать не собирался, да и аркебузы с тлеющим фитилем тоже никуда не годились. Тем более неприемлемым представлялся Родимцеву колесцовый воспламенительный механизм. Потому он и решил сразу попытаться изготовить кремниевое ружье. Только вот предстояло выкроить немало времени для изготовления подробных чертежей, чтобы кузнец смог сделать все необходимые детали спускового механизма. А пока пусть умелец сосредоточится на примитивной пушке, в которой и частей-то нет, кроме канала ствола, запального отверстия и простого лафета.

В том, что отрядный кузнец сможет изготовить примитивную гладкоствольную пушечку и даже сделает это довольно быстро, Григорий не сомневался. А уж картечь для выстрела тоже найти совсем не трудно. Хотя мелкие камушки использовать. Но, без пороха пушка стрелять не будет. Вот в чем главная проблема. Стояла задача изготовить порох, а с этим пока имелись вопросы. Где взять селитру и серу в Тибериаде? Впрочем, быть может, в городе имеется какой-нибудь алхимик, обладающий всеми необходимыми компонентами? Это Григорию предстояло выяснить в самое ближайшее время. Потому что Родимцев твердо решил поставить на вооружение собственного отряда огнестрельную артиллерию. Приняв должность командира, он уже получил возможность не дожидаться милости от сильных мира сего, а начинать действовать в нужном направлении самостоятельно. И почему бы не начать перевооружение прямо с отряда тамплиеров?

Сделав заказ кузнецу, Родимцев направился к берегу озера, туда, где сержанты ордена тамплиеров устроили водопой для лошадей. Григорий подошел к своему расседланному коню, который жадно пил воду из озера. Перед ним раскинулась водная гладь Галилейского моря, которое Родимцев помнил на картах двадцать первого века, как озеро Кинерет. Водоем славился питьевой водой хорошего качества.

Григорий смотрел вдоль городских стен на северо-западный берег озера, где возвышались два больших холма, называемые Рогами Хитина. Там наверху в нескольких километрах от озера когда-то состоялась печально знаменитая битва крестоносцев с армией Саладина. В тот раз крестоносное войско, движущееся на Тибериаду со стороны Акры, в такую же жару не сумело дойти до воды. И это предопределило печальный исход сражения. Следствием поражения стал захват Саладином Иерусалима. А все из-за того, что питьевая вода в этих засушливых жарких краях является важнейшим стратегическим ресурсом. Без доступа к воде в этих краях сражаться чрезвычайно трудно. И ни в коем случае нельзя планировать сражение. Победить, не имея достаточного количества воды, почти невозможно, потому что и люди, и кони постоянно теряют жидкость, потея на жаре, и очень хотят пить.

У самой озерной воды все-таки было чуть менее жарко, чем в душном воздухе кривых городских улочек. И Родимцев присел в тени чахлой ивы на какой-то большой камень, оставшийся от старинной разрушенной постройки. Их лежало много у самой воды. Кресты, выбитые на этих камнях, говорили о том, что когда-то на этом месте находилась не то церковь, не то просто часовня, которую разрушили завоеватели. Какой-то сарацинский лучник пустил в сторону Григория с южной башни стрелу, но она бессильно воткнулась в песок, не долетев метров пятнадцать. Орденские сержанты, организовывая водопой, предусмотрели возможность вражеского обстрела, правильно определив безопасное расстояние.

Вдалеке начали раздаваться глухие удары. Это заработали катапульты осаждающих, бьющие по району городских ворот, расположенных в центральной части стены. За это время к христианам подошла пехота, надежно защитив все подходы к катапультам со стороны осажденных. И сарадины не рисковали делать вылазки. Скорее всего, они надеялись на прочность стен и ждали подмогу за которой уже были посланы корабли, отчалившие от городских причалов. Так что расслабляться не представлялось возможным.

Отдохнув несколько минут, Григорий поднялся с камня, внезапно вспомнив, что даже не позавтракал. Погладив боевого коня и оставив его заботам сержантов, он направился в расположение отряда. По его приказу братья-рыцари заняли здание постоянного двора, расположенного на въезде в город с юга, рядом с той мечетью, которую капелланы спешно переделывали в церковь. В постоялом дворе он прошел в трапезную, где сержант-кашевар выдал ему горячую арабскую лепешку и полную глиняную миску с овсянкой, густо приправленной трофейным изюмом, что было просто роскошью по нынешним временам, когда вокруг имелось столько голодающих и пострадавших от войны.

Бойцы отряда частично уже поели. Но несколько братьев-рыцарей еще сидели над своими мисками в просторном зале. Только Родимцев уселся на лавку за длинный деревянный стол и начал деревянной ложкой есть вкусную кашу, как подошел оруженосец и

сообщил, что пойман какой-то важный сарацин и другие знатные пленные. И в отряде ожидают решения командира о том, что с этими людьми следует делать.

— Давай их прямо сюда по одному. Допрошу, пока ем. Только толмача из наших, который знает сарацинский язык, тоже приведи, — приказал Родимцев.

Первый пленный, которого звали Гюлен Бодар оказался местным купцом. Это был полный бородатый мужчина с пухлыми щеками, одетый в зеленый халат и тюрбан такого же цвета. На ногах его красовались мягкие кожаные туфли с длинными носками, загнутыми кверху. Рядом встал по стойке «смирно» сержант-полукровка по имени Жан, хорошо знающий язык и обычаи сарацин.

— Переведи ему, чтобы рассказывал, чем занимается и как может быть полезен христианам, — дал указания Грегор Рокбюрн.

Толмач перевел сказанное командиром отряда пленнику. И тот начал говорить. А сержант переводил.

— Я купец. Мне принадлежит вот этот постоянный двор, который вы захватили. Я много чего знаю, но пока вы не дадите мне гарантии, что будет возвращена моя собственность, ничего говорить не собираюсь, — важно сказал сарацин, гордо выпятив вперед толстое брюхо.

Родимцев, прищурившись, оглядел купчину, потом спросил:

— А если я дам тебе такие гарантии, то что ты интересного расскажешь?

— Например, у меня есть сведения о той армии, которую за городскими стенами ждут на подмогу, — сказал купец.

Командир отряда тамплиеров кивнул и проговорил:

— Отлично. После того, как закончится война, постоянный двор будет возвращен собственнику. Но без возмещения ущерба. Даю слово тамплиера. Так что скажешь?

— Из города на корабле послали гонцов, которые передадут в Дамаск и дальше султану Бейбарсу, что Тибериада в осаде и просит помощи, — поведал купец.

— Тоже мне секрет, это я и сам знаю, — усмехнулся Григорий. Он попросил толмача перевести купцу, что это не является тайной, а гораздо больше интересуют сведения о количестве, качестве и расположении сарацинских войск внутри города.

Но, ничего внятного, кроме того, что было и так известно от тех же госпитальеров и от Мансура, купец сообщить не мог. Остальные пленники, торговцы из продуктовых лавок, оказались еще менее информированными. Допрашивать таких пленных казалось пустой тратой времени. Один был торговцем оливковым маслом и оливками, другой продавал изюм и финики, третий специализировался на разных сортах орехов.

За беседой с пленными Гриша благополучно доел свою кашу и отставил в сторону миску, собираясь распорядиться, чтобы пойманных купцов пока держали под охраной на случай возможного обмена на пленных христиан. Имущество пленников, конфискованное по законам военного времени в их лавках, мешки с изюмом и орехами, а также емкости с оливками и маслом уже отдали на кухню отряда для пополнения рациона воинов ордена Храма. Грегор Рокбюрн мог бы, конечно, приказать вздернуть нехристей на дыбе и поджаривать им пятки, выпытывая сведения о тайниках с золотом, серебром и драгоценностями, но как же тогда христианская добродетель? Потому ничего подобного Григорий, конечно, не сделал.

Он уже собирался подняться из-за стола и уйти из трапезной, когда неожиданно привели еще одного задержанного, которого представили, как факира, пироманта и

продавца шутих. Одетый в длинный полинялый плащ, когда-то красный, высокий мужчина лет пятидесяти, обросший длинными волосами, седыми усами и курчавой бородой был худым и загорелым, а его руки с длинными пальцами хранили следы ожогов. По виду он больше напоминал уроженца Индии, чем сарацина. Личность этого человека сразу заинтересовала Родимцева. Но, еще большее внимание привлек такой знакомый запах пороха, исходящий от незнакомца. Потому Григорий сразу сел обратно и продолжил допрос.

Выяснилось, что чутье не подвело Родимцева. Пленник на самом деле оказался иностранцем, уроженцем Индии Раджем Мугди. И он был настоящим факиром, странствующим аскетом, фокусником, глотателем и выдувателем огня, а также заклинателем змей. Так он сам говорил о себе, признавшись, что покинул Индию два десятка лет назад и с тех пор зарабатывает на жизнь, давая огненные представления, отлавливая змей, изготавливая и продавая хлопушки и бенгальские огни.

Григорий никак не ожидал встретить на окраине Твери такого удивительного человека. Родимцев даже разнервничался. Пробарабанив пальцами по столу какую-то навязчивую мелодию из двадцать первого века, он проговорил:

— Так, так. На ловца и зверь бежит. Путешествующий артист огненного шоу, значит? Похоже, что ты то мне и нужен, любезный. Как раз для организации большого огненного представления. А ну-ка, показывай, где склад с твоим реквизитом? Надеюсь, что не разочаруешь меня.

Грегор Рокбюрн немедленно сам пошел за пленником, готовым показать свой склад и инвентарь, лишь бы его поскорее оставили в покое эти суровые христианские воины, так неожиданно вторгшиеся в город. Григорий дал распоряжение переводчику и еще двум сержантам следовать за собой. На всякий случай, ибо дело пахло настоящей военной тайной, которую следовало надежнейшим образом охранять.

Они прошли за постоялый двор в кривые и узкие улицы окраины. То были самые настоящие средневековые трущобы, где весь воздух пропитался смрадом и зловонием сточных канав и помоек. Следом за факиром они нырнули в какой-то захламленный запущенный дворик, в котором никого не было, прошли его насквозь, потом протиснулись сквозь заросли олеандра, поднялись на маленький холмик и оказались возле развалин какой-то старинной каменной постройки. Что это был за дом, понять не представлялось возможным, потому что весь верх сооружения отсутствовал, а остался лишь фундамент, растрескавшийся и весь заросший кустами и лианами. Но под ним уцелел подвал, куда и повел Григория факир.

По древней каменной лестнице с обломанными кое-где ступеньками они спустились в подземный коридор, свет в который просачивался сверху из щелей в растрескавшемся фундаменте. Здесь даже сохранились фрагменты штукатурки, когда-то расписанной вычурными узорами с растениями и животными. Но, понять всю картину по ее остаткам не представлялось возможным. Наконец они дошли до ржавой решетки с толстыми прутьями, перегораживающей проход. Впрочем, то была решетчатая дверь с замком, ключ от которого оказался висющим на шее факира.

С ужасным скрипом старая решетка открылась, и они оказались в довольно просторном зале, своды которого поддерживали перекрещенные арки, опирающиеся на мощные столбы. Свет в это помещение проникал сквозь два маленьких зарешеченных окошка, находящихся под самым потолком. По стенам стояли большие черные сундуки. А у противоположной стены на самодельной столешнице из досок, положенных на козлы, находилась настоящая

химическая лаборатория с удивительными керамическими тиглями, колбами и ретортами, со ступками и весами. Что-то тут было похожее на самогонный аппарат, а в большом глиняном кувшине с крышкой обнаружился самый настоящий спирт. Во всяком случае, на это указывал характерный запах. В дальнем углу на одном из сундуков располагалась постель хозяина помещения.

Грегор Рокбюрн приказал открыть сундуки и не ошибся. Перед ним в небольших деревянных коробочках внутри сундуков был складирован самый настоящий готовый порох, а также его отдельные компоненты: сера, селитра и угольный порошок. Родимцев сразу прикинул, что этого небольшого порохового склада на первое время хватит для осуществления планов. Помещение оказалось выбранным удачно, располагалось вдали от посторонних глаз и было достаточно сухим.

Родимцев отобрал у факира ключ, взял его себе, запер железную решетку и распорядился установить возле важного объекта круглосуточный караул. Самого же индийского актера отвел обратно в постоялый двор, где велел посадить под домашний арест в одном из помещений, надежно охранять и хорошо кормить до особого распоряжения. То был пока самый важный пленник, услуги которого в скором времени понадобятся, потому что запасы пороха, разумеется, придется пополнять. Но, сначала предстояло сделать и опробовать огнестрельное оружие.

В первый день осады Тибериады не принесла желаемого эффекта. Противник отнюдь не выглядел деморализованным ударами катапульта. Да и стены пока крепко держались. Если что от них и откалывалось, так только незначительные кусочки камня на самом верху. Более того, ближе к вечеру сарацины предприняли кавалерийскую контратаку на позиции катапульта. И из пяти им удалось даже одну разрушить до того, как конница Монфора отбросила атакующих обратно к городским стенам. А на следующее утро контратака повторилась, правда, не столь успешно. Противника благополучно отбросили копейщики, охраняющие катапульты.

И все равно, враг совсем не выглядел сломленным. Сарацины даже попытались высадить в ночи десант с рыбацких лодок в районе расположения госпитальеров, но были отбиты. Только на участке тамплиеров пока, к счастью, ничего не произошло. Осада продолжалась в прежней поре. У осаждающих сил для штурма не имелось, а осажденные не могли организовать должное противодействие, чтобы попытаться осаду снять. Да они и не особенно спешили, надеясь на то, что Бейбарс достаточно быстро пришлет городу помощь.

Используя свободное время, Григорий спешно рисовал чертежи и таблицы для наведения, срочно вспоминая химию, баллистику и оружейное дело. К полудню следующего дня ему доложили, что кузнец закончил работу с заказом. А потому Родимцев поспешил в кузницу. Результатом работы парня он остался доволен. Перед ним на настоящем деревянном лафете, оборудованном прицельной перекладиной, стояла самая настоящая пушка. Получилось нечто вроде небольшой кулеврины, напоминающей уменьшенную копию горной гаубицы середины девятнадцатого века. Только довольно короткий ствол был выполнен не из бронзы, а из мягкого железа и снаружи имел шестигранную форму. Зато калибр в два дюйма при толстых стенках ствола выглядел достаточно убойным.

Дюбуа высверлил и обработал канал ствола достаточно аккуратно. Запальное отверстие тоже соответствовало чертежу. Конечно, очень повезло, что в захваченной кузнице имелась железная заготовка нужного размера и даже подходящие сверла, а также примитивный сверлильный станок. Но и парень, разумеется, очень постарался. И Родимцев дал ему

серебряную монету, пока никто не видел. Такая пушечка, хоть и казалась небольшой, но, при правильном подборе заряда, могла наносить достаточно серьезный урон живой силе противника, пусть пока и на не очень далеком расстоянии.

— Я не знаю, для чего вам такая штукавина, мессир, но я старался, как мог. Спасибо большое, что оценили мой труд, — сказал парень, пряча монету в карман своего кожаного фартука.

— Если "штуковина", как ты выразился, хорошо сработает, то заказов будет много, — сказал Григорий, внимательно рассматривая обрезки железа, являющиеся отходами кузнечного производства. Потом добавил:

— И вот еще что. Собери мне вот эти небольшие кусочки металла, которые валяются на полу, в отдельный мешочек. Я заберу чуть позже вместе с изделием.

Примерно рассчитав заряд, Родимцев вернулся на затрофеенный пороховой склад и взял оттуда нужное количество пороха. Порох у индуса оказался довольно примитивным, дымным и представлял собой отнюдь не гранулы, а мякоть, подверженную накоплению атмосферной влаги. Технологию предстояло совершенствовать. Тем не менее, порох был самым настоящим.

Первое самодельное взрывное устройство Григорий испытал прямо в заброшенном дворе рядом со складом индуса, прихватив заранее с собой зажженную медную масляную лампу. Он сделал тлеющий фитиль из скрученного куска материи и, отойдя на достаточное расстояние, осуществил первый подрыв. Оглушительный хлопок заставил вздрогнуть сержанта, стоящего возле погреба в карауле. Он немного задремал на посту, разморившись на жаре, и начал клевать носом. Потому ничего и не понял. А Родимцев, между тем, улыбался своему удачному эксперименту. Теперь ему оставалось испытать оружие в деле. Григорий приказал сержантам выносить пушку из кузницы и послал гонца на другой конец осадного лагеря за графом Ибелином.

Когда граф Жан Ибелин прибыл в расположение храмовников, все уже было подготовлено для демонстрации нового оружия. Пушку установили на самой окраине города, на пустыре за постоянным двором, занятым тамплиерами, в двух десятках метров напротив мишени, деревянного щита, сделанного из толстых досок. Граф предоставил коня в распоряжение оруженосца, а сам внимательно осмотрел изделие. Потом, потрогав пушку, спросил:

— Это, как я понимаю, оно и есть, то самое новое оружие?

— Так точно, ваша светлость. Это орудие называется пушкой, — кивнул Грегор Рокбюрн.

— Напоминает просто какую-то трубу, установленную на подставку. Признаться, я пока не представляю, как оно работает, — заметил граф.

— Орудие способно выбрасывать с большой скоростью заряд под действием пороховых газов, создавая значительную убойную силу. А подставка, называемая лафетом, позволяет осуществлять прицеливание, — объяснил Григорий назначение конструкции.

— И все равно, пока я не совсем понимаю, как такая небольшая железная труба может создавать большую убойную силу, — недоверчиво проговорил Ибелин.

— Конечно, монсеньор, лучше один раз увидеть, чем много раз услышать, — кивнул Родимцев, зажигая фитиль от масляной лампы.

Раздался грохот, пушка выстрелила, и деревянный щит, выставленный в качестве мишени, разнесло в щепки шрапнелью. Граф инстинктивно зажал уши и даже присел. Ибелин и все остальные присутствующие при испытании, знаменосец тамплиеров, оба капеллана, оруженосец графа и орденские сержанты в неподдельном недоумении долго пялились на разбитый щит-мишень и на дымящуюся после выстрела пушку. В воздухе повис запах пороха. Наконец, граф пришел в себя и произнес:

— Вот это да! Такого увидеть совсем не ожидал. Вы меня действительно сильно удивили, Грегор!

— Это пока еще малокалиберный пробный вариант артиллерийского орудия. Что же касается боевого применения артиллерии, то возможности этого оружия очень велики. Сейчас выстрел был произведен зарядом железной картечи. Такой заряд эффективен против вражеской пехоты и кавалерии, потому что дает достаточно большую площадь поражения. А если применить пушки побольше и цельные снаряды достаточного калибра, то можно разрушать каменные здания целиком за один залп, — объяснил Григорий.

— Иными словами, это оружие для метания металлических предметов россыпью или целиком? — уточнил граф.

— Совершенно верно. Пушки предназначены для поражения снарядами или картечью живой силы и укреплений противника на расстоянии, — кивнул Родимцев.

— Действие немного напоминает катапульту. И далеко ли бьет подобное орудие? — поинтересовался граф.

— Вот эта маленькая пушка способна эффективно поражать противника на расстоянии сотни шагов. А если сделать нормальную достаточно большую пушку с хорошей длиной канала ствола, то можно без труда бить по противнику с расстояния в милю, — ответил Гриша.

— Ну и дела! Это может очень многое поменять в военном искусстве! — воскликнул Жан Ибелин.

— Так и есть, монсеньор. Артиллерия будет настоящим богом войны, — согласился Грегор Рокбюрн.

— Это просто невероятно! — не переставал восхищаться граф. Потом добавил:

— А нельзя ли произвести испытания непосредственно по неприятелю?

— Конечно, ваша светлость, — согласился Родимцев и дал команду сержантам.

Из этих бойцов прямо на глазах рождался новый род артиллерийских войск. Выполняя приказ, четверо из них подхватили орудие, а еще двое подняли зарядный ящик со всеми необходимыми принадлежностями и поволокли все в сторону городской стены. Для такого случая Григорий уже заготовил импровизированные снаряды из круглых камней подходящего размера.

Наконец пушку перенесли и установили на позицию напротив стены там, где находился водопой. Григорий самостоятельно зарядил орудие и выставил нужное возвышение ствола. А сержант поджег фитиль, после чего пушка выстрелила, заставив лошадей, пасущихся неподалеку на кромке озерного берега, испугаться и громко заржать. Тщательно прицелившись, Григорий сумел метким выстрелом сбить с южной городской башни один из зубцов. А когда он разлетелся от точного попадания, то осколки его поразили, как минимум, двух вражеских лучников.

— Это просто удивительное оружие, — похвалил граф, увидев еще одно испытание пушки и ее смертоносное действие.

— Да. Такого пока нигде в мире нет, — согласился Гриша.

— Даже на востоке? Я слышал, что монголы уже применяют нечто подобное, — засомневался граф.

— Нет. Монголы всего лишь используют тот же принцип, но настоящих металлических орудий у них пока не имеется и еще долго не будет. Они применяют лишь деревянные пушки, которые, разумеется, не идут ни в какое сравнение даже вот с этим примитивным изделием, которое наскоро изготовил наш кузнец, — пояснил Родимцев.

Ибелин спросил:

— Грегор, а сколько подобных орудий понадобится для того, чтобы снести преграду, подобную городской стене Тибериады? И сколько нужно выставить пушек против, например, полтысячи кавалеристов?

— С двадцатью трехдюймовыми орудиями создать серьезный пролом в толстой городской стене можно меньше, чем за день обстрела. Что же касается применения против кавалерии, то, стреляя картечью и правильно расположив пушки на поле боя, можно добиться впечатляющего успеха. Только понадобится не менее четырех сотен пороховых зарядов и полсотни обученных артиллеристов. Причем, каждый артиллерист должен быть стойким бойцом, готовым отразить вражеский прорыв к позициям пушек. А еще лучше расположение артиллеристов защитить мушкетерами, которые, стреляя из мушкетов, не подпустят к нашей артиллерии врагов, — ответил Родимцев.

— И, разумеется, понадобятся ресурсы, — проговорил граф.

— Так точно, ваша светлость. Ресурсов для изготовления понадобится немало. Но результатом станет создание настоящей артиллерии, которой пока нет ни у кого в мире, и с помощью которой мы малым числом победим многочисленных врагов, — сказал Грегор Рокбюрн.

Григорий произвел еще пару выстрелов. Враги на городских стенах, почувствовав на себе действие нового оружия осаждающих, попрятались. Завершив испытания нового оружия и оставив всех остальных рассматривать пушку, командир отряда и граф прошли в помещение, расположенное на втором этаже постоянного двора, занятого тамплиерами. Их уход даже не заметили, потому что кроме тех, кто на испытаниях присутствовал, на звуки выстрелов сбегалось множество любопытных, которые обступили орудие плотной толпой и все норовили его потрогать.

В покоях хозяина гостиницы Родимцев оборудовал свой штаб. Просторная комната оказалась богато обставленной мебелью из ливанского кедра. В углу теперь стояло знамя «Босеан», а на столе лежали чертежи и расчеты, которые сделал Григорий гусиным пером на трофейном пергаменте, для чего ему заново пришлось научиться писать чернилами. Да так, чтобы не проставлять кляксы.

— Итак, что же нужно для перевооружения войск на это новое оружие? — задал вопрос граф, усевшись в тяжелое деревянное кресло с высокой резной спинкой и внимательно разглядывая чертежи, разложенные на столе.

Григорий попытался ответить, начав рассказ со своих полезных трофеев, найденных на окраине осажденного города:

— Изготовление первой пушки стало возможным лишь потому, что мы здесь по соседству захватили кое-что подходящее. Взяли отличную сарацинскую кузницу, в которой обнаружилась железная заготовка нужного размера в виде достаточно длинного и толстого бруса. Наш орденский кузнец лишь придал ей шестигранную форму, высверлив канал ствола и запальное отверстие по моему чертежу. Ну, и изготовил простейший лафет. Так что это пока всего лишь штучное ремесленное изделие. Еще мне удалось задержать одного человека, факира, уроженца Индии, который умеет изготавливать порох. В подвале у этого иностранца обнаружился настоящий пороховой склад. Вместе эти находки и позволили сделать первую пушку.

Но, для того, чтобы оснастить артиллерией всю армию, понадобится организовать настоящее потоковое производство. Нужны будут не кузницы, а фабрики, где изготовление огнестрельного оружия пойдет поточным методом. Для убыстрения процесса изготовления понадобится сделать много чего. Причем такого, что пока еще свет не видывал.

Нужно создавать рудники с вагонетками для большего объема добычи руды, нужно сделать плавильные печи, литейные цеха, паровые машины, прессы и обрабатывающие станки. Еще не помешало бы заводской конвейер организовать с работой в три смены. А сами пушки лучше пока отливать из бронзы, потому что она не ржавеет и легко обрабатывается. Колокола, насколько мне известно, успешно отливают. Значит, смогут отливать и пушки.

— О многом из перечисленного я даже никогда не слышал, — признался Жан Ибелин. Потом добавил:

— Что такое рудники, литейный цех, станки, прессы и обработка я еще представляю, а вот что такое паровая машина, вагонетки и конвейер, представления не имею ни малейшего.

И Григорию пришлось объяснять Ибелину все по пунктам, включая устройство паровой машины. Поняв, что речь идет не только о перевооружении армии, но и о грандиозном промышленном рывке, граф отнесся к словам Грегора очень серьезно, начав записывать на пергаменте все по пунктам. А еще он очень заинтересовался механизмами, приводимыми в движение паром и попросил изобразить их на пергаменте.

— Никогда не подумал бы, что столь молодой человек может столько всего знать. Вы, определенно, очень умны и талантливы, Грегор! — пробормотал граф.

— Так вот, ваша светлость, все перечисленное составляет лишь половину дела и касается только «железа». Но, самое главное для эффективности артиллерии — это создать качественный порох и разработать иные взрывчатые вещества. А тогда можно будет и фугасные снаряды изготавливать, которые не только долетают до противника, но еще и взрываются, попав в цель, — сказал Родимцев, пропустив столь лестный комплимент мимо ушей. Потом добавил:

— А потом изготовим гранаты и минометы с минами. Еще хорошо бы обзавестись оптическими приборами для наблюдения и наведения.

— А это еще что? — заинтересовался Жан Ибелин.

После чего Григорию пришлось объяснять графу не только назначение миномета, но и основы оптики. К счастью, Ибелин, действительно, оказался достаточно умен и схватывал новые знания буквально на лету. Вскоре их беседа приобрела вполне прагматичный характер делового совещания руководителей проекта. А обсуждение огнестрельного оружия плавно перетекло с технических деталей на смету и организационные моменты. Нужны были не только опытные мастера, производственные площади, но и материалы, которые требовалось доставлять издалека. Например, металлосодержащую руду и уголь для ее выплавки.

Граф согласился с Родимцевым и в том, что пока не стоит «городить огород» с изготовлением более сложных мушкетов, имеющих спусковой механизм и кремневые замки, а лучше сосредоточиться на производстве простеньких, но эффективных пушек и гранулированного пороха к ним. Для совершенствования пороховой смеси понадобятся алхимики, которых Родимцеву предстоит переучить на химиков-технологов производства взрывчатых веществ. И создать химическое производство. Ну и, разумеется, нужно в самое ближайшее время начинать обучение первой роты артиллеристов.

Граф быстро увлекся новыми идеями. Он уверял, что привлечет к работе каждого своего человека и не пожалеет денег ради такого перспективного дела. А еще Ибелин прекрасно понимал, что все новые оружейные секреты предстоит держать в строжайшем секрете от посторонних, иначе, если сведения о новом оружии получит Бейбарс, то все усилия пойдут прахом. Султан отличался коварством, а его шпионы имелись в армии христиан. Только скрытность изготовления и внезапность применения пушек могла остановить армию мамелюка.

Потому они с графом решили организовать еще и настоящую службу безопасности. Решений приняли много, а вот ресурсов пока имелось в их распоряжении маловато. Находясь возле Тибериады, граф был оторван от своих владений в Яффе и на Кипре. А Грегор Рокбюрн располагал только орденом отрядом и имуществом захваченного пригородного района. Впрочем, городское предместье с южной стороны Тверии оказалось не самой бедной добычей. В полное распоряжение командира отряда храмовников попали постоянный двор средних размеров, небольшая мечеть, отлично оборудованная кузница, продуктовые лавки и их склады, да к тому же озерный берег с рыбацкой деревенькой, расположенной дальше к югу.

Вышло так, что на время осады Тибериады Григорий Родимцев получил власть и ресурсы, присущие, скорее, феодалу средней руки, нежели бедному рыцарю Храма Соломона. Ведь он теперь совмещал и функции военного коменданта занятой территории в пару кварталов. И все те, кто там проживали, вынужденно подчинялись его распоряжениям.

А противник не предпринимал ничего, чтобы противостоять оккупантам на этом участке, потому правление пока протекало спокойно.

После того, как с производством пушек все решили и обговорили детали, граф Ибелин пригласил Грегора Рокбюрна на обед в свой лагерь. Но, Григорию пришлось вежливо отказаться от приглашения, потому что намечалось очень важное мероприятие, связанное с деятельностью ордена. После трапезы капеллан Годфруа собирал в мечети, заново освященной и наскоро переделанной в церковь, полевой капитул. Все братья-рыцари явились на собрание, облаченными в черные монашеские балахоны. Брат Годфруа читал молитву, а все братья, повторяя за ним слова, опустили на колени.

Когда Годфруа закончил молиться, второй капеллан начал вопрошать всех присутствующих по очереди про грехи, совершенные за время, прошедшее с предыдущего подобного собрания. И братья рассказывали каждый о своем прегрешении, не стесняясь других. Больше всего это напоминало коллективную исповедь в группе у психиатра. Высказались о своих мелких грехах все братья. Григорий тоже. Послушав, какую чушь несут остальные, обличая собственные пороки, он озвучил грех чревоугодия, объявив, что сатана прельстил его кашей с изюмом, а он не удержался и съел ее всю. Впрочем, капелланы оказались настроены благожелательно. Мелкие грехи они всем отпустили, а наказание никому не назначили, потому что серьезных прегрешений озвучено никем не было. После чего снова все братья помолились и начали готовиться к серьезному делу, поскольку должен был состояться суд над преступником.

Накануне, во время битвы на подступах к городу, к тамплиерам в плен угодил перебежчик, которого пожилой знаменосец сразу узнал. То был некий Раймунд де Руэрг, который предал братство, перейдя несколько лет назад на сарацинскую сторону. Он принял ислам и получил имя Дауд Аль-Зенги. Это был тот самый умелый боец, с которым дрался Григорий. И теперь пойманного предателя предстояло осудить. А суд храмовники вершили между собой сами.

Когда молитва закончилась, братья-рыцари вышли из помещения для молитв в соседний двор, где находился вероотступник, прикованный цепью к стене. Они встали полукругом и замерли в ожидании. Главным свидетелем и обвинителем выступал пожилой знаменосец, который хорошо знал перебежчика, когда-то служил вместе с ним. Он пристально смотрел на предателя, и его суровый взгляд не предвещал ничего хорошего, а сам знаменосец казался свирепым и страшным воплощением гнева Господня.

— Господь милосерден, он прощает почти всех, но Иуду Он не простил, — прозвучали в тишине слова знаменосца.

Суд над предателем начался. Как удары бичей хлестко звучали вопросы двух капелланов, и не было внятных ответов на них. Речь шла о том, какие блага получил перебежчик за свое предательство.

— Раскаиваешься ли ты в своих деяниях и признаешь ли Иисуса Христа Господом?

— Нет, — сказал приговоренный, гордо подняв голову, — я не раскаиваюсь, и умру с именем Аллаха.

— Но, почему? — недоумевал знаменосец.

— Потому что вы, храмовники, живете как собаки, а я изведаль жизнь настоящую. У меня было четыре жены, я оставил пятерых наследников, у меня был прекрасный дом с садом, и я не жалею, что принял ислам, — сказал перебежчик.

— Раз так, то место твое в аду, вероотступник, — сделал вывод знаменосец.

После этого все взоры обратились на Грегора Рокбюрна. Принимать решение должен был командир отряда. Он спросил каждого из братьев-рыцарей, считает ли он предателя виновным. И все они ответили утвердительно. Не было ни одного, кто бы засомневался. И Григорий вынес свой вердикт:

— Виновен!

После чего он спросил братьев:

— Какое наказание выбираем для вероотступника?

— Смерть предателю! — хором отозвались все. И ни один из братьев-рыцарей не возразил.

Все высказали единое мнение. Орденский приговор обжалованию не подлежал. Григорий кивнул и отдал приказ. Двое дюжих сержантов, стоящих в карауле, быстро подошли и подтащили приговоренного к деревянной колоде, стоящей тут же во дворе. Все замерли в ожидании. Опять же, пристально глядя на командира. Когда еще один сержант принес и подал ему меч, Родимцев понял, что он должен делать еще и работу палача. Он крутанул клинок в руке, и металл заискрился на солнце. Плечи и голову приговоренного опустили на твердую древесную поверхность. Григорий знал, что не может позволить себе проявить слабость перед братьями по ордену в столь решительный момент. Потому он рубанул мечом с размаха и одним резким ударом снес преступнику голову. Кровь брызнула фонтаном. Тело несколько раз дернулось в руках сержантов и затихло. Песок вокруг плахи быстро впитывал красное.

Создание службы безопасности Грегор Рокбюрн и Жан Ибелин наметили, но воплотить этот замысел так и не успели, потому что слухи расползлись слишком быстро. Испытания нового оружия сразу же привлекли ненужное внимание. Всему виной, в первую очередь, явился тот самый грохот, который производила пушка во время выстрелов. Поскольку такого странного звука люди раньше никогда не слышали, желающих узнать причину явления набралось с избытком. Любопытные сбежались со всех сторон. И, разумеется, разного рода шпионы не остались в стороне.

Уже к вечеру весть о новом громовом оружии разнеслась по всей той части города, которую взяли крестоносцы, осаждающие крепость Тибериаду. И, конечно же, о том, что тамплиеры где-то раздобыли непонятное новое оружие, стало известно влиятельным людям. Еще не наступило время ужина, а в расположение храмовников приехал сам барон Монфор в сопровождении командира отряда госпитальеров. Причем, кроме оруженосцев, их никто не сопровождал.

Они спешили у коновязи того самого постоянного двора, в котором разместились тамплиеры. Оставив оруженосцев присматривать за конями, оба командира поднялись на второй этаж. Конечно, Грегору Рокбюрну об их неожиданном прибытии вовремя доложили бдительные сержанты. Потому Григорий совсем не удивился, когда к нему вошли столь высокие гости, желая поговорить без свидетелей. Настроены они были решительно и перешли сразу к делу.

— До нас дошли слухи, что ваше братство раздобыло какое-то неизвестное оружие большой разрушительной силы, — сразу перешел к делу Арман де Бланшфор, едва переступив порог штаба Грегора Рокбюрна.

— О чем это вы? — попытался Родимцев сыграть под дурачка.

— Не отпирайтесь, мессир Рокбюрн, мой человек собственными глазами видел, как вы с графом Ибелином сегодня стреляли по Южной башне из какой-то грохочущей трубы, — поддержал госпитальера Филипп Монфор.

Действительно, отпираться представлялось Григорию бессмысленным и безнадежным. Потому он кивнул и пробормотал:

— Да, было дело. Не знаю, что там вам доложили, но это пока всего лишь испытания. Они не совсем успешны.

— У нашего братства в Тибериаде много глаз. И от них не укрылось, что вы запускали чем-то в стены с такой силой, что раскалывались камни, а лучников на башне раскидало в стороны, — сообщил Бланшфор.

— Те, кто рассказал вам об этом, все-таки сильно преувеличивают. Пока мы испробовали просто увеличенную шутиху. Большой убойной силы еще не достигнуто, — продолжал прибедняться Григорий.

— Что-то для шутихи слишком громко прогремело, даже я слышал раскаты, находясь на другом конце города, — высказался барон Манфор. Потом потребовал:

— А покажите-ка нам эту свою шутиху, мессир Рокбюрн!

Врать становилось бесполезно. Но, у Григория появилась мысль, как можно использовать любопытство этих командиров христианского войска. В конце концов, они в борьбе с султаном Бейбарсом и сарацинами тоже являлись заинтересованными лицами. И

почему бы тогда не заинтересовать их тоже скорейшей победой при помощи артиллерии? По крайней мере, участие этих господ в проекте поможет собрать больше ресурсов для строительства пушек. Вот только, как на это посмотрит граф Ибелин? Не сочтет ли предательством? Впрочем, выбирать не приходилось, раз уже к стенке приперли, то приходилось рисковать. Да и не скрыть уже пушку, раз ее уже все заметили. И, в конце концов, война с Бейбарсом для всех крестоносцев общая. Рассуждая так, Родимцев кивнул и повел важных персон к водопою, где до сих пор под охраной стояло орудие, спрятанное под чехлом из куска парусины от посторонних глаз.

— Вот, полюбуйте. Даже разрешаю потрогать, — сказал он незванным гостям, когда сержанты по команде убрали парусину.

— И что же выдает эта труба? — поинтересовался Бланшфор.

— Она может стрелять, — лаконично ответил Родимцев.

— И как далеко стреляет? И чем? — спросил Монфор.

— Лучше я покажу, — сказал Григорий и приказал сержантам заряжать.

Они, похоже, уже пристрастились к ремеслу канониров. Во всяком случае, по указанию командира тамплиеров пушка была сержантами тщательно почищена после стрельбы и готова к следующему боевому применению. Когда служивые все приготовили, засыпав в ствол заранее отмеренное Родимцевым количество пороха и дослав снаряд, Гриша сам нацелил орудие и поджог фитиль, произведя выстрел. Грохот огласил окрестности. Небольшое ядро врезалось в городскую стену, разбрызгав каменную крошку и оставив после себя заметную лунку. Командир госпитальеров и барон были ошеломлены. Они не знали, что и сказать.

Монфор высказался первым:

— Ничего себе шутиха!

А Бланшфор пробормотал:

— Дьявольское оружие, раз серой пахнет. Да и едкий дым источает. Где же благочестивые братья Храма взяли такое непотребство?

— Я не вижу ничего дьявольского в том, чтобы убивать врагов, — возразил барон. И тоже спросил:

— Откуда у вас, мессир Рокбюрн, такое оружие? И почему оно пахнет серой?

— Это мое собственное изобретение, — сказал Родимцев без лишней скромности. И добавил:

— Называется сие «артиллерийское орудие» или по-простому «пушка». А серой пахнет потому, что она содержится в порохе, который нужно поджечь, чтобы произвести выстрел. Пороховые газы выталкивают снаряд из ствола.

— Интересную вещь вы придумали, — похвалил Монфор.

— И, заметьте, монсеньор, весьма полезную, — пропиарил Родимцев самого себя, не собираясь ни с кем делиться славой изобретателя огнестрельного оружия. Он прекрасно понимал, насколько важен такой «патент» для всего дальнейшего развития исторического процесса.

Командир госпитальеров сразу позавидовал и сказал:

— Надо еще разобраться, одобрит ли подобное святая церковь.

— Возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется, что сотня таких шуковин вполне способна разнести городскую стену, которая перед нами, — проговорил барон, не слушая госпитальера.

Родимцев кивнул:

— Можно сделать пушку и гораздо больше, которая будет способна проламывать стену с одного выстрела.

Барон благожелательно подтвердил:

— Мысль очень интересная.

На что Бланшфор пробормотал:

— Может быть, против стен ваша пушка и подойдет, но против кавалерии, по-моему, вещь совершенно бесполезная.

— Вовсе нет, и я вам сейчас это продемонстрирую, — сказал Гриша и приказал сержантам заряжать картечью.

Когда очередной щит, установленный в двадцати шагах, разлетелся вдребезги, барон воскликнул:

— А ведь это очень серьезно! С полусотней таких штуковин можно остановить клин тяжелой конницы, несущийся в атаку!

— Но, все равно, в большом сражении толку от этих ваших пушек будет мало, потому что они, как я понимаю, тяжелые и малоподвижные. Да и заряжают их долго. Может быть, первый ряд вражеской атаки эти пушки и снесут, но следующая волна кавалерии их разнесет. Да и хорошего коня убить гораздо труднее, нежели человека, — скептически высказался Бланшфор.

— Опыт применения артиллерии показывает, что против конницы нужно применять батареи на эшелонированных позициях. Например, пока первый ряд стреляет, второй в это время наводит и готовится к стрельбе, третий заряжает пушки, четвертый ряд прочищает стволы и так далее. Огонь ведется волнами. И получается, что артиллерия действует в бою без перерыва, сметая противника, — объяснил Родимцев.

Барон и госпитальер вылупились на него, открыв рты. Наконец, Монфор прервал немую паузу:

— Так у вас, молодой человек, уже, как я понимаю, имеется и опыт боевых действий с подобными орудиями? Может быть, расскажете, где вы его получили?

Григорий понял, что сболтнул лишнее. Пришлось изворачиваться:

— Далеко на востоке живут китайцы, которые давно применяют подобные орудия. Только их пушки деревянные, они сделаны из бамбука. Так вот, один старый странствующий пилигрим рассказывал мне, что у них применяется именно такая тактика.

Неожиданно барон проговорил:

— Похоже, мессир Рокбюрн, такое оружие — это именно то, что нам сейчас нужно для победы над Бейбарсом.

Барон Филипп Монфор, как человек, опытный в военном деле, сразу оценил возможности нового оружия по достоинству. Что же касалось командира отряда госпитальеров, то он только позавидовал изобретательности Грегора Рокбюрна. И потому никак не хотел признавать необходимость в пушках. Монфор же, будучи человеком весьма неглупым, задал вполне уместный вопрос:

— Как я полагаю, мессир, сама пушка — это, все-таки, просто металлическая труба, сделанная особым образом. Тут все дело, конечно, в той самой взрывающейся смеси, которую следует закладывать внутрь для производства выстрела. Не так ли?

Григорий не стал лукавить. Он честно сказал:

— Вы полностью правы, монсеньор. Рецепт хорошего пороха и правильный расчет

заряда составляют тайну этого оружия. И, пока что, знаю эту тайну только я один и не собираюсь никому ее раскрывать.

— Даже ради Христа? — спросил госпитальер.

— Именно ради Христа и Храма эта тайна будет принадлежать нам, тамплиерам. И никому более.

— И вы хотите скрыть важнейшую тайну нового оружия от остальных христиан? Но, это же произвол! — возмутился Арман де Бланшфор.

— Почему же? Вы же говорите, что новое оружие всего лишь простая металлическая труба. Вот и делайте такие трубы себе за свой счет. Мы же обеспечим вас порохом и рассчитаем заряды. Но, делиться секретом пороха не собираемся. Милостью Божьей егс имеет право производить только наше братство. И вам следует с этим смириться, — заявил Грегор Рокбюрн, рассчитывая установить монополию тамплиеров над производством пороха.

Монфор сверкнул глазами. Слова тамплиера ему совсем не понравились.

— Что вы возмнили о себе, молодой человек? Сделались командиром орденового отряда и уже думаете, что высоко поднялись? Скрываете от добрых христиан секрет нового оружия и думаете, что можете говорить от имени всего вашего братства? Неужели вы считаете, что у меня недостаточно влияния, чтобы убрать вас с такой незначительной должности? Хотя бы ради того, чтобы вы чрезмерно не возгордились. Для вашего же блага. Ведь гордыня — это грех. И она не совместима с вашим статусом бедного рыцаря. А то скоро, страшно подумать, возмните себя еще и Великим магистром. Такого допускать я не собираюсь. И при первой же возможности позабочусь о том, чтобы более высокопоставленные храмовники приняли меры, определив вам то место, которое вы заслуживаете, — пригрозил барон.

Но, Родимцев не испугался угроз барона, он был настроен решительно, продолжая гнуть свое:

— Я обязан действовать в интересах нашего ордена. А потому не собираюсь посвящать в тайну пороховой смеси никого, кроме оружейников нашего братства. И я имею на это полное право.

— Еще неизвестно, одобрит ли такое оружие святая церковь? — проговорил Бланшфор, ухмыльнувшись.

Обиженные гости развернулись и уехали. Только тут Григорий ясно осознал, что нажил себе очень влиятельных врагов. Но, ничего изменить он не мог, потому что тайной пороха делиться, действительно, не собирался. К тому же, он не хотел терять расположение Жана Ибелина. Григорий быстро написал письмо, запечатал его восковой печатью и послал гонца, чтобы сообщить графу о состоявшемся разговоре с важными лицами, чтобы Ибелин не подумал, что Григорий собирается действовать за его спиной.

В сущности, весь спор о секрете пороха пока не имел под собой серьезного основания. Конечно, Родимцев знал пропорцию и умел высчитывать мощность зарядов, но никакого собственного порохового производства у него пока не имелось. Все, что у него было, так это запасы пленного факира, и больше ничего. И, если он намеревался поскорее оснастить войска крестоносцев артиллерией, то порох требовалось срочно начать изготавливать в достаточных количествах. Но, допросив факира, Родимцев выяснил только то, что свои порошки индеец покупал в Дамаске у купцов, а те получали товар, заказывая его тем караванщикам, которые ходили по Шелковому пути на восток до самого Китая. Значит, все

производство пороха предстояло организовать с нуля. Нужны были работники и селитряницы достаточно большой площади.

Вроде бы для создания черного пороха требовалось не так много: селитра, сера и древесный уголь. Но, Родимцев знал, что не все так просто. На протяжении эпохи пороха постоянно шел поиск оптимальных технологий. Каждая страна использовала сырье с местными особенностями, потому порох разных производителей сильно различался нюансами составов. Для разных сортов использовались различные пропорции главных компонентов. И все это влияло на свойство пороховой смеси.

С серой все более-менее было ясно. Ее добыли еще с античности. А потому каких-то особых трудностей с ее получением Григорий не предвидел. В конце концов, ее можно было выпаривать из воды серных источников, которые имелись в Израиле. Например, серу можно получать на Мертвом море. Подходящий уголь еще предстояло научиться получать. Ведь некачественный угольный компонент сильно засорял ствол при выстреле. Потому уголь следовало тоже подбирать тщательно. Не каждую древесину на этот уголь можно было пустить, потому что содержание в нем смол должно быть минимальным. Но, вроде бы, лучше всего подходили ольха, крушина и ива. А ивы росли прямо тут, возле озера. Надо только научиться обжигать равномерно, в процессе вращения. Эту технологию тоже еще только предстояло внедрить. Но, Родимцев надеялся, что все же, наладить подобный процесс не составит большого труда. А вот с производством селитры придется повозиться.

Ближайшие месторождения селитры находились в Египте. Так что рассчитывать на них мог султан Бейбарс, а никак не крестоносцы. Значит, им придется получать селитру самим, потому и нужно создавать селитряницы, как можно скорее. Для целей войны это должны быть довольно обширные производственные площади, исключенные из оборота земель и расположенные подальше от населенных пунктов по причине не только взрывоопасности, но и ужасающей вони.

В селитряницы требовалось свозить навоз и прочие отбросы, мешать с золой, а потом поливать мочой. И делать все это в промышленных масштабах, да еще и следить за тем, чтобы сырье не уходило в почву, например, вместе с дождевой водой. Причем, даже при соблюдении всех условий, сразу селитра не получится, нужно ждать, когда компостная масса перегниет и лишь затем пускать ее в переработку выпариванием. Ждут год, не меньше, а из сотни тонн исходного вонючего сырья при такой технологии получается не больше пары тонн селитры. Да и для организации хотя бы одного подобного завода нужно иметь подсобные животноводческие хозяйства, которые и будут производить те самые навоз и мочу. Понадобятся телеги для перевозки, налаженная логистика и множество работников.

Весь необходимый производственный цикл до готовой селитры организовать в средневековое время представлялось очень непростым делом. Особенно, когда вокруг шла война. Григорий, конечно, надеялся, что граф Ибелин нечто подобное создать сможет. Но, все решало время. А его почти не имелось. Потому что Бейбарс вовсе не дремал. Скоро он расправится с армянами Киликии и снова обрушится на христиан Леванта.

Пытаясь найти решение, Родимцев вспомнил про выгребные ямы и ассенизаторов. А что и те, и другие имелись в предместьях Тибериады, он не сомневался. К тому же, на окраинах и в пригородах размещались скотные дворы и конюшни. Учитывая все это, Грегор Рокбюрн вызвал нескольких сержантов и приказал немедленно организовать соответствующую инспекцию всех отхожих мест и компостных ям. Он предполагал выявить и собрать всю селитру, имеющуюся в окрестностях.

Родимцев интриганом не был. Но то, как повели себя барон Монфор и командир госпитальеров, увидев пушку, явно показывало ему, что интриг избежать не удастся. Начиналась опасная политическая игра. И ставка в ней была высока. Потому что речь уже шла о том, какое место в иерархии, складывающейся вокруг обладания новым могущественным оружием, займет он сам. А от его собственного положения с этого момента действительно зависел весь дальнейший ход истории. Пойдет ли Левант крестоносцев путем прогресса, сможет ли противопоставить армии Бейбарса пушки? Или же все останется так, как оно и было до этого дня? Потому что в этот день впервые было успешно испытано огнестрельное оружие. А это означало, что мир уже изменился.

И конечно, с этого момента Родимцев чувствовал себя в ответе за происходящее. Ведь первую пушку продемонстрировал именно он. А обладание секретом грозного оружия налагало и ответственность. Григорий, как человек, имеющий чувство долга и справедливости, больше не мог позволить себе расслабиться и плыть по течению событий, в ожидании, когда недоброжелатели построят козни против него. Он решил действовать на опережение. Едва оба знатных визитера уехали, как Грегор собрал в своем штабе сторонников и объявил о своем намерении установить монополию ордена тамплиеров над производством пороха.

Конечно, после испытания пушки, все в руководстве отряда хотели знать секрет нового оружия. Они уже собирались требовать объяснений от молодого командира, когда он сам опередил их, вызвав для беседы о новом необычном громовом оружии. Присутствовали знаменосец и оба капеллана, которые и были главными людьми в отряде храмовников после Грегора Рокбюрна. Пригласив их на совещание, Родимцев по праву главного занял единственный стул с высокой резной спинкой, который находился в штабе возле большого стола, заваленного пергаментными листами и картами.

Помещение на втором этаже постоянного двора, бывшее жилище его хозяина, конечно, не выглядело роскошным и не рассчитывалось для светских приемов, но вполне подходило для выбранной роли временного командного пункта орденового отряда. Взгляд знаменосца скользил устало и немного растерянно. Он не ожидал, что создание нового оружия, о котором уже говорил с ним командир, окажется столь быстрым делом. Пожилой знаменосец устроился в углу на неудобном громоздком табурете под израненным в боях черно-белым орденовым знаменем «Босеан». Этот ветеран в белом плаще, лицо которого покрывали не столько морщины, сколько шрамы, приготовился внимательно слушать, потому что новое оружие сильно заинтересовало и его.

Капелланы же уселись на скамье, расположенной вдоль стены на фоне выцветшего гобелена, изображающего сцены войны, какое-то из многочисленных сражений крестоносцев и сарацин. Взгляды обоих священнослужителей, людей, обыкновенно, сдержанных на эмоции, выражали на этот раз нетерпение и любопытство. Прежде, чем ввести собравшихся в курс дела, Родимцев пространно объяснил, что новое оружие, которое они испытали сегодня, является той самой силой, способной изменить расклад балансов во всем мире и не только военных, но и политических.

— Я так понимаю, что металлический пушечный ствол изготовить не так уж и трудно? Но, если я не ошибаюсь, то особенно важен именно порох? — проговорил знаменосец.

Григорий кивнул:

— Да, так и есть. Без пороха ни одна пушка не выстрелит, оставшись лишь бесполезным куском металла. Поэтому мы и должны сделать все возможное, чтобы тайна пороховой смеси не вышла дальше нашего круга.

— Это очень важное открытие для всего нашего братства. Но, мы пока не представляем, что такое эта взрывная смесь и из чего она делается? А потому я бы попросил просветить нас. Ведь, если только один человек знает тайну, то есть вероятность, что эта тайна может в любой момент умереть вместе с ним. А от нескольких посвященных избавиться гораздо труднее. Потому, брат Грегор, я советую поделиться секретом с нами. И пусть с этой минуты нас свяжет это знание. Мы же станем тем внутренним кругом, на поддержку которого вы всегда сможете рассчитывать, — сказал капеллан Годфруа.

Григорий согласился с такими доводами и рассказал про порох, его компоненты и технологию изготовления. Не забыл он сказать и о том, что Монфор и командир госпитальеров уже угрожали ему. На что Годфруа успокоил:

— Я занимаю достаточно высокое положение в Тайном капитуле нашего братства. И буду противодействовать всем интригам этих двоих, будьте уверены. Имею я и связи в канцелярии Великого магистра. Я немедленно напишу ему письмо об этом чудесном изобретении, сделанном вами, молодой человек. Так что беспокоиться нет причин.

— У меня тоже есть кое-какое влияние среди ветеранов нашего братства, — сказал знаменосец.

— А у меня налажены контакты с высокопоставленными представителями католической церкви, — поддержал второй капеллан.

Так они и создали внутри ордена тамплиеров тайное Братство Пороха, решив, что, если кому и раскроют секрет, так только графу Ибелину. И то лишь в обмен на спонсирование порохового производства. Письмо, посланное графу, возымело действие. И уже к вечеру он прислал Грегору Рокбюрну целую делегацию, куда входили мастер-литейщик и мастер-алхимик. А главное, оруженосцем графа Григорию из рук в руки был передан увесистый мешочек с золотыми монетами на предстоящие производственные расходы. Что сразу же поспособствовало началу бурной деятельности.

Весь следующий день прошел в суете. Благо, осада продолжалась в прежней поре. Кроме обстрела городских стен катапультами, ничего не происходило, что и давало возможность как Родимцеву, так и всем остальным из нового порохового братства заниматься делами. Если в качестве предприятия по выпуску оружия подошла уже имеющаяся кузница на городской окраине, где была изготовлена первая пушка, то производство пороха надлежало организовать в гораздо более уединенном месте. И тут помогло то обстоятельство, что к югу от города, там, где из озера вытекала речка Иордан, находилось большое скотоводческое хозяйство, где сарацинские крестьяне выращивали коров. По праву завоевателей, они могли просто вырезать хозяев и забрать себе собственность, но вместо этого злодейства Григорий просто выкупил ферму у хозяина за несколько золотых монет. Там и решили сделать первую селитряницу, а также построить пороховой заводик.

Кроме того, Родимцев на деньги графа организовал службу ассенизаторов, оснащенную бочками на телегах, которая занялась осмотром всех выгребных ям, конюшен и скотных дворов на предмет наличия селитры и с целью ее сбора. Мастеру-алхимику было дано задание осваивать получение селитры путем выпаривания, а также заняться добычей серы и

изготовлением угля из ивы. Только для литейщика работы пока не имелось, потому что сначала требовалось доставить металл для последующей плавки и заливки в формы. Сами же формы для литья пушек Григорий изобразил на чертежах со всеми подробностями. В заботах остаток дня быстро прошел.

А уже ближе к ночи, после вечерней трапезы, когда все бойцы, свободные от караульной службы, уже укладывались спать, произошло еще одно событие. Когда стемнело, в расположении тамплиеров появился Мансур, да не один, а с двумя пленниками. Причем, никто не понял, откуда он взялся. Оказалось, что парень даже не вышел из той самой потайной дверцы, которая находилась возле южной башни на другой стороне рва, как это предполагал Родимцев, а сделал еще лучше, разведав подземный ход, который вел из основания башни прямо в подвал постоянного двора, где располагался штаб тамплиеров.

И это давало прекрасные шансы на внезапный штурм города. До этого весь день со стороны лагеря Монфора грохотали катапульты, кидающие в стены Тибериады увесистые булыжники. Но, успехами осаждающие едва ли могли назвать те несколько каменных зубцов, которые удалось сбить с верхней части крепостной стены за целый день обстрела. Мансур же за эти дни провел подробную разведку, благодаря которой не только узнал расположение сил противника внутри городских стен, но и обнаружил потайной ход. Оказалось, что парню удалось втереться в доверие к начальнику караула южного участка обороны, а тот приказал Мансуре взять двоих солдат и возглавить расчистку подвала южной башни от разного хлама, скопившегося там за долгие годы, именно ради того, чтобы найти там старый подземный ход, по которому сарацины намеревались просочиться за городские стены для того, чтобы внезапно напасть на осаждающих и снять осаду.

Мансур вместе с сарацинскими солдатами заброшенный ход нашел. И сразу же приказал идти по нему, а потом, когда они, пройдя под землей ниже уровня городского рва, вылезли через подвал постоянного двора прямо в расположение тамплиеров, он тут же оглушил обоих бойцов. Ход проходил на достаточной глубине и был построен так искусно, что воды из озера не затапливала его. По-видимому, этот проход был построен в незапамятные времена. Ведь башня много раз перестраивалась. Теперь же это важное открытие Мансура позволяло произвести незаметное перемещение войск внутрь города. И, конечно, первыми ворваться в Тибериаду должны были храмовники. Григорий понимал, что такая атака, если ее осуществить, сильно поднимет престиж отряда. Причем, действовать нужно было быстро, пока тот самый начальник караула южного участка стены не хватился Мансура. И Родимцев принял решение атаковать.

По приказу Грегора Рокбюрна весь лагерь в постоянном дворе пришел в движение. Братья-рыцари и сержанты, только что улегшиеся спать, снова вскакивали по тревоге, заново облачались и хватали оружие. Они приготовили и факелы. В полной темноте, как сказал Мансур, предстояло пройти шагов триста. Конечно, Григорий отдавал себе отчет, что его поспешное решение могло показаться опрометчивым. Все-таки Мансур был перебежчиком, который вполне мог заманить храмовников в ловушку. Но, Родимцев почему-то не сомневался в парне. Интуиция подсказывала, что ему вполне можно верить. А Григорий своему чутью доверял. Да и понимал он, что боевых действий без риска и не бывает. Потому, взяв на себя эту ответственность, он пошел за Мансуром впереди своего отряда, приказав остальным следовать поодаль. Он надеялся, что, если они идут в ловушку, то успеет подать сигнал и задержать атакующих для того, чтобы остальные успели отступить обратно по подземному ходу.

Грегор Рокбюрен повел за собой на это опасное дело лишь десять самых лучших бойцов. Следом за Мансуром они прошли сквозь подвал постоянного двора, где в дальнем конце оказались припрятанными за перегородкой, возле которой громоздилась старая сломанная мебель, большие бочки с вином, хотя, вроде бы, сарацины вино не пили. А за последней бочкой в углу имелась маленькая дверца. Такая низкая, что приходилось нагибаться, чтобы протиснуться в проем.

За порогом во тьму спускались ступеньки узкой каменной лестницы. Неверный трепещущий свет факела выхватывал из темноты низкий свод арочного потолка. Судя по тому, что камни были обработаны очень тщательно, строился этот тайный ход, наверное, еще при царе Ироде. Причем, им, похоже, продолжали пользоваться. Во всяком случае, никакой вековой паутины нигде не виднелось. Наверняка, хозяин постоянного двора про этот ход знал, да и передвигался по нему, как по кратчайшему пути к центру города, но не выдал его тайну тамплиерам. Как, впрочем, ничего не сказал и о своих запасах вина. Да и с чего бы стал говорить? Его же никто не приказывал пытаться. А с помощью человеколюбия и вежливого обращения чужие секреты не выведает. На войне мягкость проявлять не следует даже в мелочах.

Ход шел под уклон и спускался все ниже. Через сотню шагов с потолка начала капать вода, а стены сделались осклизлыми от влаги. Похоже, что они проходили под городским рвом. Впрочем, даже в этом месте вода не скапливалась под ногами, а уходила между камнями пола куда-то еще глубже. Наконец, они благополучно миновали мокрое и самое низкое место, после чего тоннель начал подниматься. Еще через сотню с небольшим шагов, факел в руке Мансура высветил впереди проем выхода. И они благополучно выбрались в просторное круглое помещение подвального этажа башни, цоколь которой покоился на больших базальтовых блоках. Тут вдоль стен тоже громоздилось немало мусора, но только бочек с вином не имелось. Хлам казался бесполезным, хотя среди строительного мусора, прогнивших досок, остатков мебели и какого-то тряпья виднелись даже рваные кольчуги, проржавленные до дыр шлемы и сломанные копья на гнилых древках с ржавыми наконечниками.

— Оставайтесь здесь. Скоро сменится караул. Тогда я уберу нового часового и можно будет начать действовать. Ждите, — сказал Мансур и начал подниматься на следующий ярус башни по винтовой лестнице, расположенной в середине башни и проходящей сквозь перекрытия вдоль центральной колонны.

Двигаясь по такой винтовой закрученной лестнице, тот враг, которому приходилось подниматься снизу, не имел возможности для того, чтобы размахнуться мечом, потому что справа была стена, а слева ему мешала массивная каменная колонна. И им, оказавшимся в роли самых настоящих захватчиков-диверсантов, приходилось надеяться на сарацинского парня и ожидать в неизвестности. Но оружие, на всякий случай, приготовили все.

Под самым потолком имелось узкое окно, похожее даже ни на обычную средневековую бойницу, а, скорее, на пулеметную амбразуру, расположенную под самым основанием башни параллельно земле. И оттуда снаружи доносились какие-то звуки. Несмотря на позднее время, сарацинский гарнизон Тибериады не спал. Григорий забрался на кучу хлама и осторожно выглянул в амбразуру, откуда открывался вид на хорошо утрамбованную песчаную тренировочную площадку, вокруг которой горели костры. Толщина башенной стены позволяла ему оставаться незамеченным.

На краю площадки стояли столы с разложенным на них оружием: с копьями, саблями,

булавами и топорами. Тут же лежали кольчуги, шлемы, щиты, гамбезоны, плащи и еще какая-то одежда. А посередине молодые парни, вроде Мансура, обнаженные, в одних набедренных повязках, заменяющих им трусы, дрались друг с другом, разбившись на пары, учебным деревянным оружием. Бойцы двигались умело, отрабатывали как защиту, так и атаки, ловко переходя от одной боевой стойки в другую и перемещаясь с хищной грацией тигров. И каждый из них обладал отменной реакцией. Они вели свой учебный поединок под присмотром нескольких седых ветеранов, которые давали советы, время от времени что-то выкрикивая, а иногда даже показывая какие-то движения.

То, похоже, тренировались мамелюки. И эти ребята пока вовсе не желали идти отдыхать. Впрочем, тренировались они в некотором отдалении от башни, да и снаружи нее. А значит, пока никакой опасности для диверсантов-храмовников они не представляли. Родимцев засмотрелся на тренировку этих бойцов, обладающих довольно совершенной культурой движений. Он даже залюбовался этими учебными поединками. Хотя, разумеется, перед Григорием были враги, и он это четко понимал.

Прошло какое-то время. И главный старик выкрикнул какую-то команду, после которой парни прекратили сражаться, положили деревянное тренировочное оружие, весело заголосили и пошли в сторону озера, чтобы совершить вечернее омовение. Вскоре они начали возвращаться мокрые и веселые. А старики-инструкторы подавали им настоящие полотенца, после чего парни надевали свежие набедренные повязки, а после полностью облачались по-боевому. Вскоре они уже начали расходиться. Вместе с ними уходили и старики. А Мансур все не возвращался.

Мансур появился внезапно, весь окровавленный. Но, то была кровь караульных, находившихся на постах, когда он их тихонько зарезал по одному. Сам же оруженосец не получил никаких ранений. Ему помогло выполнить задуманное то обстоятельство, что на каждом уровне укрепления дежурил лишь один страж. Поняв, что путь свободен, Григорий дал команду, и тамплиеры двинулись в покои башни. Она была широкой и просторной. Взойдя наверх по винтовой лестнице, при свете факелов они искали затаившихся врагов, но нашли лишь трупы тех четверых сарацинских воинов, кого прикончил Мансур.

В башне находился большой запас оружия и доспехов. Но, кроме военного снаряжения, больше ничего интересного не нашлось. Поднявшись на дозорную площадку, Грегор Рокбюрн осторожно выглянул из-за каменных зубцов. Перед ним в ночи расстился обширный крепостной двор, все еще подсвечиваемый догорающими кострами и обнесенный каменным забором. Он, как уже выяснилось, предназначался для тренировок воинов-мамелюков.

Дальше располагались и казармы, где жили воины. Этот участок тянулся вправо и доходил до берега озера, воды которого поблескивали при свете луны. Слева еще одна каменная стена отгораживала другой участок. За стеной начинался какой-то обширный сад с множеством деревьев. Дальше уходили кривые и узкие улочки внутреннего города. А за ними в отдалении на холме виднелись в лунной ночи силуэты стен и башен цитадели, резиденции местных правителей.

Тщательно обыскав башню, тамплиеры собрались внутри нее, в зале под дозорной площадкой. И знаменосец спросил:

— И что будем делать дальше? Попытаемся захватить пару соседних башен?

Но, Грегор Рокбюрн лишь отрицательно покачал головой:

— Ни стоит. Я думаю, что нас все равно заметят, потому что на соседних башнях тоже есть караулы. Но лучше, если это произойдет немного позже. А пока пошлем гонца. Пусть он вернется по подземному ходу и приведет подкрепление. Графа Ибелина о нашем замысле проникнуть в крепость я поставил в известность заранее. Только я думал, что проникнем через калитку рядом с рвом, а получилось даже лучше. Поэтому будем ждать, когда граф приведет сюда свою пехоту и предупредит всех остальных командиров христианского войска. Тогда мы и ударим из башни. А пока наберемся терпения, затаимся и подождем.

И храмовники приняли решение ожидать в тишине. Они не разговаривали друг с другом, напряженно вслушиваясь в темноту и пытаясь высмотреть что-нибудь важное через бойницы. Подошло время вечернего намаза, и на минаретах мечетей запели муэдзины. Жители города и сарацинские воины, свободные от караулов, отправились совершать молитвы. А гонец, посланный за подкреплениями, все не возвращался. После напряженного ожидания, наконец, снизу доложили, что в подземном ходе слышен топот.

Через какое-то время башню заполнили полсотни пехотинцев. И привел их лично граф Ибелин. Он и изложил план, который ему удалось согласовать с Монфором. План состоял в том, что воинство барона вскоре начнет неожиданный штурм главных ворот, а когда к воротам сбегутся основные силы защитников городских стен, храмовники и люди Ибелина неожиданно атакуют из башни и займут часть города. Им нужно будет только удержаться на занятых рубежах, в то время, как сквозь подземный ход начнут подходить подкрепления.

— Как думаешь, Грегор, такой план сработает? — спросил граф.

Родимцев ответил честно:

— Не знаю, монсеньор. Они могут понять, что ночная атака лишь отвлекает их.

— Ну что ж, вот и посмотрим, — резюмировал Ибелин. Он приказал своим людям приготовить оружие. И вскоре после завершения молитвы, когда пение муэдзинов прекратилось, а сарацины начали расходиться с городских улиц, собираясь лечь спать, со стороны главных ворот послышался многоголосый рев:

— Монжуа!

И крестоносцы барона Монфора пошли на приступ главных ворот. Такой поворот событий застал сарацин врасплох. Они совсем не ожидали ночной атаки. Они надеялись, что христиане не рискнут штурмовать город в темноте. Конечно, они считали городские стены достаточно надежной защитой. Но, все знали и то, что город у озера уже много раз переходил из рук в руки. И разные завоеватели владели Тибериадой за ее длинную историю. Кроме городской стены и внутренней цитадели, каких-либо серьезных укреплений в городе не имелось. А потому защитники всей толпой ринулись на тот участок стены, где располагались главные ворота, и угроза прорыва неприятеля казалась весьма реальной.

Со стен и башен, находящихся возле ворот, полетели стрелы. А под большими котлами, стоящими на стенах, подожгли хворост, готовясь лить кипящее оливковое масло на головы штурмующих. Но, вся суета оказалась тщетной. Никто из крестоносцев не смог пробиться к воротам. К удивлению и радости обороняющихся, христиане больше громко кричали, сотрясая воздух и звеня оружием, чем рвались на штурм стен.

— Ну, теперь пришло наше время вступить в бой, брат Грегор! Похоже, что враги поверили в штурм ворот. Значит, будем атаковать! — воскликнул Ибелин, давая команду своим людям выбегать из башни и захватывать примыкающее пространство, включая соседние башни и крепостной двор.

Григорий вторил графу:

— Что ж, битва обещает быть славной, монсеньор. Если только всех нас тут не положат. Но, не должны, потому что Господь за нас!

— За Господа и Храм! — выкрикнул знаменосец, и все остальные храмовники дружно поддержали боевой клич своего братства.

Напора и решимости войска Монфора хватило только на то, чтобы завязать бой с наружным охранением ворот. Впрочем, так и было задумано для того, чтобы избежать потерь при штурме. И все равно, сарацины до самого последнего момента не поняли, что их провели. Купившись на то, что крестоносцы перед воротами продемонстрировали слабость, сарацинские командиры даже начали собирать бойцов в контратаку, когда внезапно им в тыл с южной стороны ударила пехота графа Ибелина совместно с тамплиерами.

К тому моменту христиане без лишнего шума уже заняли еще две соседние башни и обе казармы, внезапно напав на их охрану. Немногочисленных стражников быстро перебили, потому что основные силы, в том числе и обитатели казарм, уже сгрудились возле ворот. Жестокий бой завязался там, когда пехота крестоносцев, проникшая в крепость, с тыла врубилась в ряды неприятеля.

И впереди пехоты сражались в пешем строю тамплиеры вместе с людьми Ибелина. Плечом к плечу с Григорием, слева от него, в самой гуще боя, снова бился и французский рыцарь Бертран де Луарк, который теперь состоял на службе у графа, дав присягу новому сюзерену, как полагается. И он на этот раз был совершенно трезвый. Что стоило

противникам многих потерь, потому что трезвым этот рыцарь сражался значительно лучше многих других.

А справа от Грегора Рокбюрна бился знаменосец и остальные храмовники. Сам граф Ибелин держался чуть позади, отдавая команды. Впрочем, так и надлежало поступать особе столь высокого ранга. Привыкший биться на коне, Жан Ибелин чувствовал себя в пешем бою не слишком уверенно. Он не обладал высоким ростом и мощным замахом. Сражаясь верхом, он больше полагался на выучку своего боевого коня и на точность удара копьем при сшибке с противником, что и выручало графа.

Храмовники же обучались и пешему бою не хуже, чем конному. И они уверенно теснили сарацин к воротам. Тем более, что никакого пикейного заграждения противник организовать не успел. Крестоносцы накинулись неожиданно, атаковав изнутри крепости, откуда сарацинские командиры меньше всего ожидали удара. Потому сопротивление оказалось беспорядочным, и больше походило на свалку. Атакующие действовали стремительно и не дали сарацинам времени, чтобы построиться в боевые порядки. Мамелюки рубились отчаянно, но их сопротивление удалось сломить, когда сзади от захваченной башни подошел отряд арбалетчиков и поддержал наступающих крестоносцев меткими выстрелами.

Защитники ворот дрогнули. Их лучшие воины пали, а остальные под натиском авангарда, построенного в клин и состоящего из храмовников и сильнейших мечников графа Ибелина, начали отступать. Но, окончательно переломить исход боя за обладание воротами помогли христианские копейщики, подошедшие следом за арбалетчиками. Длинные пики воткнулись в оставшихся на пути врагов, и ворота оказались свободными. Вскоре толстые и тяжелые створки, сделанные из ливанского кедра и окованные железом, удалось отворить изнутри. И граф Ибелин затрубил в свой большой серебряный рог, украшенный драгоценными камнями и подвешенный у него на шее поверх доспехов на длинной золотой цепочке.

Услышав сигнал, барон Монфор тоже затрубил в рог. Дав приказ своему войску идти на штурм. И тут уж вся нерешительность слетела с крестоносцев. Тяжелые всадники во главе с самим Монфором ворвались в крепость, сминая ее защитников. Сарацины делали, что могли. Наемники со стен лили кипящее масло, лучники стреляли с башен, а мамелюки отбивались ятаганами еще какое-то время. Еще около часа в ночи при свете костров, факелов, луны и звезд возле ворот раздавались вопли, стоны, гомон дерущейся толпы и звон оружия, но исход схватки уже был предрешен.

Последней точкой битвы стало поспешное отступление командиров с остатками войск от ворот к цитадели, за стенами которой они и укрылись. После этого на городских стенах оставались только отдельные очаги сопротивления. Дольше всего продержалась Северная башня, но к утру и ее удалось взять. Когда солнце встало над Тибериадой, позолотив бликами воды озера, вся городская стена оказалась в руках у крестоносцев.

Хотя немало бойцов пали в сражении у ворот, все выжившие находились в хорошем настроении. Любой солдат в войске, независимо от своего положения, понимал, что победа далась относительно легко. Если бы пришлось штурмовать стены, небольшими потерями отделаться не удалось. Но, полностью наслаждаться победой они тоже пока не могли, потому что городская цитадель, отделенная рвом от остального города, все еще удерживалась сарацинами. И там, за высокими стенами, скрывались городские правители вместе с остатками войск. Хотя весь остальной город достался крестоносцам на

разграбление, чем они пока и довольствовались.

Утром и целый день потом в городе раздавались возмущенные крики хозяев домовладений и лавок, у которых завоеватели отбирали имущество. Кричали и женщины, которых насиловали. Родимцева все происходящее возмущало, но сделать он с этим ничего не мог. Таковы в этом времени были обычаи войны, согласно которым, покоренные города отдавались на разграбление победителям на три дня. И в течение этих трех дней никто из начальства не имел права делать бойцам замечания. А вот после этого срока за мародерство начинали вешать.

Григория несколько успокаивало только то, что его отряд мародерством не занимался. Во всяком случае, братья-рыцари не принимали участие в грабежах и насилиях. Они молились по расписанию, заведенному в братстве, и методично зачищали ту территорию, на которую имели право. То есть, тот самый южный городской район, откуда они и начинали атаку, выйдя из Южной башни. Жители покоренного города встречали их настороженно, но относились терпимо. Сарацины были наслышаны о благородстве тамплиеров. Ходили слухи, что храмовники никого из мирных не убивали и не мучали просто так, но порядок устанавливали железный.

Утром командиры христианского воинства собрались в одной из двух главных башен городской стены неподалеку от ворот. Лица у всех выглядели помятыми, под глазами лежали глубокие тени. Сказывались трудные последние дни и тяжелая ночь, которую многие из них провели в бою и, конечно, совсем не спали. Родимцев тоже чувствовал себя неважно. Он мечтал о том, чтобы выспаться. Ему уже даже приглянулся какой-то симпатичный домик, похожий на небольшой манор, расположенный за стеной фруктового сада недалеко от казарм южного городского района. Там Григорий собирался временно расположить резиденцию ордена. Но самому пока побывать там не удалось, потому что, едва позавтракав, ему пришлось ехать на совещание. К счастью, верный оруженосец Мансур позаботился о том, чтобы коня Антония Грегору Рокбюрну привели вовремя.

Барон Монфор, как всегда, возглавил военный совет. Он говорил, что победа неполная, что сарацинский гарнизон с боем прорвался в цитадель и засел там крепко. И потребуются долгая осада, чтобы выкурить неприятеля. А пока нужно быть готовыми к тому, что сарацины попытаются делать вылазки. Они могут воспользоваться подземными ходами точно также, как сделали храмовники, обнаружив старинный ход и пробравшись под землей в Южную башню, что и помогло захватить город без большой крови. И если тамплиеры нашли этот подземный ход случайно, то уж у местных сарацинских правителей наверняка имеется карта нужных подземелий. А потому нужно самим прочесать все подвалы в городе в поисках таких тайных ходов, чтобы не только воспользоваться ими, а и не допустить, чтобы неприятель опередил. Потому и скорейший штурм цитадели неизбежен. Так считал Монфор.

Жан Ибелин возражал барону, что вряд ли тайных ходов имеется много, а если они и есть, то и местные правители вряд ли знают о них. Иначе не проморгали бы тот подземный ход под Южной башней, использованный храмовниками. Ибелин считал, что сил долго продержаться у противника нет. И потому убеждал присутствующих, что следует немедленно начать вести переговоры о почетной капитуляции остатков гарнизона. Надо дать им шанс не потерять лицо, выйти с оружием из города. И это будет лучше, чем терять людей на штурм цитадели, которая представляла собой крепость гораздо более укрепленную, чем просто городские стены с башнями и воротами, обнесенные нешироким и обмелевшим рвом. В цитадели же стены и башни были крепче и выше, ров, опоясывающий

ее, имел достаточную ширину и полноводность, а вход перекрывал подъемный мост. К тому же, кольцо стен в цитадели было двойным, а высокая и широкая башня донжона представляла собой еще одну крепость внутри крепости. Потому граф убеждал присутствующих, что штурмовать не стоит, а лучше поддерживать осаду, и, в то же время, сосредоточиться именно на переговорах. Такое мнение высказал граф Ибелин.

Командир отряда госпитальеров высказал мысль, что противника из города ни в коем случае выпускать нельзя. Иначе достаточно большая сила потом пополнит армию Бейбарса. И, стало быть, лучше уж долгая осада, чем переговоры с противником, засевшим в цитадели. Плотнo обложить осадой, и пусть сидят так хоть целый год, пока не прикончат все припасы. Так полагали госпитальеры.

Когда эти трое высказались, настало время говорить командиру тамплиеров. Грегор Рокбюрен поднялся со своего места за длинным столом и сказал:

— Я считаю, что барон Монфор прав в том, что касается существования подземных ходов, ведущих в цитадель. Действительно, они вполне могут быть. Город древний, и потому подвалы, конечно, желательнo тщательно обыскать. Заодно, уверен, найдем и много чего интересного, что спрятали там местные жители. Но, я полагаю лобовой штурм очень опасной и неоправданной затеей. Потому я одобряю точку зрения графа Ибелина о том, что переговоры необходимы. Вот только вести их нужно лишь тогда, когда осада будет полной. Пока что со стороны озера мы сарацинам ничем не угрожаем. Они, хоть и отошли в цитадель, но отнюдь не утратили контроль за главными городскими причалами, которые как раз за цитаделью и расположены. И с помощью кораблей к ним могут подвозиться припасы и подкрепления. А потому я придерживаюсь мнения, что нужно, во-первых, окружить цитадель так плотно, чтобы создать угрозу и подходу кораблей к причалам. Во-вторых, нужно вести переговоры. И, в-третьих, необходимо осмотреть все подвалы и разузнать у пленных сарацинских солдат и у местных жителей о подземных ходах и прочих скрытных лазейках в цитадель. Только я опасаясь, что после произошедшего сегодняшней ночью, они будут настороже и постараются не допустить переброски наших сил сквозь подземные ходы.

К удивлению Григория, остальные командиры выслушали его на этот раз внимательно, с серьезными лицами и не перебивали, а барон Монфор не стал орать, вопреки своему обыкновению, а спросил спокойно:

— И как же это вы, Грегор, предлагаете нам создать угрозу для подхода вражеских кораблей к причалам со стороны озера, ведь флота у нас нет? — поинтересовался барон Монфор.

— Я предлагаю воспользоваться артиллерией, монсеньор, и отогнать корабли выстрелами орудий. Возможно, нам повезет, и неприятельский флот понесет потери, — скромно ответил Родимцев, подумав, что, заинтересовав присутствующих осязаемым результатом, таким образом, сможет поскорее организовать производство пушек.

— И сколько этих ваших орудий понадобится для исполнения подобного плана? — поинтересовался граф Ибелин.

— Десяти пушек, думаю, вполне хватит, — произнес Гриша.

— Да не может такого быть, чтобы десятком этих ваших пшикалок, можно было бы разогнать вражеский флот! — усомнился командир госпитальеров.

Но, его осадил Жан Ибелин:

— Не вижу в этом ничего невозможного. Раз одна пушка достаточно эффективна, то десять будут эффективнее в десять раз.

— Вот именно, монсеньор. Вся загвоздка лишь в том, чтобы их изготовить побыстрее, — вставил Родимцев.

Монфор воскликнул:

— Ерунда! Удлиненные железяки с дырками нужного размера сделать не проблема.

— Это так, монсеньор, — согласился Григорий. Но добавил:

— Вот только пороха у меня пока столько нет.

— Так сделайте же этот порох! Что вам мешает? — произнес барон.

— Видите ли, монсеньор, на все нужны деньги. Изготовить порох весьма непросто и затратно. А у нашего братства, которое, как вам уже известно, владеет секретом пороха, денег нет, — сказал Григорий.

— Иными словами, вы просите денег? — прямо спросил Монфор.

— Деньги греховны! И братьям военных орденов запрещено брать деньги! Особенно бедным рыцарям Храма Соломонова! — воскликнул в негодовании главный госпитальер.

Но, Родимцев невозмутимо сказал:

— Я ничего не прошу, а просто сообщаю факты. Рабочим, которые, извините, собирают по выгребным ямам дерьмо, чтобы потом делать из него сырье для пороха, надо платить. Только и всего.

— Так привлечете рабов или пленников, — предложил Монфор.

— Тогда пленники или рабы узнают секрет. И наши враги смогут использовать этот секрет против нас. Потому к производству пороха нашим братством допускаются лишь проверенные работники, которым платят хорошее жалование. И каждый такой работник у нас в братстве имеет особый статус, — важно сообщил Гриша, хотя никаких работников порохового производства у него еще не имелось. Производство пороха он только еще намеревался организовать, но уже решил для себя, что деньги на организацию этого важного

производственного процесса с Монфора неплохо было бы получить заранее.

Впрочем, барона долго уговаривать не пришлось. Он согласился:

— Ладно. Посчитайте смету, а деньги я выделю.

После совещания командиров Родимцев решил неспешно проехаться по захваченному городу верхом. Улочки в Тверии этого времени оказались в некоторых местах настолько узкими, что и два всадника могли разъехаться с трудом. Его высокий боевой конь и белый орденский плащ с большим вышитым красным разлапистым крестом привлекали внимание встречных. И многие приветствовали его.

На городских пространствах все еще царили беспредел победителей и суета грабежей. Потому в жилую застройку углубляться не имело смысла. И Гриша направил коня по самой широкой центральной улице, идущей через площадь к самой цитадели. Там, возле крепости, все еще занятой врагами, под охраной ратников Монфора, наемные итальянские инженеры, захваченные вместе с катапультами у сарацин, собирали свои боевые машины на новом месте, готовясь организовывать обстрел цитадели, в которой все еще сидели враги.

Впрочем, эти примитивные осадные орудия проявили себя в противоборстве с городскими укреплениями не слишком эффективно. Булыжники, запущенные по городским стенам и башням, лишь сломали самый верх укреплений, обрушив защитные каменные зубцы, но причинив незначительные повреждения стенам и башням. И Родимцев предположил, что для того, чтобы с помощью имеющихся катапульти создать в стене пролом, пришлось бы, наверное, обстреливать какое-то одно место на стене не меньше месяца. И то не факт, что обрушение гарантировалось. А подкопать городские стены не представлялось возможным, потому что они упирались своими фундаментами в скальное основание.

Поэтому в том, что крестоносное воинство одержало победу над городским гарнизоном малой кровью, следовало благодарить строителей древнего подземного хода, храброго Мансура и счастливый случай, позволивший ему этот ход обнаружить. После того, как тамплиеры первыми прорвались в город и совместно с пехотой Жана Ибелина отбили главные ворота, самого Грегора Рокбюрна, как командира отряда храмовников, в христианском войске зауважали. Если раньше на него простые солдаты смотрели настороженно, то теперь, проезжая по улицам, Григорий чувствовал искреннее восхищение во многих взглядах. А все часовые на постах отдавали ему честь. Но, самое главное, что сам Монфор впервые согласился с ним и начал разговаривать уже без призрения и угроз, а как с равным.

Наконец, он добрался до того городского квартала южной стороны, который был выделен под оккупацию храмовникам. Теперь в распоряжении Родимцева оказалось довольно обширное городское пространство с большим куском стены и четырьмя городскими башнями, с участком озерного побережья с пляжем и причалами, с казармами и тренировочным плацом, а также с многочисленными городскими постройками, которые еще только предстояло исследовать. Одновременно с этим возникла и новая проблема: людей в отряде теперь явно не хватало для полного установления контроля над захваченной территорией. На это обстоятельство сразу обратил внимание знаменосец, предложив немедленно запросить подкрепление, написав письмо Великому Магистру. Занятие Тибериады являлось серьезной победой, а потому глава ордена отказать вряд ли мог. Хоть кого-нибудь, да придет, а значит, польза для общего дела противостояния сарацинам будет. Потому отправить посыльного с письмом к руководителю ордена Григорий согласился.

Его беспокоило другое. Он опасался, что руководство братства, с большой

вероятностью, придет в Тверию какого-нибудь тупоголового наместника. И тогда создание артиллерии может оказаться под угрозой. А то и вовсе ретивые церковники объявят пушки сатанинскими орудиями и запретят их. Ведь, к этому времени, церковь уже неоднократно предавала анафеме арбалеты. Конечно, здравый смысл всякий раз пробивался наружу из того вороха церковных запретов, в который его пытались спрятать под благовидными предложениями «отцы церкви». Но, сколько жизней на полях сражений стоило то, что крестоносцы долгое время не имели права применять арбалеты, в то время, как те же мамелюки их применяли повсеместно?

Через небольшой промежуток времени конная прогулка закончилась, потому что Григорий подъехал к тому самому манору с красивым садом, в котором пожелал устроить свою резиденцию, дав поручение сержантам обеспечить охрану периметра понравившегося трофейного объекта, перед тем, как направиться на совещание. У высоких двухстворчатых ворот, ведущих в сад, его встретил верный Мансур. И, когда Григорий спешил, оруженосец повел Антония на конюшню, которая находилась рядом, при въезде в манор и уже была занята сержантами ордена, устроившими рядом пост охраны. Но, Родимцев не отпустил парня, а окликнул его, пожелав иметь провожатого, разбирающегося в местных реалиях. Лучшего гида, чем Мансур, конечно, найти было бы очень затруднительно.

Ухоженный сад перед манором с первого взгляда привлек Гришу своим великолепием. Финиковые пальмы, персиковые и абрикосовые деревья, вишни и черешни, инжир и виноград росли вдоль аккуратных аллей, мощенных камнем. Конечно, этому саду было далеко до вычурных ландшафтных садово-парковых изысков более поздних эпох, но, для наблюдаемого исторического периода, сад манора мог гордиться великолепием дизайна. Большой участок дорогой городской земли за высоким каменным забором кто-то обустроил со вкусом.

От ворот дорога шла вверх на небольшой холмик, где и стояло главное здание. Укрепленный особняк, все же, больше напоминал небольшой дворец, чем маленькую крепость. Изящные колонны, вычурные арки и лепнина на фасаде в виде изречений из Корана в сочетании с двумя башенками, похожими на минареты, сразу привлекали внимание. А на лужайке перед зданием даже струилась вода в небольшом фонтанчике.

Григорий поднялся по широкому мраморному крыльцу на высокую террасу перед входом в манор и оглянулся на город. За зеленью сада блестели воды озера, а по обеим сторонам опрарой пейзажу выступала городская стена с зубчатыми башнями. Мансур проследовал за Грегором Рокбюрном и встал рядом с ним, тоже разглядывая великолепную панораму. Родимцев произнес:

— Я в этом месте впервые. Пока нет сражений, нужно осмотреться и организовать отдых бойцам. Сад для отдыха вполне подойдет. Отсюда и вид весьма красивый.

— Мы находимся возле дворца эмира Ибрагима, одного из богатейших людей Тибериады. Он торгует рабами, — сообщил Мансур.

— Гнусный негодяй! Немедленно раскулачить работорговца! — вырвалось у Родимцева слово из далекого собственного прошлого, которое тут было еще более далеким будущим.

— В смысле, побить его кулаками? — не понял Мансур. И добавил:

— Но, это не получится, мессир, потому что эмир уже сбежал из города на своем корабле, едва началась осада, бросив дом и рабов.

Григорий сказал:

— Ладно, тогда бить эмира пока не будем, но вот его недвижимость, в смысле, этот дом

и сад, заберем в доход ордена. И, кстати, а что с теми рабами? Кто их теперь кормить будет?

— Не знаю. После бегства хозяина тут остались женщины из его гарема и несколько стариков-евнухов, — поведал Мансур.

Григорий сообщил парню:

— Это большая проблема. Потому что братья нашего ордена женщин не любят и боятся их. Они считают, что все женщины от лукавого, и многие беды исходят от них. Так что с женщинами поскорее нужно что-то решать.

— Неподалеку есть невольничий рынок. Он пока работает, несмотря на смену власти в городе. Может быть, отвести их туда? — предложил Мансур.

— Даже не знаю. Надо бы на них хотя бы взглянуть. Возможно, сгодятся в качестве работниц на пороховую фабрику, — сказал Родимцев. Организация артиллерии занимала его мысли больше всего. Впрочем, с женщинами он тоже почти не общался с тех пор, как нечаянно оказался в теле Грегора Рокбюрна. А с сарацинками и вовсе общаться ему пока не довелось.

Они с Мансуром прошли во дворец. Резные высокие двери из ливанского кедра оказались не заперты. В этом времени Григорий впервые попал в такой роскошный интерьер. Высокие узкие окна просторного зала сдерживали солнечные лучи и жару, царящую снаружи, но давали достаточно света, чтобы рассмотреть все детали. Мраморный пол украшала мозаика, изображающая растительные узоры, а стены обрамляли галереи из вычурных арок. В некоторых арках между декоративных колонн в больших расписных вазонах росли небольшие пальмы. А в иных располагались двери, ведущие во внутренние покои дворца.

Родимцев поинтересовался, в каком месте хозяин, согласно местным обычаям, должен принимать своих слуг. И Мансур провел его в соседний диванный зал, где вдоль одной из стен находился длинный бардовый плюшевый диван, выставленный буквой «П», уставленный множеством бархатных подушек такого же цвета. Перед большим диваном стояли маленькие столики с вазами, в которых лежали фрукты и восточные сладости, а рядом стояли большие кальяны. На одном из столиков располагалась настоящая шахматная доска с такими знакомыми фигурами древней игры, сделанными весьма искусно. Все окна этого зала украшали разноцветные витражи, изображающие цветущие растения, рассеивающие яркий дневной свет и делающие освещение мягким. Впервые с момента своего появления в этом времени, Григорий по-настоящему удобно уселся и расслабился. Уверенным голосом он приказал оруженосцу:

— Зови их по одной. И пусть без паранджи заходят. Объяви, что я их новый хозяин.

Первой из боковой двери в диванную вошла стройная женщина средних лет в тяжелом длинном платье из зеленого бархата. Ее длинные черные волосы были распущены по плечам. Ее шею, запястья и даже голые лодыжки босых ног, торчащие из-под подола, украшали золотые цепочки, причем, довольно толстые. Она встала посередине комнаты с гордо поднятой головой и пристально рассматривала молодого храмовника в белом плаще, внезапно сделавшегося, по воле судьбы, ее новым хозяином. Ее карие глаза казались задумчивыми и расчетливыми. Ее лицо с крючковатым носом вызывало опасения, а в воздухе витало ощущение скрытой угрозы, словно бы женщина являлась ведьмой или подосланным убийцей. И Родимцев сразу понял, что не понравился ей. Впрочем, чувство антипатии оказалось взаимным.

— Пусть назовет свое имя и положение, — обратился Григорий к Мансуру. Когда

оруженосец, все это время стоящий справа от рыцаря в одной из ниш, перевел, женщина произнесла имя:

— Зухра.

Она добавила еще какую-то фразу, и Мансур пояснил:

— Она говорит, что занимает положение старшей наложницы.

— Все ясно. Пусть уходит. Зови следующую, — сказал Григорий.

И в зал вошла другая бабенка, полноватая и низкорослая с миловидным лицом и каштановыми волосами. Ее большие серые глаза широко раскрылись при виде нового хозяина. Она всхлипнула. И Родимцеву показалось, что женщина чего-то боится. Одета она была в синий бархат, а из украшений носила ожерелье с драгоценными камнями на шее и много колец с самоцветами на пальцах. Представилась бабенка наложницей по имени Фатима.

За ней пришла блондинка лет тридцати, средних габаритов, с голубыми глазами, одетая в платье из серого шелка. Она казалась не менее надменной, чем первая наложница, тоже носила золотые украшения. Но, в отличие от предыдущих, назвалась Стефанией, дочерью христианского рыцаря, какого-то Ангерана де Пюи, захваченной сарацинами еще в детстве. Она говорила на языке франков и требовала немедленно ее освободить. На что Григорий не стал возражать, руководствуясь той поговоркой, что «баба с возу — кобыле легче». Он объявил, что женщина с этого момента свободна и может идти куда захочет. На что хитрая баба потребовала, чтобы тамплиеры выдали ей денежную компенсацию за годы пребывания в сарацинском плену. Но, Гриша не менее хитро предложил:

— Компенсацию можете попросить у святой церкви. Напишите папе в Рим. Мы же уполномочены лишь вызволять пленных. Ну, если просто свобода вас не устраивает, мадам, то можем предложить работу на нашем пороховом заводе с хорошим жалованием.

Рыцарская дочь согласилась подумать над предложением и ушла. Вслед за блондинкой перед Григорием прошли еще четыре женщины не слишком запоминающейся внешности. Наконец, вошла какая-то замызганная девчушка, совсем молоденькая, одетая в невзрачное полинялое тряпье. Эта неожиданно встала перед новым хозяином на колени, да еще и опустила голову.

— Скажи этой замарашке, чтобы встала и назвала свое имя. И объясни, что мне не нужно кланяться, — попросил Родимцев оруженосца.

— Я Юдифь, младшая рабыня, — сказала девушка. Вид у нее был затравленный и загнанный.

— А что, разве бывает и такая должность? — удивился Григорий. Когда Мансур перевел, девушка всхлипнула и пробормотала сквозь слезы:

— Они меня заставляли быть самой младшей, унижали, как могли, потому что я иудейка.

— Ну, тогда я освобожу тебя из соображений человеколюбия. Можешь идти, куда хочешь.

Мансур исправно переводил, потому что иудейка тоже говорила на сарацинском.

— Мне некуда идти. Родители мои и родственники давно мертвы, а наш дом, как и вся деревня, разорены и более не существуют. У меня нет ничего, ни единого золотого колечка и ни одной монетки. Потому, если позволите, господин, я лучше останусь служить вам, — сказала Юдифь.

— Ну ладно, тогда оставайся. Работницы на пороховом заводе нам не помешают, —

согласился Родимцев.

Решив кое-как проблему со статусом трофейных женщин, отпустив тех, кто хотел уйти и оставив тех, кто хотел остаться, Родимцев велел сделать во дворце эмира госпиталь. Ведь с десяток бойцов из его отряда получили ранения в ходе боестолкновений последних дней. А потому они нуждались в лечении и реабилитации. К счастью, тяжелых ранений удалось избежать, и шансы на выздоровление у всех раненых имелись неплохие. Григорий, конечно, не был врачом, но, как человек военный и опытный, он имел кое-какие начальные медицинские познания, позволяющие оказывать первую помощь. Знал он и то, что представления средневековой медицины скорее вредны для пациентов, чем полезны.

Средневековые врачи не слишком преуспели в науке и часто шли в методиках лечения ложными путями. Они не имели достаточных познаний в анатомии. Мало что знали про анестезию. Использовали для лечения ядовитые вещества, например, ртуть, белладонну, сок болиголова или мышьяк. Да и выбор методов и лекарственных средств, был очень скромным. К тому же, положение еще больше усугубилось, когда папа Римский в начале тринадцатого века запретил монахам практиковать медицину, что сразу спровоцировало повсеместный дефицит врачей.

Ведь, если монахов еще можно было назвать относительно грамотными людьми, читающими медицинские трактаты, то самодеятельные медики, вышедшие из фермеров и мясников, грамоте не обучались, действуя, скорее, по наитию, сообразно с традициями и общими тенденциями времени. Такие эскулапы вполне могли ради лечения устроить смертельное кровопускание, а при малейшем ранении руки или ноги запросто отхватывали пациенту всю конечность, дабы заранее избежать гангрены. Но, других врачей вокруг пока не имелось. До рождения знаменитого Парацельса оставалось еще около трехсот лет. Значит, Родимцеву оставалось лишь одно: развивать медицину самостоятельно.

К счастью, в его отряде оба капеллана оказались неплохими целителями. Несмотря на все запреты официальной церкви, медицина внутри ордена Храма, конечно, практиковалась. Во всяком случае, хирургические навыки повсюду применялись для извлечения стрел и зашивания ран, чему Григорий был свидетелем уже не однажды. Кроме того, помогали и особые молитвенные практики, которыми владели капелланы. Но, все это не заменяло антибиотиков. Любое инфекционное заболевание оставалось смертельным. Потому Гриша решил начать выращивание плесени и проведение экспериментов над пациентами с гнойными ранами. Для этой цели и нужен был госпиталь, который должен был, по мысли Григория, сделаться первым научно-исследовательским медицинским институтом. И дом эмира Ибрагима для этой цели очень хорошо подходил.

Из женщин эмира, конечно, неплохо было бы сделать медперсонал. Но, позиция ордена Храма, который отличался обетом безбрачия, да и вообще не любил особ женского пола, препятствовала этому. Потому, чтобы никого не раздражать, не провоцировать и не вводить в искушение, Родимцев решил отправить всех теток подальше, на создаваемое за городом пороховое производство, а в доме Ибрагима оставить лишь пожилых евнухов, которые будут выполнять обязанности санитаров. Лечение же пока смогут заниматься капелланы. Ну, и про чудодейственную плесень он им обязательно расскажет.

Разобравшись с госпиталем, Родимцев решил осмотреть и остальные свои владения. Теперь, заполучив под свое правление значительный кусок Тверии и обретя место равного в

военном совете с такими значительными персонами, как граф Ибелин и барон Монфор, Гриша почувствовал себя, если и не настоящим феодалом, то точно комендантом района. А это означало, что власть его достаточно велика, и карьеру он за короткий срок сделал совсем неплохую. Не только прижился в иной эпохе, но и весьма преуспел. Более того, даже смог повлиять на исторические события.

Довольный самим собой, Григорий поручил пока управлять дворцом эмира верному Мансуру и уже направлялся в сторону конюшни к своему коню, когда к нему неожиданно подбежал сержант и доложил, что явился посетитель, монах по имени Иннокентий. И Гриша сразу вспомнил таинственного посланца церкви, успешно охотящегося на вампиров. Старик не изменился и был одет точно так же, как раньше: в длинную серую рясу и в шляпу от солнца. Через плечо у него висела простая котомка из мешковины, а на ногах сидели потертые деревянные сандалии. Правой рукой он опирался на пастушеский посох. Они поздоровались тепло, как старые добрые знакомые. Монах улыбнулся, передал привет от дона Карлоса и, взяв Родимцева левой рукой под локоть, неторопливо пошел вместе с ним по аллейке сада, перейдя сразу к делу:

— До меня дошли слухи о твоих успехах, брат Грегор. И я добрался сюда не просто так, а для того, чтобы предупредить тебя. Некоторые люди, обличенные властью, тоже получили известия о победах последних дней. И они уже видят в твоём возвышении угрозу для себя.

— Но, почему? Кому я угрожаю? — недоумевал Григорий.

— Например, руководству ордена Храма. Обстоятельства сложились так, что в руководство братства проникли не лучшие люди, а карьеристы и стяжатели. Так всегда бывает во время войн. Когда в боях гибнут лучшие и храбрейшие, худшие и трусливейшие делают карьеру в тылу. И в конце концов, они возвышаются и часто впадают в искушение, а потом переходят на сторону зла и во всех, кто успешен и талантлив, подозревают угрозу для себя. Мне же, как посланцу здоровых сил святой церкви, совсем не безразлична твоя судьба. Потому что, не скрою, та партия в церковном руководстве, к которой я отношусь, озабочена сменой руководителей ордена и поддерживает продвижение новых талантливых людей, способных изменить орден Храма изнутри в лучшую сторону, — сказал монах.

И Гриша снова почувствовал, что за этим человеком стоит очень серьезная сила. А он не совсем тот, кем кажется. Старик весьма непростой. Не верить монаху, вместе с которым сражался с вампирами возле заброшенной часовни, у Родимцева оснований не имелось. И он спросил:

— Но, неужели, руководству ордена чем-то может угрожать обычный командир отряда? Я же не командор какой-нибудь, чтобы претендовать на руководящие должности братства?

Монах ответил:

— В том-то и дело, что теперь, после завоевания этого города, решается вопрос о создании в нем командорства. А по внутреннему обычаю самого же вашего ордена, командором нового командорства назначается командир того отряда храмовников, который в город ворвался первым. Следовательно, на эту должность рассматривается именно твоя кандидатура. И это обстоятельство очень мешает тем, кто хотел бы видеть во главе командорства Тибериады своего ставленника. Но, как известно, любой человек может представлять проблему для кого-нибудь, только пока он жив. Так что будь осторожен.

— Спасибо за предупреждение, но, мне кажется, что я достаточно защищен. Весь мой отряд состоит из надежных людей, доказавших преданность на поле боя. Да и сам за себя я постоять вполне способен, что показали недавние сражения, в которых мне пришлось

сойтись лицом к лицу с лучшими вражескими воинами, — проговорил Григорий.

Но, Иннокентий продолжал нагнетать:

— Есть различные способы ликвидировать неудобного. Отравление, лошадь, которая внезапно взбесилась и понесла, или, например, наемный убийца. Сейчас модно подсылать ассасинов. Говорят, что после того, как ордынцы разорили их крепости, эти наемники берутся за любые заказы.

— Я даже не предполагал, что перехожу кому-то дорогу. Постараюсь, конечно, быть осторожнее. Спасибо за предупреждение, — сказал Гриша.

Они отошли уже достаточно далеко от дворца и находились где-то посередине боковой садовой дорожки, когда что-то мелькнуло справа за кустами, и в тот же момент зазубренный дротик ударил Родимцева в правое плечо. К счастью, надетый под белым орденским плащом кольчужный доспех с наплечниками позволил отразить удар без ущерба. Попав в стальной наплечник, дротик отрикошетил, воткнувшись в черешневое дерево. А в следующий миг Григорий инстинктивно сбил с ног монаха и сам упал на него, прикрыв своим телом. Ведь на старике никаких доспехов не было, а слова про опасности, только что сказанные им, уже начали воплощаться в реальность. Убийца пробрался в сад и целил Родимцеву в голову или в шею, но, к счастью, промазал.

Растянувшись на садовой дорожке, Григорий закрутил головой, внимательно вглядываясь в соседние кусты, из-за которых неизвестный убийца произвел метание дротика.

— Кажется, я его вижу, вон там! — монах, придавленный Родимцевым к садовой дорожке, все это время смотрел куда-то за его спину.

Вскочив на ноги, Грегор Рокбюрн выхватил меч из ножен. И в этот момент получил от неизвестного еще один дротик. На этот раз он чиркнул прямо по голове, вырвав клочок волос и изрядно оцарапав макушку. И Григорий пожалел, что не одел шлем. На войне расслабляться нельзя, а он как раз позволил себе расслабиться. Третий дротик угрожал в любой момент, например, попасть в глаз. Оставалось надеяться лишь на то, что убийца недостаточно точен. Ведь уже две его попытки попасть в цель оказались не слишком удачными.

Тень мелькнула за кустами, и Григорий, не раздумывая, ринулся туда. Монах же продолжал лежать на садовой дорожке, не торопясь подниматься и делаться второй мишенью для убийцы. Прорвавшись сквозь кусты, Гриша увидел, как мужчина, одетый словно монах, в серой и достаточно короткой рясе с капюшоном из-под которой выглядывали такого же цвета штаны, обутый в полусапожки из коричневой кожи, улепетывает по параллельной аллее в глубину сада. Парень был среднего роста и отнюдь не выделялся могучими плечами, но двигался очень шустро.

Размахивая мечом, Родимцев погнался за убийцей и получил третий дротик, который преследуемый, неожиданно развернувшись, довольно ловко метнул. Но замах, все же, оказался недостаточным. И дротик, пробив орденский плащ, застрял на левом боку в звеньях кольчуги и в толстом гамбезоне, не дойдя до тела. Как ни старался догнать Родимцев негодяя, но так и не смог этого сделать. Убийца бежал быстрее. Ни плащ, ни доспехи не мешали ему. Неизвестный опередил Гришу, ловко подбежал к каменной стене сада и стремительно взобрался наверх по веревке с узлами, которая там уже висела, приготовленная, похоже, заранее.

Оказавшись наверху ограды, парень в сером ловко перекинул веревку на другую сторону и скрылся. Лица его Родимцев так и не разглядел, потому что оно оказалось закрыто, кроме

капюшона, еще и повязкой из серой ткани. Стена ограды была высотой почти в два человеческих роста. И перелезть ее сходу без веревки не представлялось возможным. Грегор Рокбюрн вынужденно прекратил преследование, вернув клинок, оказавшийся на этот раз бесполезным, обратно в ножны. За стеной с этой стороны сада находились жилые городские кварталы, в узких и кривых улочках которых затеряться не составляло никакого труда. Потому тревогу поднимать не имело смысла, и Григорий вернулся к монаху.

Иннокентий уже поднялся на ноги и отряхивался. Он не пострадал. Родимцев рывком выдернул вражеский дротик из своей кольчуги, внимательно осмотрел его и проговорил:

— Я видел подобный в долине Герц, недалеко от замка Тарбурон. Тот дротик торчал из груди немецкого посла, которого распяли враги. Страшная история там случилась. Немцев всех вырезали.

— Такое оружие используют ассасины, — произнес Иннокентий.

— Говорят, что они не промахиваются. Этот же промазал три раза подряд, — заметил Грегор.

Монах кивнул:

— Господь хранит тебя, брат Грегор. Если бы не было на тебе высшей защиты, то одна из трех попыток достигла бы цели. А раз он не попал, то в этом есть хороший знак.

Григорий высказал свое мнение:

— Наверное, причина в том, что уровень подготовки этих наемных убийц значительно снизился в последнее время, после того, как их главные замки пали. В любом случае, охрану я распорядюсь усилить.

— Да, именно так необходимо поступить, — поддержал Иннокентий. Он взглянул на рыцаря серьезно и добавил:

— Ассасины выбрали путь зла. И нельзя допускать, чтобы они запугивали тех, кто идет по дороге добра. Только знай, что они никогда не останавливаются в достижении цели. Последуют и другие попытки убить тебя. Вовремя же я успел, чтобы предостеречь. Почувствовал опасность, потому поспешил.

— Благодарю, брат Иннокентий, я уже предупрежден, и теперь буду начеку. Но, хотелось бы знать, кто именно подослал этого убийцу? — сказал Гриша.

— Я могу с уверенностью сказать, что послали его те, у кого имеются причины желать тебе смерти, — проговорил старик.

— Жаль, что ассасина не удалось задержать, — посетовал Григорий.

— От задержания толку мало. Сам убийца не знает, кто его нанял и почему. Он только действует, выполняя поручение. Даже под самыми страшными пытками он не скажет ничего интересного. Они действуют через посредников. У них серьезная организация, военное братство своего рода, — сообщил монах.

— Забыл поинтересоваться, как там ваши успехи в борьбе с вампирами, брат Иннокентий? Удалось ли выйти на след некроманта? — перевел разговор на другую тему Родимцев.

— Не стану скрывать, что не только желание предупредить тебя об опасности, но и след этого колдуна привели меня сюда, в Тибериаду. Некромант скрывается где-то в этом городе. И я должен найти его. Только боюсь, что мне в одиночку с ним не справиться. Потому хотел и твоей помощи попросить, — признался монах.

— Разумеется, чем могу, тем помогу, — сказал Григорий.

— Надеюсь, брат Грегор, что свой старинный кинжал ты еще не потерял? — улыбнулся

старик.

Их беседу прервали какие-то крики, раздавшиеся откуда-то с противоположной стороны сада, от самого дворца. Голос Мансура трудно было спутать с другими. Он что-то выкрикивал по-сарацински. И Григорий бросился туда, не раздумывая, а монах побежал следом за ним. Они быстро достигли дворца эмира и увидели то, что происходило там, возле здания.

Мансур медленно наступал, размахивая саблей и прикрываясь круглым сарацинским щитом. Вместе с ним, справа и слева двигались сержанты с короткими мечами, а на другом конце террасы еще один такой же ассасин, а, может быть, тот же самый, во всяком случае, точно также выглядевший, как тот, который сбежал через стену, держал с ножом у горла одну из женщин, взяв ее в заложницы. Похоже, что ассасин уже израсходовал свои метательные дротики. И Мансур что-то кричал именно ему.

Грегор Рокбюрн приближался к ассасину сзади. И тому уже просто некуда было отступать. Осознав свое положение, убийца отпихнул женщину и попытался бежать, метнувшись с террасы к ближайшим кустам, и Григорий ринулся наперерез, снова выхватив меч. Но, его внезапно опередил монах, оказавшись на пути у парня и точно огрев его своим посохом. Этот старик, когда хотел, умел двигаться невероятно быстро. Недаром же он охотился на вампиров и некромантов. Без особой подготовки подобным делом заниматься не получилось бы.

Когда ассасин упал, на него навалились со всех сторон и быстро связали. Серый шарф, которым он закрывал лицо, сорвали, и оказалось, что парень совсем молодой, лет двадцати. Что заставило его вступить на путь убийцы, было непонятно. Сержанты отвели его в дворцовый подвал где, как выяснилось, имелись камеры, куда эмир Ибрагим сажал нерадивых рабов.

Женщина, которую нападавший взял в заложницы, к счастью, не пострадала. Ею оказалась Зухра, старшая наложница эмира. Григорий подумал, что все эти бабы, оставшиеся в доме-дворце, порядком надоели Ибрагиму, раз он их бросил на растерзание христианам. И неизвестно, что с ними могло случиться, попади они в зону оккупации ни к тамплиерам, а, например, к пехотинцам Монфора.

Течение событий начало ускоряться. Едва скрутили ассасина и отвели в камеру, как прибежавший от ворот сержант доложил Григорию, что в город въехали еще какие-то тамплиеры, что они уже у ворот дворца эмира Ибрагима и желают, как сказал сержант, видеть Грегора Рокбюрна. Родимцев поспешил им навстречу. И вскоре наблюдал, как возле конюшни остановились семеро всадников. Причем, в орденских белых плащах и при оружии были лишь четверо суровых бойцов, которые выполняли роль охранников. А трое других прибывших носили черное монашеское одеяние.

— Похоже, по твою душу приехали сами заседатели тайного капитула братства Храма Соломонова, — шепнул Иннокентий, стоящий рядом.

И вскоре выяснилось, что он оказался прав. Прибывшие слезли с коней и подошли вплотную. С минуту они молча взирали на Григория, которого гостям уже представили сержанты. Трое стариков, приехавших в седлах, верхом на отличных конях, не были немощными, хотя выглядели гораздо старше, чем шестидесятилетний знаменосец из отряда Рокбюрна. Лысые головы, морщинистые лица и сгорбленные спины все-таки выдавали их возраст. Но, глаза каждого из них смотрели цепко и без всякого снисхождения. То были взгляды судей, прибывших судить.

— Приветствую, сын мой Грегор. Я брат Николас, со мной братья Теодор и Бернар. Все мы советники Великого Магистра и представители тайного трибунала. Мы наслышаны о твоих подвигах и прибыли поговорить с тобой без посторонних. Ибо речь пойдет о внутренних вопросах нашего братства, — наконец произнес тот, который выглядел старше других, недобро глядя на брата Иннокентия.

— Что ж, тогда проходите в дом, — сказал Гриша и пригласил гостей за собой в покои эмира.

Когда они достигли диванного зала, трое старцев зашли вместе с Григорием внутрь, а четверо их телохранителей остались охранять двери, ведущие в помещение. Оставшись наедине с суровыми стариками, Родимцев нервничал. На сердце у него было беспокойно. С подобными особами, представляющими тайную сторону ордена Храма, ему общаться еще не приходилось. И потому он старался, как мог, сохранять самообладание. Усевшись на диване, двое молчали по-прежнему, заговорил от лица всей компании все тот же брат Николас:

— Итак, мы готовы выслушать тебя, брат Грегор.

— А что вы хотите услышать? — проговорил Григорий, не очень пока понимая, чего хотят от него странные гости.

— Скажи, как ты относишься к Храму и Господу? — неожиданно спросил скрипучим голосом тот, которого звали Теодором.

— Я считаю, что истинный Храм находится внутри сердца человеческого, а Господь живет в каждом, кто верит в него, — откровенно сказал Родимцев.

Старики переглянулись. И тот, который до этого молчал, задал очередной вопрос:

— А как ты относишься к кресту?

Гриша снова не стал выдумывать, а ответил то, что думал:

— Я считаю крест орудием пытки из которого создали символ веры. Слышал, что, кроме того, крест обозначает перекресток путей и знак выбора.

— Очень откровенный ответ, — кивнул вопрошающий. Остальные покачали головами.

— До нас дошли вести, что ты изобрел новое оружие. Так ли это? — спросил Николас.

Когда Родимцев подтвердил, Теодор неожиданно разразился тирадой:

— Глупец. Ты считаешь, что земное оружие само по себе способно изменить что-нибудь? Истинные битвы происходят незримо за гранью этого мира. И ведут их высшие существа. Люди же копошатся на земле, выигрывая или проигрывая сражения лишь по воле Иерархии Небесной.

— Но, есть же поговорка: «На Бога надейся, да сам не плошай». И потому нам нужны самим прикладывать усилия, чтобы победить, — возразил Григорий.

— И что же, ты на самом деле убежден, что это новое оружие способно изменить расклад сил? — спросил Николас, проигнорировав замечание Теодора.

— Убежден, — кивнул Родимцев.

— Молодой человек, гордыня является первой ступенью на лестнице, ведущей вниз, в самый ад, — вставил Бернар скрипучим голосом.

— А на чем основывается твое убеждение в силе нового оружия, брат Грегор? — поинтересовался Николас.

— На том, что мощь пороховых газов несравненно выше, чем сила любого метательного оружия, — честно сказал Григорий.

Все трое внимательно посмотрели на него. Они были опытными людьми, преуспевшими не столько в сражениях, сколько в тайных интригах внутри ордена. И потому никак не могли понять, почему этот ничем не примечательный молодой человек, сирота, записанный в документах, как сын покойного небогатого рыцаря, каких многие тысячи, вдруг проявил невероятные таланты не только на поле боя, но и в таких вещах, понимание которых доступно лишь единицам избранных. Первым нарушил молчание Николас, задав странный вопрос:

— Неисповедимы пути Господни, и ничего не происходит в мире без промысла Божьего, но, скажи нам, брат Грегор, в чем же твоя цель?

— В победе над врагами, — сказал Григорий, недолго думая.

— Что ж, стремления твои достойны, брат Грегор, — произнес Николас. И добавил:

— Но, одного этого мало, чтобы назначить тебя командором Тибериады. А потому опросим мы и других. И, разумеется, нам необходимо осмотреть то самое новое оружие, о котором уже ходит столько слухов.

После того, как прибывшие заседатели из тайного капитула отбыли к казармам, Григорий направился к той самой башне, в подвале которой находился подземный ход. Он спешил в кузницу. Нужно было готовить новую демонстрацию пушки. Родимцев понимал, что от того, как эта демонстрация пройдет, зависит не только его личное будущее, а судьба всего государства крестоносцев. А если лично ему удастся занять должность командора Тверии, история поменяется кардинально. Потому что он получит возможность влиять на многое, в том числе, и на политику ордена.

Конечно, Григорий прекрасно понимал, что в такой сильной, сложной и самодостаточной организации, как братство бедных рыцарей Господа и Храма Соломонова, существует множество политических течений, незаметных с первого взгляда, но очень влиятельных. И, разумеется, интриганы постоянно вели друг с другом тихие войны, не гнушаясь и устранением нежелательных фигур, которые не вписываются в их планы. И такой фигурой был он сам, хотя бы потому, что не участвовал в политических интригах. Принимая во внимание все это, Родимцев ставил себе задачу занять прочное положение в ордене без

излишнего погружения во всю эту внутреннюю борьбу.

Пройдя по подземному ходу, который теперь, по приказу Грегора Рокбюрна, круглосуточно охраняли сержанты, он добрался до постоянного двора во внешнем городе, а потом дошел и до кузницы. Там его ждал приятный сюрприз. На деньги, полученные от графа Ибелина, в кузницу наняли нескольких подмастерьев, и производство расширилось. А люди графа где-то даже закупили и доставили металлические заготовки, вполне годные для изготовления орудий небольших калибров.

Кузнец, довольный оплатой, которую ему назначил Григорий за каждое готовое изделие, показал свою новую работу. Он снял мешковину и предъявил двухдюймовую пушку, гораздо длиннее первой и на полноценном лафете с маленькими колесиками, искусно выточенными из дерева. Ствол орудия был изготовлен методом сверления из заготовки для какого-то массивного столба. Мастер выглядел гордым собственным творением. И Родимцев, не жадничая, выдал ему еще золотых.

Пушка, построенная первой, была заботливо убрана в соседний сарай и начищена сержантами до блеска. Ящик с изготовленными зарядами стоял рядом. Во втором ящике находилась металлическая картечь. Все распоряжения о приготовлениях, которые накануне сделал Родимцев еще после того, как к нему явились Монфор с начальником госпитальеров, подчиненные выполнили. И это, само по себе, вселяло оптимизм.

Убедившись в завершении приготовлений, Григорий приказал перетащить оба орудия через подземный ход. Он решил, что лучше всего испытать пушки не по мишеням, а в боевой обстановке. Ведь внутри города все еще существовал самый настоящий фронт. Войска крестоносцев, Монфора и Ибелина, держали в осаде цитадель, в которую отошли все сарацинские войска, оставшиеся в Тибериаде. Конечно, со взятием основной части города, фронт сильно ужался, и линия противостояния сократилась, что значительно облегчало осаду.

Если протяженные внешние стены сил штурмовать у крестоносцев, по большому счету, не имелось, и успеху способствовала лишь удача, то не слишком большая крепость, расположенная в центре города, осаждалась по всем правилам. Ее взяли в плотное полукольцо, протянувшееся от ее северной башни до южной. Вот только вторую половину этого кольца замкнуть не представлялось возможным, потому что она находилась в водах озера. А кораблей для водной блокады у крестоносцев не имелось. По этой причине беспрепятственно продолжал курсировать вражеский флот, подвозя с противоположного берега через большое озеро припасы и пополнения, эвакуируя ценности и беженцев, и осуществляя связь с другими сарацинскими гарнизонами. И эту возможность нужно было постараться пресечь, как можно скорее.

Потому Родимцев приказал готовить артиллерийский удар по причалам. Порт цитадели находился на береговом пространстве между северной и южной башнями. Расстояние по береговой линии там составляло не более двухсот метров. Но сложность обстрела порта состояла в том, что крайние башни цитадели строили с учетом того, чтобы они прикрывали порт с боков. Их фундаменты, построенные на насыпях, выдаваясь в воду на пару десятков метров от линии берега. Впрочем, ничто не мешало вынести орудия на длинный причал, находящийся на южном фланге. Это старинное сооружение, сделанное из камня, выдавалось в озерную воду еще дальше. И с его края возможно было бы попробовать стрелять по портовым причалам и кораблям, стоящим возле них. А, кроме того, можно попытаться обстреливать и сами корабли, сделанные из дерева. Главное, конечно, попасть.

Григорий отправился и в свой пороховой склад, отнятый у пленного факира. Там он рассчитал заряды для новой пушки, отмерил их и подготовил строго выверенное количество пороха, нужное для каждого нового выстрела. Затем он пересчитал сколько зарядов получилось. Их оказалось для обеих пушек около сотни. А главное, для новой пушки по его чертежу кузнец изготовил и несколько настоящих двухдюймовых снарядов-гранат, начиненных порохом и способных взрываться, достигнув цели. Собрал все необходимые принадлежности в ящики, Григорий дал приказ своим сержантам-артиллеристам тащить все ящики и оба орудия на самый длинный южный причал.

Пока артиллеристы выполняли команду, Григорий решил заглянуть в казармы, в которые направились заседатели. Он надеялся застать их там и пригласить на демонстрационные стрельбы. Погода как раз благоприятствовала. Раскаленный левантский воздух висел над городом и озером. И даже от воды не исходило ни единого дуновения. А значит, поправку на ветер при прицеливании делать не понадобится.

Да и послеобеденное время вполне располагало к представлению. В это время, обычно, с противоположной стороны озера в цитадель приплывал какой-нибудь корабль. А еще Григорий надеялся, что кураторы из руководства ордена уже поели и помолились, пока он занимался подготовкой пушек и пропустил обед. А еще Григория распирало банальное любопытство. Ему не терпелось узнать, как среагируют эти старые кабинетные крысы, Николас, Теодор и Бернар на настоящую полевую артиллерию. Вся эта троица, как выяснилось, и не думала обедать. Вместо обеда, как шепнул знаменосец, они устроили допрос каждому из отряда, подробно спрашивая о Грегоре Рокбюрне. Их интересовали все мнения. Особенно старались выяснить что-нибудь о его пороках и грехопадении. Но, никто ничего плохого, как выяснилось потом, про командира отряда тамплиеров тайным заседателям не сообщил.

К его приходу они как раз закончили опрос братии. И все втроем отдыхали в казарменном дворе, сидя на лавке в тени финиковой пальмы и ожидая обеда. Старики сразу оживились, увидев Григория. Родимцев уже открыл рот, собираясь пригласить всех троих на испытания пушек, но Николас сам напомнил о том, что неплохо бы посмотреть новое оружие.

К этому моменту пушки уже как раз проносили мимо казармы в сторону пирса. Орудие побольше несли на ремнях шесть человек, а то, что поменьше, тащили четверо. Следом орудийная прислуга волокла ящики. А сзади шли двое с длинными шомполами. Завершал процессию сержант с горящей масляной лампой. Все заинтересованные лица последовали за этой процессией и тоже поднялись на причал. Сержанты установили пушки и закрепили их канатами по-корабельному, чтобы отдача не позволила орудиям слишком далеко откатиться и упасть в воду.

Дистанция от выбранного пирса до ближайшей башни цитадели немного превышало расстояние полета стрелы. А потому вражеского обстрела Родимцев почти не опасался. Каких-либо требушетов, скорпионов и прочих чудес средневековой инженерной мысли замечено у противника не было. И канониры спокойно готовились к предстоящему обстрелу. Те сарацинские вояки, которые находились на башнях, не очень-то понимали, что там тамплиеры делают на пирсе. Ведь свидетелей предыдущих обстрелов, находящихся в тех башнях городской стены, которые были захвачены самыми первыми, уже, наверное, в живых и не осталось.

Звуки орудийных выстрелов, конечно, они уже слышали, да и слухи о каком-то новом

оружии крестоносцев, почти наверняка, распространились и к ним через лазутчиков, но возню тамплиеров на пирсе с этой угрозой они пока не связывали. А напрасно. Пока на пирсе готовились, вдали на глади озера показалась многовесельная галера. Ее черный корпус, движимый мерными и слаженными ударами длинных весел, рассекал воду, словно нож. Отчего приближалась галера довольно быстро.

Новая длинная пушка уже была заряжена, а к выстрелу все подготовлено, но Родимцев выжидал. Наконец, когда корабль приблизился настолько, что расстояние между ним и орудием сократилось до трех сотен метров, Григорий выставил прицел и тут же поднес факел, зажженный от масляной лампы, к запальной отверстию. Грохнул выстрел, но ничего не произошло, кроме небольшого всплеска впереди корабля, да еще все присутствующие инстинктивно зажали уши.

Сержант ловко прочистил дульный канал шомполом с щеткой. Родимцев забил новый заряд в ствол быстро сделал поправку на недолет, чуть повернув винт, регулирующий положение ствола пушки, а затем опять выстрелил. На этот раз произошел перелет. Галера, между тем, продолжала идти к берегу. Ее капитан слышал грохот и видел всполохи пламени, а также наблюдал падение в воду каких-то, как ему показалось, камней, вызывающих на миг фонтаны в месте падения. Но, значения всему этому сразу не придавал, продолжая вести свой корабль привычным курсом к пристани возле цитадели. Он был старым пиратом, который полжизни провел в абордажных сражениях на морях и только к старости осел на безопасном месте озерного шкипера. Так что и не такое видел на своем веку. «Подумаешь, у этих крестоносцев появился какой-то новый грохочущий камнемет, видали и не такое», — отметил он про себя, даже не давая команды маневрировать. И в этом крылась роковая ошибка.

После второго неудачного выстрела на лицах всех троих стариков из тайного капитула явственно читалось разочарование. Они не понимали, что пристрелка является неизменным и важным этапом артиллерийской стрельбы. И, когда третий точный выстрел разнес нос галеры в щепу, после чего корабль загорелся и начал тонуть, все трое мудрецов сильно удивились, наблюдая, как люди с галеры в панике прыгают за борт и пытаются добраться до берега вплавь.

После того, как вражеская галера утонула, пораженная из пушки у всех на глазах, старцы из тайного капитула начали смотреть на Грегора Рокбюрна по-иному. Их восприятие этого молодого рыцаря изменилось. Вместо недоверия среди них почувствовалась растерянность. Они поняли, что этот Грегор далеко не так прост, как кажется. В его историю о том, что, мол, некий монах поведал ему тайну нового оружия еще в детстве, верили они с трудом, но тот факт, что Рокбюрен действительно обладал тайным знанием, оспорить не представлялось возможным.

Тем более, что знание это касалось обладания очень важным секретом пороховой смеси, что, само по себе, могло изменить весь расклад сил в Леванте. И старики, разумеется, понимали перспективы применения нового оружия, называемого артиллерией. А, поскольку действовали они, все же, в интересах ордена тамплиеров, то не признать заслуг Грегора Рокбюрна они уже не могли. Придаться оказалось не к чему. Все члены отряда, как один, давали на молодого командира исключительно положительные показания. Даже оба капеллана поддерживали его кандидатуру. Потому, скрепя сердце, Николас, Теодор и Бернар, посоветовавшись, вынесли решение назначить Рокбюрна командором Тибериады. А территориально командорство постановили расположить в захваченном маноре эмира Ибрагима.

К вечеру решение приняли окончательно и торжественно огласили его после вечерней трапезы. Ради этого события произвели построение и подняли на плацу возле захваченных казарм знамя «Босеан». А брат Николас провозгласил вердикт. Григорий Родимцев радовался внутри себя, впрочем, никак не демонстрируя свою радость окружающим. Всем своим видом он показывал, что принимает эту ношу ответственности ради всего братства, а не потому, что стремился подняться по служебной лестнице. Хотя в душе и торжествовал, ведь с этого момента он не просто упрочил собственное положение в ордене Храма, а и занял одну из серьезных должностей, став равным среди орденского начальства среднего звена, а в Тибериаде и вовсе оказался главным командиром храмовников, тем, кто может принимать серьезные решения. Потому что в боевой обстановке Устав братства разрешал командору возглавлять оборону и не советоваться ни с кем.

Первым своим решением он назначил командиром отряда вместо себя опытного знаменосца, который по праву давно заслужил эту должность. Следующим указанием он велел сержантам обеспечить бдительную охрану периметра, а также переоборудовать главный зал бывшего манора эмира Ибрагима в место для приемов посетителей. И, разумеется, Родимцев посчитал очень важным допросить пленного ассасина. То, что его удалось скрутить, уже само по себе являлось успехом, потому что очень редко эти убийцы попадали в плен. Чаще они сражались до собственной смерти, лишь бы не попасть в руки врагов. То было суровое братство убийц, основанное знаменитым Старцем Горы Хасаном ибн Саббахом. И мало что было известно о нем.

Григорий уже собирался приступить к допросу, когда поздравить его с назначением командором явился монах Иннокентий. Выяснилось, что старик прибыл в Тибериаду этим утром, он разыскал Грегора Рокбюрна, но так и не нашел себе пристанище в городе. И, конечно, Гриша предложил ему остаться в маноре, превращенном в командорство тамплиеров, на правах гостя ордена. Да и заслуга Иннокентия в поимке ассасина была

неоспорима. Ведь это же именно пилигрим своим посохом сумел оглушить его. Потому Родимцев не видел ничего плохого, чтобы начать допрос убийцы при Иннокентии.

Двое дюжих сержантов привели опасного пленника закованным в кандалы. Он медленно шел, звеня тяжелыми цепями на ногах. С такими далеко не убежать, тем более, что и руки пленнику тоже не забыли сковать. На вид этот молодой парень не выглядел опасным. Обычный местный житель Леванта, загорелый и темноволосый. Но, его черные глаза смотрели дерзко и с вызовом.

Грегор Рокбюрн не знал местный язык и собирался позвать Мансура, но брат Иннокентий вполне справлялся с миссией переводчика. К тому же, он сумел разговорить пленника, который поначалу не выказывал никакого желания общаться. Но, как только монах извлек из-под рясы свой волшебный серебряный крест и направил на ассасина, шепча какие-то молитвы, тот заговорил против собственной воли. И рассказ его оказался интересным. Убийца говорил, а монах сам и вел допрос, и переводил сказанное Григорию.

— Я Салах Селим, убийца, один из братства неназываемых. Вы же, христиане, зовете нас ассасинами. Я с детства проходил обучение в одной из крепостей нашего ордена, которая ныне разгромлена ордой. И там меня научили науке убийства. Признаюсь, что убивал уже много раз. Но не жалею об этом. Мы не ограничиваем себя ни моралью, ни законом, ни честью. Для достижения цели нам все позволено. И мы находимся выше любых законов и человеческих понятий, потому что мы исполняем закон высший. Закон смерти.

Наше братство действует в тени. Мы незримо приходим к тем, кто опасен, к тем, кто способен поворачивать направление развития мира, к тем, кто обладает властью. И нет препятствий для нас, потому что все мы — наследники величайшего мудреца, Старца Горы, который и есть истинный Имам. И любой из нас, кто погибнет за его правое дело, попадает в рай. Я же буду проклят, ибо не сумел выполнить порученное задание.

Я оказался жалок и ничтожен, потому что даже не смог покончить с собой, как это предписано нашим братством на крайний случай. И я должен был молчать даже под пытками, но теперь, как видишь, опустил до разговора, потому что не могу противостоять твоему колдовству, старик. И это обстоятельство ломает мою волю и парализует ее. Твой взгляд сквозь этот крест, который не крест, а какой-то предмет той древней силы, что давно ушла из мира, сжигает мой мозг изнутри, и скоро он вскипит. Как видишь, я оказался не способен перетерпеть боль, оказался слабаком, всего лишь тряпкой, из которой можно вить веревки. Ты сломал меня, старый колдун. Так что можешь спрашивать все, что пожелаешь. Только поскорее, а то боюсь сойти с ума от той боли внутри головы, которую ты причиняешь мне.

— Кого ты собирался убить в этом маноре, Салах Селим? — спросил монах, по-прежнему держа перед собой свой массивный крест-артефакт и направляя его перекрестие точно в середину головы ассасина, прищурив, при этом, один глаз. Выглядело все так, словно бы брат Иннокентий целился во врага сквозь перекрестье прицела.

— Грегора Рокбюрна, — последовал ответ.

— Почему именно его? — продолжал допрос Иннокентий.

— Мы убиваем тех, чья жизнь имеет особый смысл и образует новые ветви событий. Эти люди обладают особенной силой изменять мир вокруг себя. Им самим и тем, кто находится с ними рядом, сопутствует удача. Их поддерживают и направляют высшие силы, и люди охотно воспринимают их начинания, верят и надеются на них. Потому они очень опасны. Я думаю, что и вот этот, которого мне поручили убить, из таких людей, —

проговорил пленник.

— Думаешь, или точно знаешь? — уточнил старик.

— Точно не знаю. Потому что мы, исполнители, не должны ничего знать о том, почему и кто вынес решение убить того или иного человека. Но те, кто направляют нас, просто так не принимают решений, — проговорил убийца.

— И кто же направляет вас? — продолжал спрашивать монах.

— Неназываемые. Мы не знаем их имен, а лица их всегда скрыты повязками. Они сами находят нас и говорят пароль, а потом называют имя того, кого следует убить. И мы, исполнители, пускаемся по следу и идем по нему до тех пор, пока не находим своего клиента. А заколоть кинжалом, кинуть дротик, подсыпать яд в пищу, либо пустить точную стрелу с безопасного расстояния, выбираем по обстоятельствам, — поведал Салах Селим.

— И как же ты проник в манор? — поинтересовался Иннокентий.

— Это было не трудно. Мы умеем проникать незаметно и скрываться даже у всех на виду, избегая излишнего внимания. Нас учат искусству прокрадываться незаметно и притворяться убедительно, мы способны прикидываться кем угодно. Каждый из нас должен казаться неопасным и незапоминающимся. Столкнувшись с нами в толпе, обычный человек не должен обращать внимания на любого из нас до самого последнего момента, когда удар будет нанесен. На этот раз мы с напарником притворялись садовниками, — сказал пленный убийца.

— Кто твой напарник и куда он мог сбежать, чтобы затаиться? — спросил монах.

— Я знаю о нем лишь то, что ему поручено такое же задание, как и мне. Но, имени не ведаю, как и не знаю, где он может скрываться. А он не знает моего имени. Нам неизвестно ничего о наших случайных напарниках, а имен мы друг другу никогда не называем, только пароли. Меня вы поймали, но он скрылся от вас и затаился где-то в городе. И это означает, что нападение повторится.

Больше сказать пленник ничего не мог, потому что его внезапно скрутила падучая. Как потом объяснил брат Иннокентий, приступ эпилепсии был вызван воздействием незримой силы древнего креста, тайная мощь которого, направляемая монахом, заставляла убийцу говорить правду вопреки собственной воле. И неожиданный припадок явился следствием побочного эффекта, когда разум парня не выдержал того, что его язык выбалтывает секреты сам собой.

Когда сержанты забрали ассасина обратно в камеру, Иннокентий сказал:

— Не хочу пугать тебя, но ассасины не действуют по собственному желанию. Их посылают убивать по указанию тех, кто стоит высоко над простыми убийцами, занимая значительное положение в их темном братстве. А это значит, брат Грегор, что за тобой началась охота. Ибо этот убийца прав. И мир ты меняешь вокруг себя. Так получается. И тьма чувствует угрозу. И не только последователи учения Старца Горы охотятся за тобой. Не только те, кто нанимает их, но и некромант тоже. Ибо не просто так всколыхнулась тьма, и некромант получил силу поднимать мертвых. Теперь я могу понять причину. Приспешники дьявола почувствовали, что в землях Леванта появился человек, способный менять ход событий. И все указывает на тебя.

— Значит ли это, что те вампиры, от которых мы вместе отбивались возле часовни, тоже рыщут в поисках меня? — спросил Григорий, поежившись от такой мысли.

— Именно это я и предполагаю. Дело в том, что вампиры атакуют в тех местах, где появлялся ты, брат Грегор. И когда ты направился в Тибериаду, некромант и его вампиры

двинулись за тобой. И я, как видишь, пришел следом за ними, — сообщил старик.

— Значит, нужно еще больше усилить охрану. Я прикажу срочно соорудить вдоль всей ограды манора дозорные башенки, на которых размещу дежурить арбалетчиков. Стену снаружи отправлю патрулировать караульных, а ночью потребую зажигать факелы и костры, — сказал Родимцев.

— Боюсь, что все эти меры мало помогут. Ассасину потребуется больше усилий, но он все равно проникнет, прикинувшись, хотя бы, одним из тех же караульных. Что же касается вампиров, то они способны бегать по стенам, а это означает, что ограда не удержит их снаружи, — поведал монах.

— В таком случае, я не знаю, что же делать и как противостоять таким опасностям? — признался Родимцев.

— Я уже говорил тебе, но повторю еще раз. Лучший способ покончить с вампирами — это выманить их на себя, — сказал Иннокентий.

— Предположим. Я даже допускаю, что смогу еще раз выдержать бой с этими страшными тварями, но как быть с некромантом? Как уничтожить его? — недоумевал Григорий.

— Я пока не знаю ответа, потому что нет ясности, кто он. Ведь этот последователь сатаны может не выдавать свою сущность, притворяясь кем угодно. И не обязательно сарацином. Может и христианином прикинуться, например, добрым пилигримом, или даже влиятельным человеком. Он никому не сообщает о роде своих занятий. А упорные слухи о том, что он прибыл из Магриба с войском Халеда могут быть просто слухами, распушенными специально, чтобы скрыть его истинное место пребывания. Ибо, тьма коварна, она способна насыпать туман и менять облик. Но, в том и состоит искусство следопыта, чтобы по следам найти зверя, — сказал монах, явно намекая на собственную роль во всей этой истории.

— В подобных обстоятельствах мало хорошего. Ведь, если меня хотят ликвидировать некие влиятельные силы, то они не прекратят попыток. Впрочем, я, как военный человек, врагов не боюсь и, если надо, то встречусь с ними лицом к лицу. Но, все это означает, что опасность грозит и всем тем, кто окружает меня. И, чтобы обезопасить окружающих, мне, наверное, лучше всего отправиться в пустыню. Вот только сделать этого не могу, потому что слишком многое уже начато и не завершено. Взять ту же артиллерию. Да и мое назначение командором тоже нужно использовать для преобразований внутри ордена. Так что не могу все бросить и сбежать, — сказал Родимцев.

— Так и не беги. Я же здесь не просто так, а для того, чтобы помочь тебе, брат Григор, отбиться от тьмы, — просто сообщил Иннокентий.

Немного позже Григор Рокбюрен, как новый командор, собрал в диванном зале манора небольшое совещание. С ним вместе на диване сидели оба капеллана, бывший знаменосец, назначенный с этого дня командиром отряда рыцарей командорства Тибериады, а также монах Иннокентий, представленный собравшимся не просто гостем ордена, а тайным посланцем самого Римского папы. Снаружи их охраняли сержанты, вооруженные арбалетами, возглавляемые верным Мансуром. Им всем было приказано усилить бдительность. К счастью, представители тайного капитула в этот вечер решили посетить лагерь графа Ибелина, расположенный на другой стороне города, потому все присутствующие могли поговорить достаточно откровенно.

Григор Рокбюрен не стал углубляться в причины покушения ассасинов, а лишь сообщил

собравшимся облегченную версию событий, что назначение его командором Тибериады кому-то не понравилось. Потому и подослали убийц. Но, кто именно стоит за этим, пока неясно.

— Откуда убийцы узнали о том, что брат Грегор находится именно в этом маноре? — спросил командир отряда.

— Значит, кто-то сообщил им о нашем расположении, — сказал один из капелланов.

— Из этого следует простая вещь, что в наши ряды затесался шпион, — сделал вывод его коллега.

— Кто-нибудь из сержантов мог проболтаться, — предположил Годфруа.

— А вы правы! Мне вот только перед собранием доложили, что погиб один из наших сержантов. Я как раз собирался сказать присутствующим, что дисциплина падает, ибо тело нашли снаружи нашего расположения позиций на одной из городских улочек. Сержанта закололи. И я подумал, что это дело рук местных, а сержант самовольно отлучился в какой-нибудь бордель, но сейчас понимаю, что его, скорее всего, похитили и допросили прежде, чем убить, — поведал бывший знаменосец.

— Ассасины очень хитрые и умные твари. Раз один из них ушел, то опасность никуда не делась. Нужно усилить патрули, — проговорил Годфруа.

— Уже сделано, — кивнул Грегор.

— Обычно, они следуют правилу не привлекать внимание, нападая неожиданно. Сегодня он не нападет, потому что внезапность уже утрачена. Он, скорее всего, станет выжидать, когда мы вновь немного ослабим бдительность. Потому расслабляться нельзя до тех пор, пока мы не выследим этого убийцу. А нашему новому командору лучше всего сменить место пребывания, — сказал капеллан Годфруа.

— Нет, братья. Я теперь несу ответственность за новое командорство, а потому останусь назло врагам. И пусть убийца приходит сюда, чтобы попасть в ту мышеловку, где я, раз уж так вышло, буду играть роль приманки.

Наметив необходимые меры для усиления бдительности, совещание закончили, но старикам из тайного капитула решили ничего не говорить. Помимо вопросов обеспечения безопасности нового командорства и вопросов охоты на ассасинов, обсудили и военные планы. Ведь городская цитадель до сих пор оставалась во власти сарацин, и войска барона Монфора вместе с отрядами графа Ибелина осаждали ее.

Что же касалось военных орденов, то им Монфор, как главнокомандующий, поручил обеспечивать безопасность в городе и подходов к нему, чтобы исключить неожиданный прорыв сил султана к Тибериаде. Заботам Госпитальеров предоставили северную часть города, всю дорогу, ведущую к замку Тарбурон и предместье Тибериады, расположенное по берегу озера к северу. А в ведение тамплиерам отдали весь южный сектор и все ближайшие южные пригороды вместе с сельскохозяйственными угодьями и с парой рыбацких деревенок вместе с истоком реки Иордан. Об утверждении этого решения сообщили представители тайного капитула, вернувшись в командорство поздним вечером из ставки Монфора, находящейся теперь на площади перед главными городскими воротами.

Еще военным орденам в обязанность вменили обеспечение осады цитадели всеми необходимыми ресурсами. Нужно было организовывать самые элементарные вещи: подвоз продовольствия и вооружений, а также эвакуацию раненых и размещение их на лечение. Впрочем, последнее являлось прямой обязанностью братьев госпиталя Святого Иоанна. Но и на храмовников тоже возлагались подобные хлопоты по помощи раненым и размещению их в южном секторе.

Учитывая все это, Родимцев ощущал себя комендантом большого прифронтового района. Он учредил комендантский час, согласовав такое решение с самим Монфором, выставил посты на ключевых направлениях и охрану на стенах, организовал патрулирование в городе и на прилегающих дорогах, создал пару госпиталей и наладил подвоз всего необходимого войскам, но людей у него уже не хватало для контроля такой обширной территории. Правда, когда братья из тайного капитула Николас, Теодор и Бернар покидали Тибериаду, то обещали прислать орденское подкрепление из Акры.

Что же касалось ассасинов, то пойманный по-прежнему содержался в камере подвала командорства. По личному распоряжению Грегора Рокбюрна его плотно кормили три раза в день с целью привить ожирение и сделать не столь быстрым и опасным в бою. Никто не сомневался, что орден неназываемых рано или поздно начнет переговоры о его выкупе или обмене, потому что прецеденты обмена пленными между братством ассасинов и тамплиерами уже имели место. А второй непоиманный ассасин затаился, и в плотной городской застройке с множеством кривых и узеньких улочек найти его не представлялось возможным, а на прочесывание каждого домовладения людей не имелось. Родимцев отдавал себе отчет, что такие мероприятия почти бесполезны по причине того, что враги могут подослать еще сколько угодно ассасинов, если захотят. Но, пока в этом отношении ничего не происходило. Новых нападений не произошло.

Вампиры и деятельность некроманта за прошедшие дни тоже пока никак не проявились, хотя страшные слухи ходили по-прежнему. И, проходя мимо караульных помещений Григорий слышал, как сержанты пересказывали друг другу разные страшные истории, мол, вампиры нападают на горожан, нарушающих комендантский час, трупы

которых потом находят обескровленными. Говорили и про некроманта из Магриба, который, якобы, сбежал из войска Халеда перед самой битвой за замок Тарбурон и укрылся где-то в Тибериаде.

Осада городской цитадели шла вяло. Штурмовать стены крестonosцы не решались, ограничиваясь обстрелом стен и башен укрепления из катапульт. Осажденные тоже не рисковали выходить из крепости, чтобы контратаковать. Они не видели в этом смысла еще и потому, что достаточно широкий и глубокий ров надежно отгораживал цитадель от города, захваченного противником, а припасы и подкрепления исправно подвозились по озеру.

Что же касалось постоянных обстрелов из катапульт, то стены и башни цитадели пока их успешно выдерживали без серьезных разрушений. А подземных ходов, ведущих из города в цитадель крестonosцам обнаружить так и не удалось. Возможно, что их и не было, потому что эта цитадель, в отличие от городских стен, была относительно новой. Ее начали строить уже после того, как Саладин захватил Иерусалим. И осажденные сарацины чувствовали себя совсем неплохо до того момента, как нарождающаяся артиллерия начала мешать передвижению кораблей. А обе имеющиеся пушки крестonosцев, между тем, держали на прицеле причалы цитадели и время от времени производили выстрелы, изредка даже топя очередную посудину на водной глади озера. Тонкие деревянные борта озерных суденышек не выдерживали попаданий двухдюймовых ядер.

А вскоре к двум пушкам присоединилась и третья, еще более длинная и точная, оборудованная полноценным лафетом с довольно большими колесами и с винтовым прицельным приспособлением. И Родимцев радовался, что каждое новое орудие пока получалось лучше предшествующего. Конечно, двухдюймовый калибр имел недостаточную мощность, но зато изготовление подобных изделий оказалось местным умельцам вполне по силам. Дело пошло еще лучше, когда по рекомендации Грегора Рокбюрна Жан Ибелин через своих людей нашел и привлек к созданию артиллерии тех самых кузнецов с перекрестка возле Акры, которые сделали необычный прочный шлем, приобретенный Григорием.

Вот только пороховая смесь, реквизируемая Родимцевым у пленного факира, заканчивалась. И вопрос скорейшего изготовления пороха в достаточных количествах выходил на первый план. Но, механизм помощи в этом вопросе уже заработал. Деньги, выданные Ибелином и Монфором на развитие порохового производства, делали свое дело. За городом на выкупленной ферме разворачивалась бурная деятельность, рабочие строили селитряницы, а созданная Родимцевым служба ассенизаторов свозила туда нечистоты со всего города, которые обрабатывались, пополняя сырье для селитряниц. К тому же, с окрестных ферм свозили навоз.

Для организации производственного процесса Григорий отправился на зарождающуюся пороховую фабрику лично. Там уже трудились работники, отправленные графом Ибелином, и им помогал персонал из гарема эмира Ибрагима, который туда отослал сам Родимцев. Вот только запах, конечно, стоял в жарком воздухе самый ужасный. Что само по себе распугивало работников, не привыкших к такому «аромату». И тетки из гарема быстро разбежались почти все, кроме самой младшей наложницы и стариков-евнухов.

Родимцев не стал препятствовать уходу тех, кто хотел уйти, потому что никаких секретов они еще не узнали по причине того, что производство тогда еще лишь зарождалось. Григорий понимал, что работа с навозом и прочими нечистотами была, разумеется, очень грязной, и далеко не все люди могли выдержать подобный труд, хотя в этих средневековых реалиях простые люди, вроде бы, не отличались избалованностью. Но, запах был слишком

тошнотворным даже по средневековым меркам, а никаких респираторов, конечно, не имелось. Первые их образцы пришлось придумывать Григорию лично. И вскоре у рабочих на лицах появились матерчатые повязки, которые время от времени смачивали водой для лучшего фильтрующего эффекта.

Тех работников, кто остался и изъявил желание трудиться дальше, тамплиеры взяли под наблюдение. Учитывая тяжелые условия труда, Родимцев сразу же установил на производстве восьмичасовой рабочий день с двумя выходными, а всем сотрудникам из денег спонсоров назначил вполне приличное жалование. К тому же, кормежка и проживание тоже обеспечивались за счет ордена Храма. Недалеко на берегу озера, там, где уже почти не воняло от производства, находился заброшенный полуразрушенный монастырь, который решено было восстановить ради размещения персонала. Пока же работников разместили на том самом постоялом дворе, где раньше располагался штаб отряда тамплиеров.

Родимцев организовал и службу ассенизаторов, которая работала весьма плодотворно. Несколько повозок с бочками и золотарями ездили по городу и окрестностям. Кое-где из выгребных ям, конюшен и скотных дворов уже удавалось даже добыть селитру, образовавшуюся за долгие годы, только пока ее получили совсем немного. Но, нужны были и два других компонента: сера и древесный уголь. И на фабрике организовывались соответствующие цеха.

В зарождающемся угольном цехе в железных жбанах, засыпанных песком, чтобы исключить доступ воздуха внутрь, и подвешенных над кострами, прокаливали измельченные ветки ивы для получения качественного угля. А в серном цеху пытались выплавлять серу из подходящих минералов, привезенных с Мертвого моря. Граф Ибелин имел обширные связи даже среди местных бедуинских купцов-караванщиков. И они вполне охотно торговали нужным сырьем, стоило лишь предложить хорошую цену.

Григорий знал, что существует несколько методов выделения серы, основанных на ее различных свойствах: термический, пароводяной, фильтрационный, а еще применяли для разделения центрифуги. Самым простым, конечно, был термический, основанный на том, что температура кипения и плавления серы в 130 градусов по Цельсию значительно ниже, чем у руд, в которых она содержится. Проблема такого метода заключалась лишь в том, что часть серы при этом пропадает, потому что сжигается. И потери могут достигать до половины.

Потому пароводяной метод, все же, казался лучше, хотя и посложнее. Для него нужно было изготовить автоклав. Но, для начала подошел и простой котел с плотной крышкой, заполненный водой и рудой, и нагреваемый на костре. При достаточном нагреве сера просто вытекла из породы, а воду потом благополучно остужали и сливали. Остыв, выплавленная сера никуда не терялась. Так что способ оказался подходящим.

Понадобилась и пороховая мельница, потому что для однородности и эффективности необходимо готовую смесь измельчать до состояния порошка. На первых порах воспользовались маленькой, ручной, с каменными жерновами относительно небольшого размера, но Григорий понимал, что для развития производства мельница в дальнейшем понадобится основательная, а значит, ее придется изготавливать специально.

Осмотрев то, что должно превратиться в настоящую фабрику, Григорий подумал, что еще и неизвестно, какая смесь получится на выходе. Родимцев знал, что во всю эпоху применения пороха постоянно шел поиск усовершенствований технологии производства. Все производители пытались найти наиболее оптимальную технологию и самый

эффективный состав компонентов. В разных странах и местностях использовали те ресурсы, к которым имели доступ, и потому порох от различных производителей довольно сильно различался.

Родимцев проводил на фабрике целые дни. Он лично руководил становлением всех производственных процессов, не взирая на жару и отвратительный запах. Но, о каком-то значительном успехе говорить пока еще было рано. Прошло несколько дней тяжелых трудов, но все, что пока удалось получить, состояло из нескольких пригоршней селитры, угля и серы. Когда все компоненты смешали в нужной пропорции и перетерли между каменных жерновов, поливая водой из лейки, чтобы смесь не взорвалась, а потом высушили, то полученного оказалось крайне недостаточно. И Григорий смог через несколько дней забрать с собой лишь небольшой бочонок с готовым черным порохом, которого едва ли хватит пушкам на десяток выстрелов. Но, начало пороховому делу было положено. Хотя пока, конечно же, все производство оставалось кустарным и ручным. И Родимцев думал, что надо бы много чего поправлять в процессе и делать по уму. С тем, чтобы все этапы создания пороха были четко разделены. От измельчения исходных компонентов и получения из них тройной смеси, до прессования, зернения и сортировки готового пороха.

Григорий Родимцев знал, что существует более прогрессивный метод получения пороха с помощью водно-суспензионной технологии. Когда в специальную барабанную мельничную машину загружают уголь и серу, заливая их необходимым количеством воды, что исключает возгорание. А тройная смесь получается добавлением измельченной селитры в уже измельченную серо-угольную суспензию. Но, тогда понадобится еще изготавливать и довольно сложный аппарат для сушки и грануляции. И, хотя суспензионная технология казалась менее взрывоопасной, Родимцев пока от нее вынужденно отказался. Остановившись на более примитивном способе порохового производства. Хотя, когда-нибудь потом и планировал внедрение подобной технологии, как гораздо более безопасной. Вот только, для этого придется сильно механизировать технологический процесс.

Пока что Родимцев применял сухой способ производства, когда селитра измельчалась на мельнице отдельно от угля и серы, а сера и уголь измельчались совместно. Все это делалось очень осторожно, потому что компоненты легко могли воспламениться. Кроме ручных мельниц, Родимцев придумал доизмельчать компоненты в кожаных бурдюках с деревянными шарами внутри, интенсивно перетряхивая их.

Григорий помнил, что правильное смешение компонентов наиболее важно для эффективности готового пороха. Родимцеву хотелось в перспективе изготавливать более качественный состав, потому он решил позднее применить прессование смеси в плитку и изготовить машины для дробления, зернения, полировки и сепарации готового пороха. Но это, конечно, потом. А пока он удовлетворился тем, что есть. И, хотя качество получившегося пороха оставляло желать лучшего, для дульнозарядных двухдюймовых орудий он вполне годился. А то, что черный дымный порох сильно пачкает стволы, так это ничего. На то артиллеристы и получают жалование, чтобы чистить орудия чаще, чем стрелять.

На обратном пути с пороховой фабрики в командорство, уже ближе к вечеру, Родимцев заезжал в кузницу. Она тоже расширялась, постепенно превращаясь в маленький металлургический заводик. Со стволами пушек тоже имелись проблемы. Спасало положение лишь то, что в местной кузнице нашлись массивные заготовки для каких-то столбов. Да и кузнец владел навыками сверления и имел довольно твердые закаленные сверла, которые сам же и изготовил. Был у него и сверлильный станок с ручным приводом. Продвинутый

мастер попался. Вот только сверлить таким примитивным оборудованием канал ствола приходилось долго. Положение немного облегчилось, когда перевезли мастеров из-под Акры и набрали еще дополнительных подмастерьев.

Механизация производства напрашивалась, но даже построить самую простую водяную мельницу не представлялось пока возможным. Не было в окрестностях достаточно мощных водных потоков, кроме пары чахлых ручейков и речки Иордан ничего не имелось. Места для строительства плотины в окрестностях Тверии найти не представлялось возможным. Можно было, конечно, попытаться поставить колесо на реке Иордан, но сама эта река пока оставалась границей между крестоносцами, занявшими Тибериаду, и сарацинами, а потому место казалось весьма опасным.

Имелся еще один вариант: выстроить специальное гидротехническое сооружение, вырыть какой-нибудь канал с запрудой, чтобы воды из озера начали крутить мельничное колесо, но это потребовало бы очень значительных трудозатрат и много времени, которого с каждым днем оставалось в запасе все меньше, потому что султан Бейбарс не дремал. Он уже, наверняка, получил вести о взятии Тибериады крестоносцами и начал собирать силы для того, чтобы отбить обратно озерный город. Потому Григорий предполагал на первом этапе механизации сделать обыкновенный ворот и использовать в качестве двигателя пока что лошадей, бегающих по кругу. Разумеется, Родимцев думал о применении для этой цели на будущее паровой машины. Но, быстро ее сделать в местных условиях вряд ли получится. Хотя попытаться, конечно, нужно.

Родимцев все последние дни крутился, как белка в колесе. Столько дел навалилось на него одновременно, что успевать переделать их все было очень трудно, но он, все же, старался везде успевать. Кроме руководства производствами пороха, пушечных стволов и снарядов, он еще и выполнял все орденские служебные обязанности, которые возлагались на командора Тибериады, согласно Уставу братства храмовников.

Должность командора предполагала серьезную ответственность, хотя и не являлась очень уж значительной в иерархии ордена тамплиеров. Больше всего она походила на должность коменданта территориального подразделения. Командором могли назначить не только брата-рыцаря, но и брата-сержанта. Над командорами на внутренней лестнице власти братства стояли Великие приоры провинций, а над ними находилось высшее руководство: сенешаль, маршал и, разумеется, Великий Магистр. После того, как Иерусалим был потерян крестоносцами, руководство ордена переехало в Акру и уже многие годы находилось там.

Командор не являлся высоким чином. Даже должность блюстителя формы, фактически портного, считалась выше и престижнее, чем командорская. Но, объяснялось это скорее тем, что ответственному за форму не приходилось участвовать в сражениях, в то время, как командоры гибли довольно часто, лично возглавляя оборону вверенных крепостей. Именно на деятельности командоров орденская структура и держалась на местах, потому что командоры составляли местную орденскую власть, будучи комендантами крепостей и руководя как хозяйственной, так и военной деятельностью в них.

Практиковалась в братстве и параллельная власть, совещательные органы, как на местах, так и на самом верху: капитулы командорств, провинций и Генеральный Капитул. Имелся еще и Капитул Тайный. Что, впрочем, не мешало некоторым братьям заседать и в том, и в другом, как, например, делали это братья Николас, Теодор и Бернар, недавно посетившие Тибериаду и утвердившие на должность командора Грегора Рокбюрна.

Генеральный Капитул отчитывался перед Великим Магистром, а Тайный Капитул мог принимать решения и вовсе самостоятельно. Более того, он имел право высказать недоверие руководителю ордена и выдвинуть кандидатуру нового Великого Магистра для утверждения Генеральным Капитулом, если назревала такая необходимость. В этом высшем совещательном органе братства Великий Магистр имел всего один собственный голос, а потому не имел возможности значительно влиять на подобные решения. Хотя в большинстве остальных вопросов власти глава ордена мог вести себя подобно самодержцу и поступать так, как вздумается, если только его решения не шли вразрез политической линии, проводимой Тайным Капитулом.

Впрочем, Родимцев пока и не помышлял забраться выше по карьерной лестнице. Место командора Тибериады его вполне устраивало. В военное время командор становился на территории вверенного командорства не менее значительной фигурой, чем Великий Магистр, потому что глава ордена находился далеко, а командор имел право организовывать оборону, строить укрепления, набирать отряды туркополов из местных, посылать людей в бой, карать и миловать, совершая суд. Следовательно, должность командора предоставляла ее обладателю достаточно широкие полномочия, ограниченные лишь рыцарским советом самого командорства.

Не успевая справляться со всеми многочисленными делами в одиночку, Родимцев озаботился назначить себе помощников из числа братьев-сержантов, наградив наиболее достойных должностями надзирателей за рыбацкими деревнями, надзирателей за пригородными масличными рощами, надзирателей над дорогами. Но самыми значительными, по мнению самого Григория, в сложившейся ситуации, являлись надзиратели за выгребными ямами и пороховым производством. А потому он постарался назначить на эти места самых преданных из сержантов. Братьев-рыцарей на хозяйственные должности назначать не позволял Устав. Поэтому Родимцев задействовал их для патрулирования и охраны опорных пунктов.

Еще Григорий потратил деньги спонсоров на увеличение штата наемников-туркополов. Этими усилиями безопасность южной части Тибериады удалось более или менее обеспечить. На всех дорогах организовались посты, досматривающие въезжающих и выезжающих, а городские улицы регулярно патрулировались пешими нарядами и конными разъездами. В темное время объявлялся комендантский час. И местные жители имели право передвигаться по улицам вечером только получив специальный пропуск от самого командора. Все это привело к тому, что ни ассасины, ни вампиры, ни кто-либо еще на тамплиеров больше не нападал. И это несмотря на то, что сарадины по-прежнему продолжали сидеть в осажденной цитадели неподалеку.

Конечно, граф Ибелин ревностно наблюдал за тем, куда Грегор Рокбюрн тратит выделенные деньги. Он часто приезжал из своего лагеря, расположенного в центральном городском квартале, и требовал отчеты по расходованию средств. Монфор тоже выделил деньги, но, согласно договоренности, финансировал он только строительство самих пушек. Все же расходы на пороховое производство нес Ибелин. Напирая на секретность мероприятия и сохранение секрета пороха от посторонних, Григорий смог убедить графа в необходимости всех тех мер безопасности, которые он принял. Впрочем, в усилении тамплиеров Тибериады под командованием своего собственного протеже граф был заинтересован, а потому пока не возражал против дополнительных затрат, считая, что все они окупятся.

Граф посетил строящуюся пороховую фабрику и остался доволен тем, как Григорий там организовал производство. Более того, Ибелин все больше интересовался идеей строительства паровой машины, а также по просьбе Родимцева заказал своим знакомым ювелирам изготовление линз для оснащения подзорных труб. В связи с интересом графа и к оптике, Григорий сразу же подсказал ему идеи очков и лупы.

Между тем, фабрика начинала производить все больше пороха. Вскоре его запасы позволили обеспечить постоянный обстрел причалов вражеской цитадели, что вызвало у сарацин трудности со снабжением. Еще две галеры удалось повредить, а несколько суденышек поменьше затонули от метких выстрелов. Артиллеристы, между тем, продолжали совершенствовать свое мастерство. Григорий ежедневно выделял время для того, чтобы лично обучать расчеты орудий. А еще он учил саперов обращению со взрывчаткой. В голову ему пришла новая идея, и он начал работать над созданием заряда, достаточного для того, чтобы подорвать одну из башен цитадели. Тогда можно будет организовать штурм.

Граф Ибелин и барон Монфор по-прежнему руководили осадой. Их войска держали городскую цитадель Тибериады в полукольце. Обязанности распределили равномерно. Монфор отвечал за северную половину осадной дуги, от берега озера вдоль рва и до главных ворот, а Ибелин контролировал южную часть. Тылы войску Монфора обеспечивали

госпитальеры, а войску Ибелина помогали тамплиеры, контролируя все южное предместье. И роль их возрастала, потому что именно у тамплиеров имелось новое оружие, которое уже показало свою эффективность. И госпитальеры от зависти только бессильно скрипели зубами.

Завистники не знали, что само братство бедных рыцарей Христа и Храма на новое оружие не дало никаких средств. И все делалось только на деньги спонсоров. Даже получив должность командора, Григорий Родимцев не получил от руководства ордена никаких сумм. И все вынужден был организовывать самостоятельно. Для цели финансирования он ввел на оккупированной территории десятину в пользу ордена, взимаемую со всех местных предпринимателей, с купцов и лавочников. Узнав об этом от неизвестных доносчиков, руководство из Акры потребовало присылать им половину от собранной суммы.

С течением времени Родимцев начал сомневаться, что в простые командорства сверху вообще поступают какие-либо деньги, кроме самых ничтожных сумм на очень скромную еду для братьев и корм для лошадей. Он начал думать, что, возможно, верхушка ордена так богата именно потому, что почти ничего и не тратит на содержание орденской структуры, а только копит богатства, собираемые на местах командорами и отправляемые наверх руководству. При этом, каждый командор выкручивается так, как может, оказывая давление на местных богатых людей и собирая с них дань.

Потому все золото тамплиеров находится где-то наверху этой финансовой пирамиды и вкладывается, например, в строительство замков и резиденций в Европе. А каждый командор является кем-то вроде официального рэкетира, работающего на босса всей этой орденской мафии, в роли которого выступает сам Великий Магистр. Деньги же распределяются в интересах Тайного Капитула. Кроме денег, поступающих от командорств, верхушка ордена распорядилась и теми немалыми суммами, которые отправлялись жертвователями из Европы на ведение крестовых походов и войны против сарацин в Святой Земле. И если бы все эти средства, поступившие за столько лет, доходили по назначению, то неприятель, наверняка, давно уже был бы побежден. Все указывало на то, что на самом верху орденской иерархии расположились воры.

Предполагал Григорий и то, что в братстве госпитальеров дела обстоят еще хуже. Помня похождения брата Гаспара, которым лично стал свидетелем, он сделал вывод о том, что если тамплиеры пополняют казну рэкетом, замаскированным под собирание законной церковной десятины, то госпитальеры и вовсе применяют рэкет наглый и ничем не прикрытый. Потому, если местное население над тамплиерами посмеивается, то госпитальеров просто боится.

Полностью отдавшись многочисленным заботам, Григорий перестал думать об опасностях. Тем более, что все меры предосторожности, вроде бы, были им приняты. В тот день он оставил своего верного коня Антония заботам конюхов, а сам поехал на пороховую фабрику на телеге вместе с ассенизаторами. Этим он старался продемонстрировать своим подчиненным, что не сторонится любой, даже самой грязной работы. Что же касалось мерзкого запаха, то к нему Родимцев уже притерпелся. Пороховое производство требовало определенных жертв, и Григорий шел на эти жертвы вполне осознанно, ежедневно подвергаясь риску, потому что в любую минуту порох мог взорваться по неосторожности персонала. Потому самые ответственные операции Родимцеву приходилось контролировать лично. Зато в народе о нем уже судачили, как о трудолюбивом аскете и чуть ли не святом.

Подчиненные уважали его не только за справедливое отношение, но и за то, что

позволял им какие-то маленькие шалости, вроде отлучек в самоволки. Молодые сержанты наладили связи с местными шлюхами и убегали к ним регулярно. Даже верный оруженосец Мансур зачастил к какой-то куртизанке. Впрочем, братья-сержанты и оруженосцы аскетами не были и обет безбрачия не давали. Что же касалось братьев-рыцарей, которые давали клятву целибата, то отношения их с женщинами, если и были, то представляли собой тайну, которую тщательно берегли. Ведь по Уставу нельзя было даже целоваться с матерями и сестрами.

Многие братья-рыцари из отряда являлись суровыми ветеранами, они достигли того возраста, когда разочарование в женщинах брало верх над желаниями плотских утех. Из молодых рыцарей некоторые уже успели получить от противоположного пола сердечные раны, что и заставило их выбрать служение братству вместо личной жизни. Но, были среди шевалье и такие, которые искали любви в обществе мужчин. Например, в последнее время Григорий стал сторониться своего прежнего друга Тобиаса, потому что начал замечать за ним определенные повадки. Он отослал этого молодого рыцаря от себя, назначив комендантом опорного пограничного пункта, созданного на основе постоянного двора, расположенного на несколько миль южнее города, возле реки Иордан.

День на пороховой фабрике прошел быстро. И обратно Грегор Рокбюрн отправился пешком. Дневная жара спала, и с глади озера потянуло приятной прохладой. По дороге Григорий рассуждал об орденском Уставе, который читал накануне. Как командор, он был обязан знать основной документ братства на целых семьдесят две статьи, и Родимцев читал Устав вместо книги на ночь при свете свечи. Книгу ему подарил брат Николас, благословляя на должность. Впрочем, многое там регламентировало чисто религиозные аспекты, например, то, при каких обстоятельствах братьям следует читать молитвы и сколько раз произносить их.

Повседневные заботы в Уставе тоже регламентировались. Принимать пищу братьям следовало молча, слушая строки из Священного писания, зачитываемые капелланом. Вот только оба капеллана эту обязанность игнорировали. Вместо того, чтобы читать строки из религиозных текстов, они трапезничали вместе со всеми, ограничиваясь лишь благословением трапезы. Говорилось и о том, что мясо следует есть не чаще, чем два раза в неделю, а десятую часть пищи надо раздавать беднякам. Что тоже не особо практиковалось, потому что братия имела обыкновение съедать все дочиستا. После трапезы следовало молчать, чего тоже никто не делал.

Сержантам и капелланам полагалось носить черные плащи, но они все упорно ходили в белых, потому что в черном одеянии на солнце было невероятно жарко, и все это понимали, закрывая глаза на несоблюдение формы одежды. Изделия из золота, серебра и деньги для братьев-рыцарей были запрещены, потому все они старались подобные предметы прятать. А вот сержанты, наоборот, щеголяли в золотых цепях, браслетах и кольцах, потому что на них никто официально ограничений не накладывал. Братьям-рыцарям бороду и усы стричь запрещалось. Они и не стригли, а лишь подрезали и то, и другое кинжалами, отчего имели вид немного лихой и придурковатый. Григорий сделал из всего этого вывод, что Устав, написанный аббатом цистерцианского монастыря Бернардом Клервоским, дядей Андре де Монбара, одного из основателей ордена, давно уже устарел, и почти не соблюдался, существуя больше «для галочки».

Было уже темно, когда Григорий оказался один в небольшой пальмовой роще на берегу озера. Он множество раз проходил через это место. За пальмами скрывались поросшие

лианами развалины какого-то монастыря, разрушенного еще при Саладине и выглядевшие при свете дня совершенно безопасными, где и спрятаться почти что негде. Вдруг там промелькнула при свете луны чья-то тень. И Родимцев сразу же вспомнил, что за ним охотятся. Кто же это? Ассасин или вампир? А, может быть, ему просто показалось?

«Черт бы побрал этих тайных врагов!» — выругался Гриша, внимательно осматривая пространство вокруг себя. Он пожалел, что не взял никого с собой. Но, держать личную охрану в то время, когда людей в командорстве не хватало, он считал дурным тоном. Теперь же, чтобы добраться живым до ближайшего поста, ему предстояло надеяться только на себя. Григорий положил руку на рукоять оружия. Это немного успокоило. Но, через пару секунд что-то мелькнуло опять, заставив Родимцева обернуться и выхватить меч.

Прямо на него огромными прыжками летела ужасная тварь. То был восставший мертвец, зомби-вампир, жаждущий крови. С подобными Грегор Рокбюрн уже встречался возле сельской часовни. Еще один похожий выскочил впереди из-за пальмы. Третий уже стоял сзади, метрах в десяти. Вспомнив, как с ними следует сражаться, левой рукой он рванул из ножен свой старинный трофейный кинжал. И сразу услышал зловещий шепот, которым кто-то невидимый пытался говорить с ним. Этот звук поднимал из глубин души Родимцева безотчетный страх, внушая ужас и парализуя волю. Слова улавливались отчетливо, а время словно бы остановилось.

— Встань на мою сторону. И вместе мы изменим весь этот мир!

— Изыди, некромант! — прокричал Грегор Рокбюрн, но из его горла вырвался только хрип, а руки, держащие клинки, дрожали.

Трое мертвецов-вампиров остановились. Они чего-то ждали и не набрасывались. Выглядели они неважно, плоть с лиц местами сползла, обнажив белые кости, которые резко выделялись в свете луны. За ними появилась и четвертая фигура, которой и принадлежал мерзкий голос. И Родимцев узнал нищего хромого калеку, одетого в лохмотья, который часто просил милостыню на этом месте, возле руин монастыря. И Григорий регулярно подавал ему, ничего не подозревая. Оказывается, это сам некромант следил за ним, вычисляя маршрут следования жертвы прежде, чем организовать нападение.

И взгляд желтых глаз длинноволосого старика, опирающегося на посох, подсвеченных изнутри каким-то нереальным колдовским светом, вонзался в Грегора Рокбюрна, словно отточенное лезвие клинка. И ни спрятаться от этого взгляда, ни отвести глаза возможным не представлялось. Старикан явно обладал гипнозом. Подобную силу взгляда имел, пожалуй, лишь монах Иннокентий. Только взгляд монаха был добрым и расслабляющим. Вот кто пригодился бы в этот момент со своим волшебным крестом. Только, где он сейчас? Уже несколько дней Григорий не встречал монаха, хотя он и проживал в странноприимном доме, организованном при командорстве.

Между тем, голос старика продолжал говорить, хотя сам он даже не открывал рта, а лишь сковывал волю Родимцева своим страшным взглядом ядовитой змеи. Слова звучали прямо внутри головы так, что Григорий отчетливо понимал каждое слово:

— Я предлагаю тебе возможность разделить власть со мной над миром живых. Но, если ты не согласишься, то я заставлю тебя служить мне мертвым. Делай выбор. Иначе мои слуги умертвят тебя, а я заберу твою душу!

Фигура нищего старика в этот момент показалась угрожающей и настолько мрачной, будто бы внутри нее клубилась концентрированная темнота, густая и беспросветная, а взгляд старика полыхал огнем ада.

«Да он же сам дьявол!» — мелькнула мысль у Григория. И он понял, что нечто изменилось, раз способность мыслить вернулась к нему. Слетело и гипнотическое оцепенение. Да и страх сильно уменьшился, превратившись в обычное предвкушение схватки, заставляющее мышцы напрячься.

И действительно. Григорий даже не заметил, как из-за его спины вышел монах Иннокентий, до того, по-видимому, скрывавшийся в тени за ближайшей пальмой. Только в этот момент до Родимцева дошло, что старик все это время тайно следил за ним и оберегал. Вспомнились его слова о том, что вампиров нужно выманить на себя. И все это время Грегор Рокбюрн играл роль приманки. А в критический момент, когда враги решились напасть, появился и сам охотник за вампирами.

— Он слишком мелок для князя тьмы. Лишь его посланец, не более, — спокойно произнес Иннокентий, уверенно поднимая свой крест из белого металла.

Некромант ответил, поднимая свой посох:

— Так и ты не архангел, а такой же посланец, вроде меня, только от другой стороны. Или ты возомнил, что сможешь победить в схватке? Ты преследуешь меня, как надоедливая муха, и самое время тебя прихлопнуть!

После этих слов две молнии, белая, вылетевшая из креста Иннокентия, и красная, ударившая из посоха некроманта, соприкоснулись в воздухе, разлетевшись во все стороны

тысячами искр. Одновременно с этим вампиры кинулись на Григория сразу с трех сторон. Одному из них не повезло наткнуться на древний кинжал, отчего тварь мгновенно задымилась и рухнула, а другому Грегору Рокбюру точным ударом меча по скелетированной шее снес голову. После удара тело твари повалилось, быстро умерев окончательно, а вот череп, упав на землю, продолжал активно щелкать челюстями, пытаясь укусить Родимцева за сапог.

Рыцарь пнул мерзкую голову ногой, словно футбольный мяч, и оглянулся в поисках третьего вампира. Тварь застыла всего в одном шаге сзади, но больше не атаковала, а странно корчилась. Объяснение оказалось простым. Вампир терял управление, потому что брат Иннокентий в этот момент держал некроманта за горло и душил. Но, Григорий, все же, для верности, ткнул мерзкого зомби-вампира кинжалом, отчего тот вспыхнул изнутри снопом разноцветных искр и повалился без движения.

В это время Григорий заметил, что, несмотря на то, что монах уже почти окончательно придушил некроманта, тот умудрился свободной рукой извлечь откуда-то свой кинжал с черненным лезвием, который собирался вонзить Иннокентию в бок. Увидев такое, тамплиер немедленно ринулся на помощь монаху и поразил врага собственным кинжалом, но было поздно, потому что некромант все-таки сумел пырнуть Иннокентия черным клинком.

Григория сильно ударило током, встряхнув разрядом все тело, а перед его глазами с разницей в сотые доли секунды произошли две вспышки: белая, а затем красная, словно бы взорвались свето-шумовые гранаты. И мир для Родимцева исчез. На какое-то время он полностью ослеп, а когда зрение вернулось к нему через пару минут, то среди пальм никого уже не было. Лишь на том месте, куда упали тела вампиров и их части, тлели кучки пепла. От монаха, как и от некроманта, никаких следов не осталось. Словно их и никогда не было.

Старинный трофейный кинжал, которым Григорий заколол некроманта, тоже бесследно исчез, только на ладони левой руки остался ожог от рукоятки, раскалившейся при разряде. «Значит, некромант оказался посланцем тьмы, а монах Иннокентий оказался посланцем света, так получается», — решил для себя Родимцев. Он еще какое-то время стоял среди пальм в задумчивости, предполагая, что народ сбежит, услышав раскаты грома и увидев вспышки. Но, никто так и не появился. Постояв еще немного, командор побрел к себе в командорство.

О произошедшем Григорий никому не рассказал, но, после случившегося, удвоил собственную бдительность, каждый раз надевая в дорогу доспехи и шлем, несмотря на жару, и проложив свой маршрут таким образом, чтобы постоянно оказываться в пределах прямой видимости постов, выставленных на опорных пунктах. Ведь, кроме уничтоженных вампиров и некроманта, за ним охотились еще и ассасины. И все равно, ассасин вскоре напал на него. Причем, случилось это на улице города, когда он уже направлялся к воротам командорства, преодолев весь путь от пороховой фабрики верхом на коне. Ассасин устроил засаду на крыше одного из двухэтажных домов, стоящих близко к ограде сада. Когда Родимцев подъехал ближе, убийца выстрелил из арбалета и умело сбежал прежде, чем организовали облаву.

Григория спас верный конь. Антоний что-то почувствовал и внезапно дернулся чуть в сторону. Благодаря этому, короткая и тяжелая арбалетная стрела, направленная в область глаз, лишь рассекла по касательной левую щеку. Убийца стрелял в лицо, потому что Грегору Рокбюру ехал с поднятым забралом. Получив рану, командор сразу же пришпорил коня и влетел в ворота, а сержанты, стоящие в карауле возле въезда, немедленно кинулись в погоню

за ассасином.

Зажав рану рукой, Григорий благополучно скрылся за оградой, но ассасину удалось уйти и на этот раз. К счастью, капеллан Годфруа оказался на месте. Он сразу почистил командору рану, ведь болт мог быть и отравленным, а затем зашил Рокбюрну щеку кривой иглой с грубой ниткой.

Было очень больно, но Григорий стерпел, стиснув зубы. Шрам от удара арбалетного болта, выпущенного ассасином, обещал получиться весьма заметным. И Родимцеву сразу вспомнилась Адельгейда, которую он отвозил в монастырь. Только у нее шрам получился гораздо больше, через все лицо. И она была девочкой, для которой внешность, конечно, имела значение. А мужчину, тем более командора, шрамы лишь украшают.

Он все-таки не выдержал и выругался. Потом сказал:

— Мне кажется, что все это из-за того, что я перешел кому-то дорогу, что меня пытаются убрать с пути те, кто надеялся назначить на должность командора какого-нибудь своего друга или родственника. Вот я и помешал. Вполне возможно даже, что это сами же эти старики организовали, которые меня и назначили. Во всяком случае, именно в день их приезда атаки ассасинов и начались.

Капеллан Годфруа, выслушав его, проговорил:

— Послушай мнение опытного человека, брат Грегор, я не думаю, что отношение ко всему этому имеют братья Николас, Бернар и Теодор. Они утвердили тебя на должность именно потому, что тоже, как и я, поняли твое предназначение, поняли, что ты способен менять мир вокруг себя. В нашем ордене много храбрых рыцарей, преданных братству. Но, они хорошие добросовестные исполнители. Ты же другой. Инициативный. Таких в братстве мало. К нам в орден приходят, в основном, сильные с виду люди. Но, внутренне они слабы, потому что ищут в стенах братства духовную опору для собственной бесхребетности и нерешительности. Ты не такой. Потому ты сразу заинтересовал Тайный Капитул. И командором тебя назначили не просто так, а за твои дела. За победы, которые ты организовал. Ты достоин этой должности, как никто другой. В руководстве ордена это прекрасно понимают. Потому я считаю, что убийцу к тебе подослали не они. И руководство ордена здесь не при чем. Искать следует среди настоящих врагов.

— Тогда, вполне возможно, что убийцу нанял барон Монфор, — предположил Григорий.

Но, Годфруа отрицательно покачал головой и произнес:

— Не думаю. У Монфора нет никаких мотивов. Он тоже, в конце концов, воспринял твое возвышение правильно и начал активно участвовать в производстве пушек. Барон даже смирился, что секрет пороховой смеси останется у нашего командорства. А вот завистники вполне могли убийцу подослать. И главные завистники, конечно, братья-госпитальеры. К нашему братству они всегда относились неважно. Они же и жалобы постоянно пишут в Рим на всех нас, настраивая церковное руководство против нашего ордена. Но, боюсь, что с этим ничего нельзя поделать. Надо просто принять к сведению, что госпитальеры такие, какие есть. Но, Господь все видит и вершит суд.

Родимцев пробормотал:

— Что же теперь делать? Даже если нашим сержантам все-таки улыбнется удача, и они поймают убийцу, в чем я сомневаюсь, то ничего не мешает тем, кто желает моей смерти, подослать следующего.

— Надейся на Господа. Он есть сама справедливость. И Господь посылает защиту тем,

кто идет в правильном направлении, а нечестивцев наказывает. Да воздастся убийцам и тем, кто их подсылает, по заслугам их! — проговорил капеллан.

Прошло еще несколько дней, и на фабрике накопилось достаточно пороха, чтобы сделать фугас большой мощности. Григорий лично изготовил мину, которую следовало подложить под башню цитадели, удерживаемой сарацинами. Грегор Рокбюрн поставил в известность Жана Ибелина. И вместе они приняли решение взрывать южную башню крепости, потому что с южной стороны осаду держали войска графа совместно с тамплиерами. К тому же, именно южная башня, защищающая пристани цитадели с юга и построенная на насыпи, вклинивающейся в воды озера на десяток метров, уже оказалась поврежденной огнем пушек, число которых за это время увеличилось до семи, потому что Монфор, который взял надзор за строительством орудийных стволов на себя, относился к делу очень серьезно, организовав подвоз подходящих металлических заготовок, предназначенных изначально для изготовления различных столбов, опорных и декоративных, отовсюду, включая и саму Акру.

В кузнице кипела работа от рассвета и до заката, а само производство сильно расширилось. Вот только, по причине использования различных заготовок, все пушки пока получались внешне разными, хотя и с одинаковым калибром в два дюйма. Это объяснялось не столько даже желанием Григория унифицировать заряды, сколько тем, что единственный сверлильный станок, приводимый во вращение ручным воротом, который крутили подмастерья, сменяя друг друга, имел самое большое сверло именно такого диаметра. И это сверло, сделанное из самого лучшего твердого и закаленного металла, который только мог изготовить мастер-кузнец, все равно приходилось постоянно точить и править. Делали это на вращающемся точильном камне, которым оснастили точильный станок, тоже приводимый в движение работой мышц подмастерьев.

Воздействие двухдюймовых снарядов на блоки из черного базальта, составляющие фундаменты и стены башен цитадели Тибериады, было недостаточно разрушительным. Но постепенно обстрелы делали свое дело. И стены южной башни постепенно крошились, причем, гораздо более эффективно, чем под действием катапульта, которые до сих пор применял на северном фланге Монфор. И, хотя имеющийся калибр казался Родимцеву недостаточно серьезным, от каждого попадания двухдюймовых железных ядер камень трескался, и от него отлетали небольшие кусочки.

Расчеты артиллеристов, обучаемые лично командором, работали исправно. С преодолением дефицита пороха, пушечные залпы не смолкали целыми днями. И Родимцев опасался, чтобы стволы их не изнашивались раньше времени. Регулярная стрельба дала ощутимый результат: днем вражеские суда уже не рисковали близко подходить к цитадели со стороны озера. Но, по ночам попытки снабжения вражеского гарнизона все еще не прекращались.

Учитывая то обстоятельство, что все пушки получились разными, граф Ибелин предложил дать каждой из них собственное имя. Самую первую, железную, назвали «Маленький Гром», второй дали имя «Длинный Гром» за характерный ствол. Третью назвали «Бронзовый Столб» из-за того, что из бронзового столба она и получилась. Четвертой дали имя «Черная Смерть», потому что на ее изготовление пошла заготовка из темного металла. Пятой присвоили название «Точный Молот», потому что она почему-то стреляла точнее других. Скорее всего потому, что и ствол ее получился на тридцать сантиметров длиннее, чем у «Длинного Грома». Шестую и седьмую назвали «Золотые

Близнецы» из-за того, что на их изготовление пошли два позолоченных бронзовых опорных столба внутреннего интерьера, изначально предназначенные для нового королевского дворца в Акре.

Последнее покушение, произведенное ассасином, которого опять так и не удалось поймать, произвело на Григория неприятное впечатление. И потому для собственной защиты он приказал кузнецам изготовить для себя пистолет с кремневым замком. Через некоторое время Грегор Рокбюрн уже хвастался перед графом Ибелином новым оружием. Пистолет получился тяжелым, для стрельбы из него применялись свинцовые пули калибром в половину дюйма. Пистолет был дульнозарядным, в нем использовалась кремневая пластина для высекания искр и поджигания запала.

Родимцев не стал заморачиваться с колесцовым замком, принцип действия того спускового механизма, который он придумал и разработал сам, оказался весьма простым. Ударный кремневый замок, который он смастерил вместе с кузнецом, учитывал недостатки многих подобных изделий и, в то же время, получился довольно надежным. Под действием тугой боевой пружины курок, на котором винтом через стальные прокладки зажимался кусочек кремния, ударял по стальному «огниву», высекая искры, которые и воспламеняли на затравной полочке порох, в результате чего огонь, проникая через боковое отверстие в ствол, поджигал заряд и производил выстрел. Причем, предусмотрел Григорий и специальную крышечку, которая прикрывала затравный порох в походном положении, но при выстреле открывалась в момент нажатия на спусковой крючок. Так что порох оставался сухим и не высыпался.

Вот только пистолет во время выстрела нужно было держать ровно и на вытянутой руке, потому что затравный заряд, вспыхивающий на полке, давал достаточно сильную вспышку и задымление, что вполне могло повредить глазам. Достаточно тяжелая пуля, разогнанная тридцатисантиметровым стволом, пробивала насквозь с двадцати шагов щит, нагрудную пластину и кольчугу. Жан Ибелин был в полном восторге от этой новинки. И кузнецу пришлось быстро изготовить еще один пистолет для графа. После чего владелец Яффы и Аскалона посвящал все свое свободное время стрельбе по мишеням, быстро научившись совсем неплохо стрелять.

За время осады цитадели у госпитальеров тоже произошли изменения. Командира их отряда, который неосторожно слишком близко приблизился ко рву перед вражеским укреплением, убил меткий арбалетный болт, пущенный со стены. В результате чего командором госпитальеров в Тибериаде назначили брата Гаспара, того самого нечестивца и рэкетира, в драке с которым когда-то участвовал Григорий, защищая семью кузнецов от поборов. И это известие, конечно же, не сулило ничего хорошего налаживанию взаимодействия двух рыцарских орденов на территории озерного города.

Если с прежним командиром госпитальеров можно было пытаться найти решения, устраивающие всех, потому что он вполне неплохо понимал в военной науке и ради победы соглашался на компромиссы, то с Гаспаром договариваться не получалось. Этот человек люто ненавидел Грегора Рокбюрна и потому всегда выступал на военном совете против любых его предложений. Спасало положение лишь то, что барон Монфор, все же, прислушивался к разумным предложениям командора тамплиеров и графа Ибелина.

Когда к подрыву южной башни цитадели все уже было готово, Жан Ибелин и Грегор Рокбюрн уведомили барона Монфора и нового командора госпитальеров о своем плане. Но, брат Гаспар высмеял этот план, назвав его авантюрой и наотрез отказался участвовать в его осуществлении. Монфор же, взвесив все аргументы, вынес решение, как главнокомандующий.

— Ладно, Жан и Грегор, под вашу ответственность. В конце концов, южная башня находится в вашей зоне контроля. И, если вы сможете выполнить задуманное, уничтожив башню и ворвавшись во вражескую цитадель, то и мое войско попробует атаковать ворота, — сказал барон.

А надо сказать, что войско Монфора времени даром не теряло. Пока тамплиеры готовили порох, орудия и снаряды, саперы и пехотинцы барона под вражеским огнем, используя для прикрытия от стрел, болтов, камней и потоков кипятка, летящих со стен и башен цитадели, деревянные «черепахи», обшитые толстой кожей в несколько слоев, забрасывали защитный ров землей и разным строительным мусором, например, каменными блоками от разобранных зданий. И к тому моменту они уже создали перед воротами врага достаточно широкий перешеек, с которого можно было бы начать штурм ворот и надвратных башен вражеской цитадели. Граф Ибелин тоже делал свое дело, готовя легкие лодки для форсирования рва и пряча их до момента атаки на врагов в специальных укрытиях. А Грегор Рокбюрн готовил брандеры с порохowymi зарядами. Выбрав темную ночь, когда луны не было, военачальники согласовали свои действия.

Под покровом темноты храмовники начали операцию. Они вывели лодки из укрытий и подвели брандеры, набитые порохом, вплотную к южной башне. Противник заметил фитили, запыхавшие в темноте внизу под самой башней слишком поздно. Вверх взметнулся столб пламени. Сильный взрыв разбудил весь город, а взрывная волна разнесла не только саму южную башню, а и всю стену цитадели, примыкающую к ней. Дым от взрыва еще висел в душном воздухе левантийской ночи, когда храмовники, возглавляемые командором, ворвались внутрь последней сарацинской твердыни в Тибериаде.

Атакующим удалось перевезти на лодках через ров, протащить через развалины, устроенные взрывом, и пустить в дело целых три орудия. Самые короткие и легкие, тем не

менее, они быстро решили исход сражения. Хорошо обученные артиллеристы установили стволы на прямую наводку и начали бить по неприятелю картечью почти в упор. В ночи плохо просматривались цели, потому стреляли по всему, что двигалось. И вскоре удалось увеличить количество орудий на переднем крае до пяти. А Грегор испытал первые осветительные ракеты, которыми стрелял из собственного пистолета, указывая цели артиллеристам.

Выстрелы пушек быстро очистили поле боя от южной башни до северной, отрезав цитадель от озера. А пехота Жана Ибелина успешно захватила все это пространство. Бой перекинулся на стены цитадели. И вскоре сконцентрировался в районе ее главных ворот. Артиллеристы уже не могли поддерживать собственные войска огнем, потому что боевые порядки атакующих смешались в ночи с противником в жестокую сечу. И командор храмовников приказал перенести огонь пушек на донжон. Вскоре, преодолев сопротивление возле ворот, пехотинцы графа открыли проход, и внутрь ворвалось войско барона Монфора во главе с ним самим. Впрочем, они уже только добивали сопротивлявшихся сарацин и брали в плен тех, кто сложил оружие. К рассвету вся цитадель, кроме донжона, отделенного еще одним рвом и подъемным мостом от основных укреплений, оказалась в руках крестоносцев.

Что же касалось огромной башни донжона, то по ней не прекращали бить пушки. Каждый залп не только откалывал кусочки камня, но и поражал стрелков, засевших на верхней площадке и в бойницах. Долго терпеть обстрел на этот раз руководители обороны не стали, поняв, что шансов на успех не осталось. И вскоре над донжоном показались белые флаги. А это означало, что и последние сарацины сдавались.

Никто в ту ночь не ложился спать в городе из-за грохота пушек. И именно благодаря артиллерии победа далась относительно легко. Крестоносцам удалось захватить множество трофеев, важных пленников и даже их гаремы в полном составе. На смотре войск, устроенном на главной городской площади, Монфор прилюдно поблагодарил командора тамплиеров за создание нового оружия. И от Грегора Рокбюрна не укрылось, с какой злобой смотрел на него брат Гаспар, сделавшийся командором госпитальеров.

В честь победы в главной городской церкви, переделанной к тому моменту из мечети, организовали торжественное богослужение. В храм вообще-то следовало входить без шлемов и оружия. Но, далеко не все следовали этим правилам в опасное военное время. У входа в церковь толпились нищие. Двое просто осаждали командора тамплиеров, пытаясь схватить его белый орденский плащ грязными руками. Грегор попросил подать нищим милостыню сержантов, следующих за ним в качестве телохранителей.

Но, как только стражи отвлеклись и полезли в свои кошельки, нищие моментально напали, выхватив кинжалы. Лишь хорошая реакция спасла Грегора Рокбюрна. Проворно отпрыгнув в сторону, он разрядил свой пистолет в ближайшего убийцу, а второго схватил оруженосец Мансур, который следовал сразу за сержантами, внимательно наблюдая за безопасностью. Ему эти нищие не понравились с первого взгляда. Выходило, что убийцы враги подослали даже не двух, а трех, если считать того, который уже сидел в подвале командорства.

После окончательного взятия всей Тибериады Григорий Родимцев все больше чувствовал, что история начинает идти куда-то в другую сторону. Со всех сторон ему сыпались заказы на производство пороха, взрывных устройств, пушек и пистолетов. Монфор, увидев все это в бою, написал доклады всем высшим сановникам королевства. После чего

интерес возник нешуточный, понаехали вельможи, которым все показали, и начали поступать немалые деньги. В самое ближайшее время предполагалось значительно расширить выпуск не только артиллерии, но и стрелкового оружия. Тем более, что Григорий сделал и удачное кремниевое ружье, подарив его Монфору, которому этот подарок очень понравился.

С течением времени Родимцев начал ловить себя на мысли, что все сильнее превращается в Грегора Рокбюрна. С каждым днем он все больше отождествлял себя с этим молодым и успешным рыцарем, забывая уже, что когда-то в другой жизни был военным пенсионером Григорием Родимцевым. Желания у него появились тоже, свойственные молодым. Очень захотелось женщин, и он вступил в тайную связь с той самой младшей наложницей эмира Ибрагима, которая не сбежала, как другие женщины, а не побоялась трудностей, оставшись работать на пороховой фабрике.

Впрочем, девушка оказалась совсем не против тайного союза с молодым командором тамплиеров. По ее мнению, багровый шрам на щеке, полученный от стрелка-ассасина, только украшал Грегора. Он же своей властью выдал ей один из трофейных домов с видом на озеро, расположенный рядом с той пальмовой рощицей, где монах Иннокентий и некромант сошлись в смертельном поединке, и повысил любовницу в должности, назначив ее начальницей цеха.

Об остальном персонале порохового производства он тоже не забывал, выделив всем дома и квартиры в захваченном городе. Многие бывшие хозяева сбежали еще до полной осады, потому с пустующей жилплощадью проблем пока не возникало. На жалование тоже никто из коллектива фабрики не жаловался. Но каждый работник знал, что попытка уйти с работы и переметнуться на сторону врагов будет караться смертью, о чем всех предупреждал лично командор.

Сам же Грегор Рокбюрн разбогател за короткое время настолько, что набрал множество местных жителей в собственный батальон туркополов, вооруженных луками. А самых толковых кандидатов он назначал в команды артиллеристов, которых тоже образовалось немало, потому что производство пушек, пороха и снарядов с каждым днем лишь нарастало. И, по-прежнему, Грегор лично обучал их. А еще, кроме пушек, пистолетов и ружей, он изобрел и начал изготавливать простейшие минометы двухдюймового калибра.

Конечно, вестям о том, что крестоносцы захватили Тибериаду, султан Бейбарс не обрадовался. Он немедленно повелел отступать из Армянской Киликии, чтобы идти отбивать озерный город назад. Сарацины приближались к городу с севера, со стороны тех самых холмов, названных Рогами Хитина, где когда-то разыгралось печально знаменитое сражение, проигранное крестоносцами, в результате которого христианами был потерян Иерусалим.

Барон Монфор отличался бдительностью. И на этот раз он узнал о приближении противника загодя, потому что передовые дозоры давно им были выставлены, и они не дремали. Тревогу подняли ночью. Хитрый Бейбарс решил подойти под стены города, пользуясь темнотой. Но, гонец от передового дозора предупредил вовремя. Он скакал и кричал во весь голос:

— Сарацины идут! Проснитесь, братья! К оружию!

И христиане по всей Тибериаде просыпались, выпрыгивая из своих постелей. На улицах зажигали костры, а на стенах и башнях вспыхнули факелы. К битве готовились ратники барона Монфора и графа Ибелина. И даже госпитальеры отправлялись на бой. Откликались

и обученные бойцы ордена Храма. Они быстро одевались и выходили из казарм, проверяя оружие. Если султан рассчитывал подобраться к городу незаметно, то его постигла неудача. Застать врасплох крестоносцев на этот раз не получилось. И вскоре передовые отряды начали рубиться прямо в ночи. Кавалерия сшиблась при свете луны, звезд, костров и факелов к северу от города.

Артиллеристы тоже приняли вызов. Пушки установили на городских стенах загодя, как только поползли слухи о приближении неприятеля. И теперь, после объявления тревоги, подносили дополнительные ящики с боезапасом. Кроме того, артиллеристов охраняли мушкетеры-тамплиеры, вооруженные кремниевыми ружьями и мечами. Рыцарская кавалерия ордена тоже никуда не делась. Но, теперь она должна была действовать лишь согласованно с артиллеристами, которыми, стоя на самой высокой городской башне под гордо реющим знаменем «Босеан», командовал сам Грегор Рокбюрн. А рядом с ним находился граф Ибелин, вооруженный длинным кремниевым ружьем, которое он прекрасно освоил после пистолета. Оба они внимательно всматривались в поле битвы через новенькие подзорные трубы, изготовленные по заказу графа. Вот только они не могли начать стрелять, потому что вперед неожиданно выскочили госпитальеры, ринувшись в бессмысленную атаку на превосходящие силы армии султана. И вел их сам брат Гаспар, которому, конечно, при всех его недостатках, нельзя было отказать в безрассудной храбрости.

— За веру! — кричал он, перекрывая своим громким голосом рев толпы. И все остальные госпитальеры вторили ему, яростно ринувшись в битву, вырвавшись из северных ворот города. Сарацины напоролись на мощное сопротивление. На огромном боевом коне, закованном в латы, Гаспар вклинился во вражеский авангард. На его груди серебрилась в свете луны прочная стальная кираса, начищенная до блеска, а враги падали замертво от его меча.

Неожиданно из главных ворот на помощь госпитальерам устремились всадники Монфора, крича:

— Монжуа!

А сам барон сменил сон на азарт сражения, нанеся мощный удар по правому флангу неприятеля, устремившегося к городским стенам в попытке обойти боевые порядки госпитальеров и прижать их к озеру. На этот раз барон орудовал полутораручным мечом прямо с седла своего высокого жеребца, закованного в броню. И когда Монфор опускал огромный обоюдоострый клинок на очередного противника, то часто разрубал его почти пополам.

Но, несмотря на ожесточенное сопротивление крестоносцев, мамлюки не ослабляли натиск. Они с остервенением рубились своими искривленными ятаганами против прямых мечей. Битва под стенами озерного города продолжалась, когда уже наступил рассвет. А войско графа Ибелина и тамплиеры все еще не вступали в битву, оставаясь в резерве. Так было решено на военном совете накануне: если неприятель нападет на Тибериаду с южной стороны, то первыми будут отражать нападение Ибелин и храмовники, а если удар придется с севера, то удар примут госпитальеры и войско Монфора. Остальные же должны охранять городские стены.

Тем временем, султан бросил в бой новые силы, надавив на госпитальеров. И новая атака тяжелых мамелюкских всадников, закованных в броню не хуже крестоносцев, смяла авангард госпиталя Святого Иоанна. В подзорную трубу Грегор хорошо видел, как один из атакующих сбил копьём с седла брата Гаспара. После чего его, похоже, добили. Сам же

султан в бой не шел, разбив шатер своей ставки на ближайшей возвышенности в трех сотнях метров от городских стен. Бейбарс не спешил. Ратников в его армии было много. Разведчики сообщали о двадцати тысячах. И возможно, что он надеялся на подход еще каких-нибудь подкреплений.

Когда основные силы неприятеля втянулись в битву, медлить было уже нельзя. И Грегор Рокбюрн, наконец, скомандовал:

— Орудия к бою! Заряжай картечью! Подпустить ближе! Огонь по моей команде!

Пространство перед городом как раз осветил рассвет, что дало возможность артиллеристам точно нацеливать пушки. Безмятежное утреннее левантийское небо отражалось в спокойной воде озера, когда воздух задрожал от залпов двух десятков двухдюймовых орудий. И разрывы картечи прошли по коннице неприятеля, сея смерть. Монфору, при этом, хватило ума и опыта организовать организованное отступление собственного войска к городским стенам. Мамелюки же, устремившиеся за отступающими, в надежде разгромить их окончательно, попадали под смертельный огонь орудий, выкашивающий их ряды.

Между тем, граф Ибелин заметил в подзорную трубу, что с противоположного холмика Бейбарс отдает команды своим войскам. После чего он привел свое новое кремневое ружье в боевое положение, уперев ствол на каменное ограждение башни. Ружье это не было обычным гладкоствольным. Ради эксперимента Грегор Рокбюрн дал кузнецам задание изготовить его с четырьмя нарезами в стволе. Фактически, то была первая винтовка. Стрелять же граф за это время научился прекрасно. Конечно, помогла ему и удача. И молитва, наверное, тоже. Как бы там ни было, но, тот единственный выстрел, который сделал граф с городской башни, поразил султана прямо между глаз. После чего сражение удалось довольно легко выиграть, потому что, лишившись командования и понеся значительные потери от артиллерийского огня, армия мамелюков начала беспорядочно отступать. Вскоре в окрестностях озерного города не осталось ни одного врага, а события истории пошли совсем по-другому. Главная угроза христианскому королевству Святой Земли исчезла.

Больше книг на сайте - Knigoed.net